

ЮРИСЛИНГВИСТИКА

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Выходит четыре раза в год

Журнал основан в 1999 г.

№ 27

2023

Учредитель

ФГБОУ ВО «Алтайский государственный университет»

Главный редактор

А.А. Васильев, Алтайский государственный университет

Редакционная коллегия

С.В. Доронина, Алтайский государственный университет, Алтайская лаборатория судебной экспертизы

Н.Д. Голев, Кемеровский государственный университет

Т.В. Чернышова, Алтайский государственный университет

М.В. Горбаневский, председатель правления Гильдии лингвистов-экспертов по документационным и информационным спорам

А.М. Плотникова, Уральский федеральный университет, Уральский региональный центр судебной экспертизы

П.А. Манянин, Экспертно-криминалистический центр ГУ МВД России по Алтайскому краю

О.В. Барабаш, Научно-исследовательский институт фундаментальных и прикладных исследований Пензенского государственного университета

Н.Н. Шпильная, Алтайский государственный педагогический университет

Н.Б. Лебедева, Кемеровский государственный университет

Л.Г. Ким, Кемеровский государственный университет

Е.В. Кишина, Кемеровский государственный университет

Т.В. Дубровская, Пензенский государственный университет

Е.С. Аничкин, Алтайский государственный университет

Модератор журнала

С.В. Доронина, Алтайский государственный университет

Адрес редакции: 656049, г. Барнаул, ул. Димитрова, 66, ауд. 413а.

Адрес издателя: 656049, г. Барнаул, пр. Ленина, 61.

Тел./Факс: 8 (3852) 296617. E-mail: doroninasv73@mail.ru

Адрес сайта журнала: <http://legallinguistics.ru/>

Адрес в системе РИНЦ: https://elibrary.ru/title_about.asp?id=31947

Журнал утвержден к печати объединенным научно-техническим советом АлтГУ.

ISSN 2587-9332

Рег. номер Эл № ФС77-78616 (решение от 30.07.2020 г.)

СОДЕРЖАНИЕ

Язык права	
Батюшкина М.В. ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫЕ КЛИШЕ: СПЕЦИФИКА, ВИДЫ И ФУНКЦИИ	7
Козлова М.Ю. ЮРИДИЧЕСКИЙ ДИЗАЙН КАК СРЕДСТВО УМНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ	15
Поповская В.И. ОТРИЦАТЕЛЬНЫЕ ДЕВЕРБАТИВЫ В ТЕКСТАХ ЗАКОНА: КОММУНИКАТИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ	21
Стародубцева М.А. НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПРАВОВОГО СТАТУСА ХЭШТЕГИРОВАНИЯ ПУБЛИКАЦИЙ В СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЯХ	27
Юридическая герменевтика	
Голенко Д.В. ВОПРОСЫ ТОЛКОВАНИЯ ОСОБЕННОЙ ЧАСТИ УГОЛОВНОГО ЗАКОНА	31
Вовк Е.В. СООТНОШЕНИЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ И ВНУТРИГОСУДАРСТВЕННЫХ СТАНДАРТОВ СПРАВЕДЛИВОГО ПРАВОСУДИЯ В СВЕТЕ ВЫХОДА РОССИИ ИЗ СОВЕТА ЕВРОПЫ	34
Петухов Е.Н. СУЩНОСТЬ КОНЦЕПЦИИ ГАРАНТИРОВАННОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ НАДЛЕЖАЩЕГО ИСПОЛНЕНИЯ ОБЯЗАННОСТЕЙ УЧАСТНИКОВ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА	39
Юридическая техника	
Голев Н.Д., Иркова А.В. СЕМАНТИЧЕСКАЯ ДИФFUЗИЯ ЮРИДИЧЕСКИХ ТЕРМИНОВ КАК ПРАКТИЧЕСКАЯ И ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ ПРОБЛЕМА	44
Давыдова М.Л. ЯЗЫКОВЫЕ ПРАВИЛА ЮРИДИЧЕСКОЙ ТЕХНИКИ: РАЗУМНОСТЬ, ОБЯЗАТЕЛЬНОСТЬ, ЭФФЕКТИВНОСТЬ	49
Коренная А.А. ТЕОРЕТИКО-ПРИКЛАДНОЙ АНАЛИЗ КАТЕГОРИИ «ВОСПРЕПЯТСТВОВАНИЕ» В СТАТЬЯХ ОСОБЕННОЙ ЧАСТИ УГОЛОВНОГО КОДЕКСА РФ	56
Правовая коммуникация	
Казанцева О.Л. НЕЗАВИСИМАЯ АНТИКОРРУПЦИОННАЯ ЭКСПЕРТИЗА В СИСТЕМЕ РОССИЙСКОГО ПРАВА	63
Петухов Е.Н. ВИДЫ СВЯЗЕЙ, ВОЗНИКАЮЩИХ В МЕХАНИЗМЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ НАДЛЕЖАЩЕГО ИСПОЛНЕНИЯ ОБЯЗАННОСТЕЙ УЧАСТНИКОВ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА	68

Язык и право	
Кожевникова Е.И. АКТУАЛИЗАЦИЯ СТАТУСА НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА В УСЛОВИЯХ ОТСУТСТВИЯ КАТЕГОРИИ ГОСУДАРСТВЕННОГО ЯЗЫКА В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ ФРГ	71
Скорев В.А. ОБРАЗ СУДЬИ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ В.М. ШУКШИНА	77
Преподавание дисциплин юрислингвистического цикла	
Доронина С.В. РЕЧЕВАЯ КУЛЬТУРА В ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЮРИСТА: МЕТОДИЧЕСКИЕ ПРИЕМЫ ОБУЧЕНИЯ ЮРИДИЧЕСКОМУ ПИСЬМУ	81
Лингвоэкспертология	
Акинина А.В. НЕПРИЛИЧНАЯ ФОРМА КОММЕРЧЕСКИХ НАИМЕНОВАНИЙ	88
Белова П.Е. СПОСОБЫ АВТОМАТИЗАЦИИ СРАВНИТЕЛЬНОГО АНАЛИЗА ТЕКСТОВ ПРИ ВЫЯВЛЕНИИ ПРИЗНАКОВ ПЛАГИАТА В ЭКСПЕРТИЗАХ ПО ДЕЛАМ О НАРУШЕНИИ АВТОРСКИХ И СМЕЖНЫХ ПРАВ	94
Дударева Я.А., Шпильная Н.Н. Диалог как текст, содержащий эмотиконы: Юрислингвистический аспект рассмотрения	99
Красса С.И. МЕТОДИКА ОПРЕДЕЛЕНИЯ МЕРЫ СХОДСТВА МЕЖДУ ОБЪЕКТАМИ РЕЧЕВЕДЧЕСКИХ ЭКСПЕРТИЗ	106
Папоян Н.П. ОСОБЕННОСТИ ОЦЕНКИ ЗАКЛЮЧЕНИЯ СУДЕБНОЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ	111
Лингвоконфликтология	
Зюбина И.А. АКТУАЛИЗАЦИЯ КОНФРОНТАЦИИ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ	118
Речевые правонарушения	
Альимова Е.В. РЕЧЕВЫЕ ДЕЛИКТЫ В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННЫХ РЕАЛИЙ	124
Засыпкин В.П., Сироткина Т.А., Захарченко С.С. СТРАТЕГИЯ РЕЧЕВОЙ ДИСКРЕДИТАЦИИ: РЕПЕРТУАР ТАКТИК И ПРИЁМОВ (ИЗ ОПЫТА ЭКСПЕРТНОЙ РАБОТЫ)	130
Рецензии. Хроника. Информация	
Волокитина Л.М. ИДЕЯ «БИОПОЛИТИКИ» МИШЕЛЯ ФУКО В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОЙ МЕТОДОЛОГИИ ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ	136

CONTENTS

Language of Law	
Batyushkina M.V. LEGISLATIVE CLICHÉS: SPECIFICS, TYPES AND FUNCTIONS	7
Kozlova M.Yu. LEGAL DESIGN AS MEANS OF SMART REGULATION	15
Popovskaya V.I. NEGATIVE DEVERBATIVES IN THE TEXTS OF THE LAW: COMMUNICATIVE AND PRAGMATIC ASPECT	21
Starodubtseva M.A. SOME CHALLENGES OF DEFINING THE LEGAL STATUS OF PUBLICATION HASHTAGGING ON SOCIAL NETWORKS	27
Legal hermeneutics	
Golenko D.V. ISSUES OF INTERPRETATION OF THE SPECIAL PART OF THE CRIMINAL LAW	31
Vovk E.V. CORRELATION BETWEEN INTERNATIONAL AND DOMESTIC STANDARDS OF FAIR JUSTICE IN THE LIGHT OF RUSSIA'S WITHDRAWAL FROM THE COUNCIL OF EUROPE	34
Petukhov E.N. THE ESSENCE OF THE CONCEPT OF GUARANTEED SECURING OF PROPER PERFORMANCE OF DUTIES OF PARTICIPANTS IN CRIMINAL PROCEEDINGS	39
Legal Techniques	
Golev N.D., Irkova A.V. SEMANTIC DIFFUSION OF LEGAL AND NEAR-LEGAL TERMS AS A PRACTICAL AND RESEARCH PROBLEM	44
Davydova M.L. LINGUISTIC RULES OF LEGAL TECHNIQUE: REASONABLENESS, OBLIGATION, EFFICIENCY	49
Korennaya A.A. THEORETICAL AND APPLIED ANALYSIS OF THE CATEGORY "OBSTRUCTION" IN THE ARTICLES OF THE SPECIAL PART OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION	56
Legal Communication	
Kazantseva O.L. INDEPENDENT ANTI-CORRUPTION EXPERTISE IN THE SYSTEM OF RUSSIAN LAW	63
Petukhov E.N. TYPES OF LEGAL BONDS ARISING IN THE MECHANISM OF ENSURING THE PROPER DISCHARGE OF DUTY BY PARTICIPANTS IN CRIMINAL PROCEEDINGS	68

Language and law	
<i>Kozhevnikova E.I.</i> ACTUALIZATION OF THE GERMAN LANGUAGE STATUS IN THE ABSENCE OF THE STATE LANGUAGE CATEGORY IN THE GERMAN LEGISLATION	71
<i>Skorev V.A.</i> THE JUDGE FIGURE IN THE WORKS OF V.M. SHUKSHIN	77
Teaching law	
<i>Doronina S.V.</i> SPEECH CULTURE IN THE PROFESSIONAL ACTIVITIES OF A LAWYER: METHODOLOGICAL TECHNIQUES FOR TEACHING LEGAL WRITING	81
Linguoexpertology	
<i>Akinina A.V.</i> INDECENT FORM OF TRADE NAMES	88
<i>Belova P.E.</i> METHODS FOR AUTOMATED COMPARATIVE ANALYSIS OF TEXTS WHEN DETECTING SIGNS OF PLAGIARISM IN EXPERT CASE EXAMINATIONS OF COPYRIGHT AND RELATED RIGHTS INFRINGEMENT	94
<i>Dudareva Ya.A., Shpilnaya N.N.</i> DIALOGUE AS TEXT CONTAINING EMOTICONS: JURISLINGUISTIC APPROACH	99
<i>Krassa S.I.</i> THE PROCEDURE OF DETERMINING DEGREE OF SIMILARITY BETWEEN OBJECTS IN LINGUISTIC EXAMINATIONS	106
<i>Papoyan N.P.</i> FORENSIC LINGUISTIC EXPERTISE: SPECIFICS OF EVALUATION IN CRIMINAL PROCEEDINGS	111
Linguoconflictology	
<i>Zyubina I.A.</i> ACTUALIZATION OF CONFRONTATION IN POLITICAL DISCOURSE	118
Speech Offenses	
<i>Alymova E.V.</i> SPEECH TORTS IN THE CONTEXT OF MODERN REALITIES	124
<i>Zasyrkin V.P., Sirotkina T.A., Zakharchenko S.S.</i> SPEECH STRATEGIES OF DEFAMATION (BASED UPON EXPERIENCE OF FORENSIC LINGUISTS)	130
Reviews. Chronicle. Information	
<i>Volokitina L.M.</i> MICHEL FOUCAULT'S IDEA OF "BIOPOLITICS" IN THE CONTEXT OF CONTEMPORARY LEGAL THEORY METHODOLOGY	136

Законодательные клише: специфика, виды и функции

М. В. Батюшкина

Законодательное Собрание Омской области

ул. Красный Путъ, 1, 644002, Омск, Россия. E-mail: soulangeana@mail.ru

Статья посвящена исследованию устойчивых выражений (клише), употребляемых в современных законах и модельных законодательных актах. Разграничиваются понятия «законодательное клише» и «речевой штамп». Обосновываются основные подходы к исследованию (дискурсивный и жанрово-стилистический), их корреляция. Рассматриваются разновидности законодательных клише (общеотраслевые, межотраслевые, отраслевые, акционально-императивные, рамочно-отсылочные), их функции и иные особенности. Во-первых, сообщение информации, универсальной для правового регулирования общественных отношений (общеотраслевые, межотраслевые клише). Во-вторых, идентификация конкретной области регулируемых отношений (отраслевые клише). В-третьих, обозначение действий, которые совершаются по отношению к законодательным понятиям, структурным единицам или законодательному тексту в целом (акционально-императивные клише). В-четвертых, обозначение структурных единиц закона, а также способов отсылок к тексту закона или его части (рамочно-отсылочные клише). Выделяются общие признаки законодательных клише: целостность значения, семантическая устойчивость, унифицированность структуры, контекстуальная устойчивость (локальность), регулярность воспроизводства, полифункциональность. Определяются потенциальные (дополнительные) признаки: трансформация значения, дополнение компонентами (расширение семантики), вариативность употребления, эквивалентность (возможность замещения), но не тождественность. Делается вывод о том, что законодательное клише является дискурсивным маркером речевого жанра «Закон». Материал исследования: тексты федеральных законов и модельных актов, словари законодательных терминов.

Ключевые слова: текст закона, модельный акт, стандарты законотворчества, клише, русский язык как государственный.

Legislative Clichés: Specifics, Types and Functions

M. V. Batyushkina

Legislative Assembly of Omsk Oblast

1 Krasnyy Put', 644002, Omsk, Russia. E-mail: soulangeana@mail.ru

The article considers expressions (cliches) used in modern laws and model legislative acts. The concepts of "legislative cliché" and "hackneyed phrase" are differentiated. Approaches to research (discursive and genre-stylistic) and their correlation are grounded. Varieties of clichés (general, interdisciplinary, special, actional-imperative, frame-reference), functions and other features of legislative clichés are considered. Firstly, the communication of information that is universal for the legal regulation of social relations (general, interdisciplinary legislative clichés). Secondly, the identification of a specific area of regulated relations (special clichés). Thirdly, the specifying of actions that are performed in relation to legislative concepts, structural units or the legislative text as a whole (actional-imperative legislative clichés). Fourthly, the specifying of the structural units of the law, as well as ways of referring to the text of the law or part of the law (frame-reference legislative clichés). Common features of legislative clichés are distinguished: integrity of meaning, semantic stability, uniformity of structure, contextual stability (locality), regularity of reproduction, polyfunctionality; as well as potential (additional) features: transformation of the meaning, addition of components (broadening of semantics), variation of use, equivalence (possibility of substitution) but not identity. It is concluded that the legislative cliché is a discursive marker of the speech genre "Law". Research material: texts of federal laws and model acts, dictionaries of legislative terms.

Key words: text of the law, model act, lawmaking standards, cliché, Russian as the state language.

Постановка проблемы

Одним из наиболее актуальных вопросов как фундаментальной, так и прикладной науки является исследование понятийно-терминологического аппарата современного русского законодательного текста (В. М. Баранов, С. А. Белов, А. А. Васильев, Н. А. Власенко, Е. И. Галяшина, Н. Д. Голев, М. В. Горбаневский, С. В. Доронина, Т. В. Дубровская, Л. Р. Дускаева, В. А. Ефремов, Т. В. Губаева, П. А. Катышев, Л. Г. Ким, Е. З. Киреева, О. Н. Киянова, М. В. Косова, С. П. Кушнерук, Г. В. Макович, М. А. Осадчий, А. М. Плотникова, К. Г. Салтыков, О. П. Сологуб, Ю. А. Тихомиров, В. Ю. Туранин, Н. И. Хабибуллина, С. П. Хижняк, Т. В. Чернышова и мн. др.). Однако в отличие от законодательной терминологии нетерминологические понятия и шаблонные выражения, употребляемые в текстах законов (клише), исследованы в меньшей степени.

Под клише мы рассматриваем семантически целостные, устойчивые либо относительно устойчивые по структуре и значению, регулярно воспроизводимые слова или нетерминологические сочетания слов, обороты, которые выполняют в законах текстообразующую, номинативную, информативную, перформативную, интерпретирующую, выделительную, связующую и иные функции (*действие закона, в соответствии с настоящим Кодексом, в установленном порядке, на общих основаниях, подлежащий применению, дача показаний, производство по делу, злоупотребление правом, подписанный от имени, связанный обязательствами* и др.). Функцию устойчивых выражений, характерных для закона и помогающих идентифицировать закон, выполняют также шаблонные финальные фразы (готовые предложения) о вступлении закона в силу, например: *Настоящий Закон вступает в силу на следующий день после его опубликования*.

Законодательные клише, как и клише иных типов (публицистические, политические и др.), могут быть рассмотрены в качестве «готовых формул» и «застывших конструкций» [Виноградов 1938; Багметова 2007; Кушнерук 2009], «речевых стереотипов», «шаблонов» [Винокур 1990: 588-589; Копнина, Котюрова 2014], «стереотипных единиц» [Сологуб 2014], «дискурсивных маркеров» [Викторова 2016], «текстовых маркеров», «ключевых фраз речевого жанра» [Дементьев, Степанова 2016], неэкспрессивных «речевых оборотов», воспроизводимых для экономии когнитивных ресурсов в типичных условиях речевого употребления [Матвеева 2000: 144-145].

Наличие в законодательном тексте клише отражает «осознанное стремление к выполнению унифицирующих правил» и обуславливает точность правоприменения [Кушнерук 2009: 196]. В письменной официально-деловой коммуникации «не только идентификация жанра, но и само его существование» часто определяется наличием шаблонных фраз [Дементьев, Степанова 2016: 37].

В настоящей работе мы не используем понятие «речевой штамп» [Винокур 1990; Копнина 2014: 210; Розенталь, Теленкова 1976: 148-149; Сологуб 2008: 197] в силу передаваемого данным понятием (традиционно приписываемого данному понятию) оценочного негативного оттенка, которого, на наш взгляд, не имеет законодательное клише в юридическом дискурсе. Законодательное клише, безусловно, при целесообразности и уместности его употребления в законе, является не речевым недочетом, а оправданной необходимостью, обеспечивающей «преемственность и непротиворечивость права» [Киреева 2019: 122].

Если клише, типичное для законодательных текстов, используется в не юридических текстах, оно, безусловно, воспринимается в качестве речевого (канцелярского) штампа, неуместного, инородного средства, употребленного по ошибке или целенаправленно для создания необходимой экспрессии при стилизации текста либо речи персонажа [Копнина 2014 и др.].

Актуальность исследования законодательных клише обусловлена: с одной стороны, значением данной проблематики для однозначного и единообразного толкования закона и совершенствования его качества, необходимостью решения междисциплинарных вопросов, возникающих в законотворческой, правоприменительной, судебной, экспертной и иных практиках; с другой стороны, недостаточной изученностью и освещенностью клише данного типа, значимостью наполнения методологическим, теоретическим и эмпирическим содержанием общелингвистических и лингвоюридических знаний о законах. Особую важность результаты исследования законодательных клише имеют для практики преподавания курсов по юридической стилистике и культуре деловой речи [Киянова 2022; Макович 2022; Трубникова, Доронина 2020; и др.].

Методы и подходы

При исследовании законодательных клише учитывается сопряженность лингвистических и экстралингвистических факторов создания закона, поэтому методологическая основа включает общенаучные и специальные методы и подходы, применяемые в современной русистике и юрлингвистике (анализ, сравнение, дедукция, индукция, моделирование, контекстуальный, интерпретационный, корпусный, другие подходы).

Наиболее значим для исследования *метод корреляции дискурсивного и жанрово-стилистического подходов*.

Методологическая ценность дискурсивного подхода [Арутюнова 1990: 136-137; Карасик 2015: 147-148; и др.] связана с взаимодействием языковых и социокультурных параметров [Демешкина 2020: 181], обнаружением институционализированной практики создания законов, интердискурсивных и интертекстуальных отношений. Дискурсивный подход применяется при определении «юридического функционирования языка» (понятие Н. Д. Голева [Голев 2015: 139]), доминант законотворчества: типовых оснований, задач, обстоятельств создания текстов законов, процессуального, субъектного, объектного, предметного параметров русскоязычного юридического дискурса, характеристик институциональных особенностей его видов и подвидов. Предварительное исследование текстов российских законов с учетом оснований их создания и применения в юридическом дискурсе [Батюшкина 2022] обуславливает рассмотрение специфики функций, содержательно-композиционной структуры, вербальных и

невербальных средств, используемых для трансляции юридически значимой информации, и на этой основе – формирование представления о жанровой специфике и жанровой типологии законодательных текстов.

Жанрово-стилистический подход, в силу его интердисциплинарности, функциональности, ориентированности на практику и сложившиеся традиции создания и анализа текстов [Дементьев, Степанова 2016; Дускаева 2016; Салимовский 2019; Сологуб 2019 и др.], позволяет, с одной стороны, исследовать систему текстов законов в качестве единого законодательного гипертекстового пространства (открытого многократно трансформируемого множества), образованного и развиваемого для реализации целей юридического дискурса с помощью взаимосвязи однородных и разнородных структурных элементов (текстов), а с другой стороны, анализировать данное целостное пространство с позиции дискретности взаимосвязанных элементов, относительного постоянства и регулярных трансформаций текстов законов, а также с учетом типовых характеристик текстов законов: функциональных, формально-структурных, общесодержательных, предметно-тематических.

Материал и применяемые сокращения

В качестве основного материала исследования используются тексты федеральных законов (источники: «Официальный интернет-портал правовой информации», «Консультант Плюс»), а также тексты модельных кодексов и законов, принятых Межпарламентской Ассамблеей СНГ (размещены на сайте Ассамблеи). Дополнительными источниками являются подготовленные автором: «Словарь терминов российского законодательства» (под редакцией Т. В. Чернышовой), а также словарь-справочник «Термины модельного законодательства».

Применяемые сокращения: РФ – Российская Федерация, ФЗ – Федеральный закон, ФКЗ – Федеральный конституционный закон, МЗ – Модельный закон, МПА – Межпарламентская Ассамблея, пост. – постановление, прил. – приложение, ст. – статья.

Результаты и обсуждение

Законодательные клише употребляются в названии и тексте закона, при официальном определении законодательного термина. Общая смысловая нагрузка законодательных клише в том, что они являются дискурсивными маркерами речевого жанра и своеобразными «помощниками»: автору закона они помогают при трансляции правовой мысли в форме письменного текста; адресату закона – при восприятии и должной интерпретации текста.

Продуктивность коммуникации законодательные клише обеспечивают в том случае, если и автор, и адресат закона обладают сходным набором знаний о том, какое основное содержание и фоновую информацию (и почему) транслирует то или иное клише. В противном случае законодательное клише воспринимается как шаблонная фраза, не несущая какой-либо значимой информации и употребляющаяся по традиции в том или ином отрезке текста, в сочетании с теми либо иными понятиями.

Проведенное исследование позволяет не только говорить о законодательных клише как о совокупности специфических стандартных средств законотворчества, но и выделить в этой совокупности три основные группы, к которым относятся клише в зависимости от выполняемых функций. Функциональная сторона ограничивает сферу употребления законодательного клише, его локализацию (определенную позицию) в структуре законодательного предложения и текста, обуславливают семантическую сочетаемость клише с иными клише и понятиями, а также возможности синонимичных замен, семантического расширения либо сужения состава клише.

К первой группе относятся законодательные клише, с помощью которых излагается универсальная для правового регулирования тех или иных общественных отношений информация (общеотраслевые, межотраслевые клише: *управомоченное лицо, в противном случае, в рамках проведения, правовые основы, правовое регулирование, подпадающие под действие права, действия (бездействия), юридическая сила закона* и др.), а также клише – идентификаторы, характеризующие конкретную область либо конкретный аспект регулируемых отношений (отраслевые, аспектуальные клише: *в силу обязательства, вступление в должность, гражданский оборот, долг судьи, соответствующий суд, плановый период, в пределах ассигнований, исключительная компетенция, в пределах своей компетенции, нести ответственность, вопросы местного значения, заведомо ложная информация, добытый преступным путем* и т. п.).

Грань между законодательными клише данных типов как нетерминологическими сочетаниями и законодательными терминами относительна. Поскольку, например, некоторые из общеотраслевых, межотраслевых, отраслевых и аспектуальных клише могут определяться в законе с помощью дефиниций и рассматриваться в законодательных текстах и юридическом дискурсе в роли легально определенных терминов.

В частности, понятие *уполномоченный орган* различным образом определяется в разноотраслевых законах и модельных актах. Сравните:

уполномоченный орган – Центральный банк РФ (Банк России) [ФЗ от 02.11.2013 № 293-ФЗ «Об актуарной деятельности в РФ», ст. 2];

уполномоченный орган – федеральный орган исполнительной власти, осуществляющий функции по выработке и реализации государственной политики, нормативно-правовому регулированию в области обороны [ФЗ от 14.07.2022 № 253-ФЗ «О Военном инновационном технополисе "Эра" Министерства обороны РФ и о внесении изменений в отдельные законодательные акты РФ», ст. 3];

уполномоченный орган – государственный орган или определенная им организация, наделенные полномочиями по реализации функций электронного правительства [МЗ «Об электронном правительстве» (прил. к пост. МПА СНГ от 25.11.2016 № 45-14), ст. 2];

уполномоченный орган – государственный орган (учреждение, организация, совет, агентство, иное лицо), на который возложены полномочия по осуществлению закупок исследований и разработок [МЗ «О контрактной системе в сфере исследований и разработок» (прил. к пост. МПА СНГ № 38-6 от 23.11.2012), ст. 1].

Во вторую группу нами объединены клише, обозначающие институциональные действия, совершаемые по отношению к положениям, структурным единицам или тексту в целом (акционально-императивные клише).

С помощью данных клише, во-первых, обеспечивается трансформация текста (*внести изменение, дополнить словами, дополнить предложением следующего содержания, исключить пункт, изложить в следующей редакции*); во-вторых, задается вектор восприятия и интерпретации терминологии и нормативных положений (*далее также, далее соответственно; далее в рамках настоящей статьи; далее, если не оговорено особо; положения должны применяться таким образом, что...; в части, в связи, по вопросам, в сфере*); в-третьих, осуществляется внутрисистемная адаптация закона (иного текста) в пространстве законодательных (правовых) текстов и юридического дискурса (*ратифицировать, вступает в силу, ввести в действие*), либо временное приостановление действия закона или иного документа (*приостановить действие*), либо исключение официального текста и его положений из нормативного пространства (*денонсировать, признать утратившим силу*).

Особенность акционально-императивных клише в том, что они употребляются в составе более сложных по структуре устойчивых конструкций, своего рода унифицированных формул, с помощью которых транслируется семантика действия и образуется текстовая композиция трансформирующего закона. Примеры: *О внесении изменений в Закон; О внесении изменений в отдельные законодательные акты; снять оговорку в отношении применения...; слова «...» заменить словами «...»; предложение второе дополнить словами «...»; абзац третий изложить в следующей редакции: «...»; дополнить статьей следующего содержания: «...».*

На первый взгляд, шаблоны такого рода являются сообщением о моделируемом и сообщаемом действии, которое должен осуществить исполнитель названного действия. Однако рассмотрение во взаимосвязи текста трансформирующего закона, в котором воспроизводится шаблон, и текста трансформируемого закона, на который направлен шаблон (с учетом содержания и структуры которого составляются инфинитивные формулы), свидетельствует об обратном: данные клише (формулы) как раз и являются действием, которое совершается по отношению к трансформируемому закону с помощью текста трансформирующего закона для образования новой, актуальной редакции

Кроме того, клише второй группы могут быть разграничены и соотнесены в зависимости от того, употребляются ли в названии либо тексте закона: *О внесении изменений... (название) / внести изменения, дополнить предложением следующего содержания, статью... исключить (текст); О приостановлении действия... (название) / приостановить действие (текст); О признании утратившим силу... (название) / признать утратившим силу (текст); О введении в действие... (название) / ввести в действие (текст); О ратификации... (название) / ратифицировать (текст); О присоединении Российской Федерации к... (название) / присоединиться от имени Российской Федерации к... (текст); О внесении изменений в Закон «...» в части ... (название).*

К этой же группе клише относятся положения о вступлении закона в силу, воспроизводимые в законодательных текстах каждый раз без изменений или с небольшими корректировками. Например: *Настоящий Закон вступает в силу на следующий день после его опубликования; Настоящий Закон вступает в силу со дня его официального опубликования; Настоящий закон вступает в силу с 1 января 2023 года, за исключением статьи 3 настоящего Закона, которая вступает в силу с 1 марта 2023 года.* Подобные фразы обеспечивают точность, однозначность, экономичность и традиционную для юридического текста повторяемость, легко воспринимаются и быстро распознаются при передаче типовой информации [Петрова 2013: 113-114], обуславливают «строго установившиеся правила толкования» [Ушаков 1991: 37], поскольку применяются только в том случае, когда необходимо в тексте закона определить особый (то есть отличающийся от общего) порядок его вступления в силу и проинформировать об этом адресата.

К третьей группе относятся законодательные клише, с помощью которых словесным или словесно-цифровым способом обозначаются структурные единицы текста закона, в том числе с учетом инверсионного порядка указания (*особенная часть, часть вторая, глава V, пункт б, предложение третье, абзац второй*), а также выражаются различные способы отсылки к тексту закона или его структурной единице (*настоящий Закон, согласно статье..., за исключением абзаца..., в порядке, установленном главой...*) (рамочно-отсылочные клише).

Клише данного типа способствуют формированию представлений о композиционной стройности текста закона, иерархии его компонентов, системности законодательства. Применяемые способы отсылки обеспечивают взаимосвязь между структурными единицами одного текста закона и разными законодательными текстами как элементами единого законодательного пространства.

Рамочно-отсылочные клише могут быть внутренними и внешними, конкретными и обобщенными.

С помощью внутренних отсылок показывается взаимосвязь между положениями одного закона, устраняются необоснованные повторы. Как правило, при внутренних отсылках используются: маркирующий указатель причинно-целевой семантики (*в соответствии, согласно, в силу, на основаниях, предусмотренных* и т. п.), клише – определитель закона (*настоящий*), видовое и порядковое обозначение структурной единицы, к которой делается отсылка. Название закона не воспроизводится. Пример конкретной внутренней отсылки: *мировой судья рассматривает уголовные дела,*

подсудные ему в соответствии с частью первой статьи 31 настоящего Кодекса [Уголовно-процессуальный кодекс РФ, ст. 30]. Пример обобщенной внутренней отсылки: *в соответствии с настоящим Федеральным законом*.

С помощью внешних отсылок демонстрируется взаимосвязь норм, с одной стороны, разных законов, с другой стороны, правовых актов в целом, в совокупности регулирующих ту или иную сферу либо определенный аспект отношений. Применяются отсылки только к действующим нормам и законам, отсылки к утратившим силу или не вступившим нормам и законам считаются ошибочными. Об этом правиле смотрите, в частности: ГОСТ Р 57726-2017. Национальный стандарт РФ. Законопроекты, рассматриваемые законодательными (представительными) органами субъектов РФ. Требования к юридико-техническому оформлению» (приказ Росстандарта от 28.09.2017 № 1263-ст; введен в действие с 01.06.2018).

Внешние конкретные отсылки предполагают воспроизводство, во-первых, маркирующего указателя (в соответствии, согласно и т. п.), во-вторых, данных о структурных единицах закона и их составных элементах (в последовательности – от наименьшего к наибольшему), в-третьих, названия и других реквизитов. При конкретных отсылках порядковый номер главы, статьи и части закона обозначается арабскими цифрами, пункты и подпункты статьи – арабскими цифрами или строчными буквами русского алфавита в кавычках. Дата подписания закона указывается словесно-цифровым способом после наименования вида закона и предваряется предлогом «от». Например: *Для отдельных сфер деятельности такая периодичность устанавливается в соответствии с частью 9 статьи 9 Федерального закона от 26 декабря 2008 года № 294-ФЗ «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля»* [ФЗ от 21.12.1994 № 69-ФЗ «О пожарной безопасности», ст. 6.1].

Отмечено, что при внешних отсылках используются либо расширенные, либо краткие варианты указания реквизитов. Применение расширенного варианта предполагает последовательное указание наименования вида закона, даты его подписания, регистрационного номера и названия закона (например, *в соответствии с Федеральным законом от 29 ноября 1994 года № 78-ФЗ «О библиотечном деле»*). При кратком варианте указываются либо название закона, включающее в свой состав наименование вида закона (при отсылках к кодексам: *в соответствии с Налоговым кодексом РФ*), либо наименование вида закона и название закона (*в соответствии с Федеральным законом «О библиотечном деле»*).

Краткие варианты могут вводиться в законодательный текст с помощью акционально-императивного клише «далее – » (т. е. далее применяется краткий вариант названия закона). Например: *в соответствии с пунктом 3 статьи 4 Федерального закона от 24 октября 1997 года № 134-ФЗ «О прожиточном минимуме пенсионера в РФ» (далее – Федеральный закон «О прожиточном минимуме пенсионера в РФ»)* [ФЗ от 17.07.1999 № 178-ФЗ «О государственной социальной помощи», ст. 1]. Второй вариант (*далее – Федеральный закон*) используется в том случае, если из контекста понятно, о каком конкретном законе идет речь.

При отсылках к текстам конституций, уставов и кодексов указываются только структурные единицы и наименование документа. Примеры: *кассационный военный суд в соответствии с частью 4 статьи 125 Конституции РФ обращается в Конституционный Суд РФ с запросом о конституционности закона, подлежащего применению в конкретном деле* [ФКЗ от 23.06.1999 № 1-ФКЗ «О военных судах РФ», ст. 12.2]; *наличие неоднократных фактов расторжения с кандидатом трудового договора по инициативе работодателя на основаниях, предусмотренных пунктом 7 части первой статьи 81 Трудового кодекса РФ* [ФЗ от 02.12.1990 № 395-1 «О банках и банковской деятельности», ст. 16].

В одном текстовом отрезке могут быть совмещены внутренняя и внешняя отсылки. Пример: *Действие положений пункта 8 статьи 217 части второй Налогового кодекса РФ (в редакции настоящего Федерального закона) распространяется на правоотношения, возникшие с 1 января 2017 года* [ФЗ от 30.10.2017 № 304-ФЗ «О внесении изменения в статью 217 Налогового кодекса РФ», ст. 2] – *положений пункта 8 статьи 217 части второй Налогового кодекса РФ* (внешняя отсылка), *в редакции настоящего Федерального закона* (внутренняя отсылка).

Следует заметить, что, несмотря на точность, отсылочная норма может быть правильно понята только в совокупности с тем контекстом, к которому сделана отсылка. Однако понимание нормы закона может вызывать затруднение в случае, если норма, на которую сделана отсылка, сама является отсылочной.

При внешних обобщенных отсылках применяются оговорки с неопределенной семантикой: *в случаях, установленных федеральным законом, или в соответствии с федеральным законом* (адресату – не специалисту однозначно не ясно, о каком конкретно законе идет речь); *если иное не установлено федеральными законами либо в соответствии с настоящим Федеральным законом и другими федеральными законами* (какими, не уточнено). Аналогично в иных клише – без указания на конкретные нормы или законы (подзаконные акты): *в соответствии с законами, в соответствии с законодательством, в соответствии с законодательством Российской Федерации и общепринятыми принципами и нормами международного права, в соответствии с нормативными документами органов фельдъегерской связи*.

При необходимости сделать отсылку на подзаконный акт прописная буква в наименовании вида этого акта «понижается» до строчной, а название акта указывается без кавычек либо перефразируется. Например, в законе о системе государственной службы вместо указания на конкретный указ или воспроизводство его реквизитов (вида, названия, даты подписания, номера) используется обобщенная отсылка на вид документа: *Соотношение классов чинов, дипломатических рангов, воинских и специальных званий устанавливается указом Президента РФ* [ФЗ от 27.05.2003 № 58-ФЗ «О системе государственной службы РФ», ст. 13]. В предложении *Поставки газа потребителям осуществляются только при соответствии требованиям, утверждаемым в порядке, установленном Правительством*

РФ [ФЗ от 31.03.1999 № 69-ФЗ «О газоснабжении в РФ», ст. 8.1] сделана отсылка не на подзаконный правовой акт, а на предмет этого акта (требования).

В отдельных законах содержатся внешние обобщенные отсылки не к иным законам или системе законодательства, а к уровню развития науки и технологий. Например: *Стандартизация в РФ основывается на следующих принципах: обеспечение соответствия общих характеристик, правил и общих принципов, устанавливаемых в документах национальной системы стандартизации, современному уровню развития науки, техники и технологий, передовому отечественному и зарубежному опыту* [ФЗ от 29.06.2015 № 162-ФЗ «О стандартизации в РФ», ст. 4].

Подобные отсылки к абстрактному закону, перечню законов или законодательству, в том числе отраслевому, а также каким-либо документам и их содержанию, общим основам какой-либо деятельности могут оказаться неопределенными и недостаточными для правильного понимания нормы. Формулировки такого рода и клише в их составе могут быть поняты лишь специалистами, имеющими представление о взаимосвязи отраслевых и межотраслевых законов и подзаконных актов и ориентирующимися в пространстве правовых текстов и их предметов.

В качестве общих отличительных особенностей рассмотренных законодательных клише назовем возможность соотношения с точки зрения содержания (род : вид) и структуры, генерализации (обобщения, расширения) или конкретизации (уточнения, сужения) семантики, наличия либо отсутствия конкретизирующего компонента. Кроме того, клише могут быть сопоставлены с точки зрения возможного эквивалентного замещения (семантической вариативности, но не тождественности) в рамках одного текста закона, законодательного гипертекстового пространства в целом.

Примеры:

предмет регулирования / предмет правового регулирования / предмет законодательного регулирования; не представляющие опасности / не представляющие общественной опасности; стечение обстоятельств / стечение жизненных обстоятельств; злостное уклонение / злостное уклонение от исполнения обязанностей; меры поддержки / меры социальной поддержки; возложенные обязанности / возложенные в силу закона обязанности; место пребывания / место постоянного пребывания; в соответствии с процедурами / в соответствии с принятыми процедурами;

в установленном порядке / в установленном законом порядке / в установленном законодательством порядке; если не установлено иное / если законом не установлено иное / если законодательством не установлено иное;

в соответствии со статьей / в соответствии с настоящей статьей; в соответствии с Законом / в соответствии с настоящим Законом; в соответствии с законодательством / в соответствии с действующим законодательством;

в сфере / в области; вправе / имеет право / наделен правом; следующую присягу / присягу следующего содержания; для целей настоящего Закона / в целях настоящего Закона; Основные понятия, используемые в настоящем Законе / Основные понятия, применяемые в настоящем Законе; следующие полномочия / следующие вопросы; относятся к полномочиям / к компетенции / к ведению; и др.

Заключение

Клише, употребляемые в законодательных текстах, отражают длительную историю формирования официально-делового стиля речи, приверженность сложившимся традициям и правилам изложения правовой мысли, являются неотъемлемыми элементами законов и наряду с законодательной терминологией формируют их жанрово-стилевую специфику.

К основным признакам законодательных клише относятся: с одной стороны, целостность значения и семантическая устойчивость, унифицированность структуры, типологическая, функциональная и локальная характеристика; с другой стороны, возможность родо-видового соотношения, вариативных и эквивалентных замен, как в рамках одного текста закона, так и шире – в пространстве законодательных текстов.

Дальнейшие направления исследования законодательных клише связаны с более детальным анализом их функциональных, структурных, семантических особенностей, правилами и частотностью воспроизведения в законах разных типов (нормоустанавливающих, нормотрансформирующих, ратифицирующих и др.). Представляет интерес проблема сходства / различия клише и терминов. Заслуживают отдельного рассмотрения вопросы семантической трансформации законодательных клише в аспекте применения корреляции дискурсивного и жанрово-стилистического подходов.

Литература

Арутюнова Н. Д. Дискурс / Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990. С. 136-137.

Багметова Н. В. Ситуационные клише и их классификация / Известия Волгоградского государственного технического университета. Серия: Новые образовательные системы и технологии обучения в вузе. 2007. Том 4. № 7 (33). С. 84-86.

Батюшкина М. В. Дискурсивные доминанты законотворчества: монография / М. В. Батюшкина; под ред. М. В. Горбаневского. М., 2022.

Виноградов В. В. Современный русский язык. М., 1938.

Винокур Т. Г. Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В. Н. Ярцева. М., 1990. С. 136-137.

- Викторова Е. Ю. Вспомогательная система дискурса: проблемы выделения и специфики функционирования: дис. ... докт. филол. наук: 10.02.19. Саратов, 2016.
- Голев Н. Д. Юридическая терминология в контексте доктринального толкования / Сибирский филологический журнал. 2015. № 4. С. 138-148.
- Дементьев В. В., Степанова Н. Б. Корпусная лингвистика: проблема ключевых фраз / Жанры речи. 2016. № 1. С. 24-41.
- Демешкина Т. А. Лексика как основа дискурсивного взаимодействия в русском языковом пространстве / Русский язык в поликультурном мире. Сборник научных статей IV Международного симпозиума. Симферополь, 2020. С. 133-135.
- Дускаева Л. Р. О жанровых текстовых категориях / Жанры речи. 2016. № 2. С. 25-32.
- Карасик В. И. Дискурс / Дискурс-Пи. 2015. Том. 12. № 3-4. С. 147-148.
- Киреева Е. З. Категория модальности и ее выражение в тексте официального документа (на материале регионального законодательства): дис. ... докт. филол. наук: 10.02.01. Архангельск, 2019.
- Киянова О. Н. Проблемы совершенствования законодательства (о языке законодательного акта) / Права человека и политика права в XXI в.: перспективы и вызовы. Саратов, 2022. С. 540-553.
- Копнина Г. А. Канцелярит, или канцелярский штамп. Глава в книге: Эффективное речевое общение (базовые компетенции). Словарь-справочник. Электронное издание. Сибирский федеральный университет; под редакцией А. П. Сковородникова. Красноярск, 2014. С. 210.
- Копнина Г. А., Котюрова М. П. Клише, или речевой стереотип. Глава в книге: Эффективное речевое общение (базовые компетенции). Словарь-справочник. Электронное издание. Сибирский федеральный университет; под редакцией А. П. Сковородникова. Красноярск, 2014. С. 213-214.
- Кушнерук С. П. Нетерминологические многокомпонентные единицы документных текстов / Сибирский филологический журнал. 2009. № 2. С. 195-200.
- Макович Г. В. Работа с компонентами юридического дискурса - языковыми средствами выражения долженствования, разрешения и запрета при обучении русскому языку как иностранному / Научный компонент. 2022. № 2 (14). С. 104-107.
- Матвеева Т. В. Полный словарь лингвистических терминов. Ростов-на-Дону, 2010. 562 с.
- Петрова И. Л. Нормативные инструкции: лингвоюридические свойства / Вестник Владимирского юридического института. 2013. № 2 (27). С. 110-115.
- Розенталь Д. Э., Теленкова М. А. Словарь-справочник лингвистических терминов: пособие для учителей. М., 1976.
- Салимовский В. А. О подвижности содержательной организации текста / Филология в XXI веке. Пермь, 2019. С. 52-57.
- Сологуб О. П. Русский деловой текст в функционально-генетическом аспекте / под ред. Н. Д. Голева. Новосибирск, 2008.
- Сологуб О. П. Система стереотипных единиц официально-деловой речи / Стереотипность и творчество в тексте: сборник статей. Пермь, 2014. С. 87-96.
- Сологуб О. П. Документонимы: структура, семантика, функционирование / Филология в XXI веке. Пермь, 2019. С. 276-281.
- Трубникова Ю. В., Доронина С. В. Проблемы формирования навыков владения деловой речи в аспекте развития профессиональной языковой личности / Лингвориторическая парадигма: теоретические и прикладные аспекты. 2020. № 25 (1). С. 110-112.
- Ушаков А. А. Право, язык, кибернетика / Известия высших учебных заведений. Правоведение. 1991. № 2. С. 34-41.

References

- Arutyunova, N. D. (1990). Discourse. Linguistic Encyclopedic Dictionary. Moscow, 136-137 (in Russian).
- Bagmetova, N. V. (2007). Situational clichés and their classification. News of the Volgograd State Technical University. Series: New educational systems and teaching technologies at the university, 4, 7 (33), 84-86 (in Russian).
- Batyushkina, M. V. (2022). Discursive dominants of lawmaking: monograph / M. V. Batyushkina; ed. M.V. Gorbanevsky. Moscow (in Russian).
- Dementiev, V. V., Stepanova, N. B. (2016). Corpus linguistics: the problem of key phrases. Genres of speech, 1, 24-41 (in Russian).
- Demeshkina, T. A. (2020) Vocabulary as the basis of discursive interaction in the Russian language space. Russian language in a multicultural world. Collection of scientific articles of the IV International Symposium. Simferopol, 133-135 (in Russian).
- Duskaeva, L. R. (2016). About genre text categories. Genres of speech, 2, 25-32 (in Russian).
- Golev, N. D. (2015). Legal terminology in the context of doctrinal interpretation. Siberian Philological Journal, 4, 138-148 (in Russian).
- Karasik, V. I. (2015). Discourse. Discourse-Pi, 12, 3-4, 147-148 (in Russian).
- Kireeva, E. Z. (2019). The category of modality and its expression in the text of an official document (on the basis of regional legislation): diss. ... of Doctor of Philology. Arkhangelsk (in Russian).

- Kiyanova, O. N. (2022). Problems of Improving Legislation (On the Language of a Legislative Act). Human Rights and the Politics of Law in the 21st Century: Prospects and Challenges. Saratov, 540-553 (in Russian).
- Kopnina, G. A. (2014). Chancellery, or clerical stamp. Chapter in the book: Effective verbal communication (basic competencies). Dictionary reference. Electronic edition. Siberian Federal University; ed. A.P. Skovorodnikov. Krasnoyarsk, 210 (in Russian).
- Kopnina, G. A., Kotyurova, M. P. (2014). Cliche, or speech stereotype. Chapter in the book: Effective verbal communication (basic competencies). Dictionary reference. Electronic edition. Siberian Federal University; ed. A.P. Skovorodnikov. Krasnoyarsk, 213-214 (in Russian).
- Kushneruk, S. P. (2009). Non-terminological multicomponent units of documentary texts. Siberian Philological Journal, 2, 195-200 (in Russian).
- Makovich, G. V. (2022). Work with the components of legal discourse - linguistic means of expressing obligation, permission and prohibition in teaching Russian as a foreign language. Scientific component, 2 (14), 104-107 (in Russian).
- Matveeva, T. V. (2010). Complete dictionary of linguistic terms. Rostov-on-Don (in Russian).
- Petrova, I. L. (2013). Normative instructions: linguistic and legal properties. Bulletin of the Vladimir Law Institute, 2 (27), 110-115 (in Russian).
- Rosenthal, D. E., Telenkova, M. A. (1976). Dictionary-reference book of linguistic terms: a guide for teachers. Moscow (in Russian).
- Salimovsky, V. A. (2019). On the mobility of the content organization of the text. Philology in the XXI century. Perm, 52-57 (in Russian).
- Sologub, O. P. (2008). Russian business text in the functional-genetic aspect / O.P. Sologub; ed. N.D. Golev. Novosibirsk (in Russian).
- Sologub, O. P. (2014). The system of stereotypical units of official business speech. Stereotyping and creativity in the text: a collection of articles. Perm, 87-96 (in Russian).
- Sologub, O. P. (2019). Documentonyms: structure, semantics, functioning. Philology in the XXI century. Perm, 276-281 (in Russian).
- Trubnikova, Yu. V., Doronina, S. V. (2020). Problems of the formation of business speech skills in the aspect of the development of a professional language personality. Linguistic and rhetorical paradigm: theoretical and applied aspects, 5 (1), 110-112 (in Russian).
- Ushakov, A. A. (1991). Law, language, cybernetics. News of higher educational institutions. Jurisprudence, 2, 34-41 (in Russian).
- Viktorova, E. Yu. (2016). Auxiliary system of discourse: problems of identification and specifics of functioning: diss. ... of Doctor of Philology. Saratov (in Russian).
- Vinogradov, V. V. (1938). Modern Russian language. Moscow (in Russian).
- Vinokur, T. G. (1990). Linguistic Encyclopedic Dictionary / Ch. ed. V. N. Yartseva. Moscow, 136-137 (in Russian).

Citation:

Батюшкина М. В. Законодательные клише: специфика, виды и функции // Юрислингвистика. – 2023. – 27. – С. 7-14.

Batyushkina M. V. (2023). Legislative Clichés: Specifics, Types and Functions. Legal Linguistics, 27, 7-14.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0. License

Юридический дизайн как средство умного регулирования¹

М. Ю. Козлова

Волгоградский государственный университет

Проспект Университетский, 100, 400062, Волгоград, Россия. E-mail: kozlova@volsu.ru

Статья посвящена исследованию возможностей юридического дизайна в контексте умного регулирования. Умное регулирование, направленное на достижение максимального эффекта минимальными средствами, связано с использованием целого ряда инструментов, среди которых регуляторное подталкивание. Теория подталкивания используется в рамках поведенческой экономики и предлагает учитывать особенности поведения и мышления людей, исходя из того, что в большинстве случаев человек ведет себя иррационально, поддаваясь эмоциям, когнитивным установкам, следуя за большинством. Предлагается формировать архитектуру выбора так, чтобы человек сам предпочел наиболее разумный вариант, не теряя при этом свободу выбора. Важным элементом с точки зрения формирования архитектуры выбора является доступность информации, которая обеспечивает эффективность коммуникации. Доступность и полнота информации, которую может обеспечивать понятный язык, позволяют людям в полной мере осознать последствия своих решений. Доказывается, что понятность может быть достигнута путем юридического дизайна документов, под которым понимается применение к юридическому документу (договору, судебному акту, нормативно-правовому акту) различных средств, направленных на упрощение формы и содержания. Средствами упрощения формы служат структурирование, визуализация, таблицы, схемы, заметный шрифт, а средствами упрощения содержания информации может служить использование понятного языка.

В статье приводятся примеры требований закона к структуре, оформлению договоров, заключение которых влечет возникновение финансовых обязательств. Формулируется вывод о том, что средства юридического дизайна обеспечивают доступность информации, которая ведет к использованию возможностей рефлексивного мышления, предполагающего осознание последствий своих действий, принятие рационального и обоснованного решения, что можно рассматривать как цель умного регулирования.

Ключевые слова: юридический дизайн, умное регулирование, простой язык, структура документа, раскрытие информации.

Legal Design as Means of Smart Regulation²

M. Yu. Kozlova

Volgograd State University

100 Prosp. Universitetsky, 400062, Volgograd, Russia. E-mail: kozlova@volsu.ru

The article is dedicated to the exploration of possibilities of using legal design for smart regulation. Smart regulation aimed at obtaining the maximum effect by minimal means is connected to using a range of instruments, one of which is nudging. The nudge theory is used in behavioral economics; it is suggested to consider the peculiarities of human thought and behavior bearing in mind that in most cases humans behave irrationally, they are led by emotions, cognitive bias, they tend to follow the majority. It is suggested to form the choice architecture in such a way that a human would prefer the most sensible option while not losing the freedom of choice. An important element in forming the choice architecture is the availability of information, which provides effective communication. Availability and completeness of information provided by plain language let people fully comprehend the consequences of their actions. It is proven that comprehensibility can be achieved through legal design of documents, which implies applying different means of simplification of form and content to a legal document (a contract, a judicial act, a normative legal act). The means of simplification of form are structurization,

¹ Исследование выполнено за счет средств гранта Российского научного фонда № 21-18-00484, <https://rscf.ru/project/21-18-00484/>

² The study is financially supported by the Russian Science Foundation, project № 21-18-00484, <https://rscf.ru/project/21-18-00484/>

visualization, using tables, diagrams, readable font, while the means of simplification of content is plain language of a document.

Examples of requirements of the law to the structure and design of contracts that lead to financial obligations are listed in the article. The conclusion is drawn out that the means of legal design provide availability of information, which leads to using reflexive thinking, which implies realizing the consequences of one's actions, making rational and informed decisions; all of it can be viewed as the aim of smart regulation.

Key words: legal design, smart regulation, plain language, document structure, disclosure of information.

Умное регулирование в первую очередь характеризуется тем, что позволяет достичь максимального эффекта минимальными средствами, включая как традиционные средства правового регулирования, так и нерегулятивные средства правового воздействия [Давыдова 2022: 104-108]. Как правило, используется несколько инструментов, при этом предлагается вариативность действий, построенная на возможности свободного выбора участников, имеющих исчерпывающую информацию о преимуществах и недостатках каждого варианта. В состав подобных регулятивных комплексов все чаще включаются средства, разрабатываемые поведенческими науками, призванные выстроить адекватную архитектуру выбора, повысив эффективность традиционных регулятивных механизмов [Давыдова 2020: 22]. Существует целый ряд средств умного регулирования, среди которых есть и регуляторное подталкивание [Зыков 2022: 67].

Теория подталкивания используется в рамках поведенческой экономики и предлагает учитывать особенности поведения и мышления людей, исходя из того, что в большинстве случаев человек ведет себя иррационально, поддаваясь эмоциям, когнитивным установкам, следуя за большинством. Теория подталкивания предлагает формировать архитектуру выбора так, чтобы человек сам предпочел наиболее разумный вариант, не теряя при этом свободу выбора, и может применяться в различных сферах – от воспитания детей до государственного регулирования.

Выделяется два типа познавательных процессов, которые обозначаются *система 1* (автоматическое мышление) и *система 2* (рефлексивное мышление). Операции системы 1, как правило, быстрые, автоматические, легкие, ассоциативные, возникают под воздействием эмоций; они также управляются привычкой и поэтому их трудно контролировать или модифицировать. Операции системы 2 более медленные, последовательные, трудоемкие, более вероятно находятся под сознательным наблюдением и преднамеренным контролем [Канеман 2003: 698].

Мышление системы 1, предполагающее немедленную реакцию на какое-либо событие, было необходимо человеку для выживания, и, благодаря естественному отбору, эта способность стала доминирующей. Автоматическое мышление основано на сложном (но при этом бессознательном) анализе целого ряда факторов на базе опыта и знаний человека. Д. Канеман считает, что мышление системы 1 является более высокой формой человеческого интеллекта, чем мышление системы 2, и выступило основным фактором успеха людей как вида [Канеман 2003: 698-699].

Однако условия жизни человека поменялись, и не во всех случаях автоматическое мышление дает преимущества – для некоторых ситуаций предпочтительно рефлексивное мышление. Решения зачастую могут иметь долгосрочные последствия, однако не исключено, что при их принятии людей поощряют к использованию автоматической системы, хотя необходимо использовать рефлексивную.

Решения могут приниматься исходя из сложившихся шаблонов, обычаев и символов. Например, люди ожидают, что зеленый означает «идти» или «все в порядке», а красный означает «стоп» или «опасность», даже если в конкретном контексте эти цвета означают что-то другое. Обычно галочка означает «да», а «X» означает «нет». Человек предполагает, что важная информация будет написана крупным заметным шрифтом, а если шрифт мелкий и расположен где-то внизу страницы, то он воспринимается как неважный, не заслуживающий внимания.

Обычно человек принимает решения о вещах преждевременно, часто даже не утруждая себя изучением и пониманием деталей. Люди стремятся не тратить энергию в тех случаях, когда это возможно, и с высокой степенью вероятности выберут более легкий вариант. С учетом предсказуемости выбора людей можно разрабатывать варианты поведения, которые люди, скорее всего, предпочтут.

Очень важным элементом с точки зрения формирования архитектуры выбора является доступность информации, которая обеспечивает эффективность коммуникации. Люди начинают размышлять о последствиях выбора только в том случае, если они обладают полной информацией. В ситуации отсутствия информации скорее будут приняты автоматические решения [Канеман 2014].

Доступность относится к содержанию и широте охвата адресатов. Например, доступность может обеспечиваться использованием крупного шрифта, переводом текста на иностранные языки, распространением информации через различные средства коммуникации.

Человек в процессе жизни в обществе вынужден взаимодействовать с большим объемом юридически значимой информации при заключении договоров, при осуществлении предпринимательской деятельности, при взаимодействии с государственными и муниципальными органами. При этом юридический язык обладает целым рядом особенностей и, как правило, связан с использованием специальных терминов, сложной структурой, адресован в первую очередь специалисту. Юридическая лексика связана с контекстом и может не иметь аналогов в повседневной речи.

При заключении договора на стороны возлагаются риски, связанные с заключением и исполнением договора. Даже если одна сторона договора не прочитала договор, или прочитала, но не поняла его смысла, не могла прогнозировать его последствия, то правовые основания для признания договора незаключенным, недействительным или для расторжения договора в подавляющем большинстве случаев отсутствуют. Поэтому регулирование должно быть построено таким образом, чтобы создать условия для того, чтобы контрагенты использовали рефлексивное мышление при заключении договоров.

С помощью языка юридических документов можно не просто информировать адресата о том, что у него есть определенные права и юридические обязанности, но и добиться полного понимания со стороны адресата, а также сделать так, чтобы адресат выбрал наиболее желаемый вариант поведения. Юридический язык может быть изменен для достижения определенных целей – например, для того, чтобы он был понятен более широкому кругу субъектов. Понятность может быть достигнута путем юридического дизайна документов.

Большой энциклопедический словарь трактует дизайн (от англ. design – замысел, проект, чертеж, рисунок) как термин, обозначающий различные виды проектировочной деятельности, имеющей целью формирование эстетических и функциональных качеств предметной среды [Большой энциклопедический словарь 2004].

Дизайн обычно связывают не только с внешним видом товаров, но и с успешной реализацией их непосредственного предназначения и удобством.

Термин «юридический дизайн» не имеет четко определенного содержания. Под юридическим дизайном может пониматься оформление документа, который может быть назван «юридическим»: договора, судебного акта или закона. Юридическим дизайном можно считать методику творческого решения юридических задач [Янковский 2019].

Есть мнение о том, что юридический дизайн – реинжиниринг документов для решения бизнес-задач и улучшения пользовательского опыта [Лигал дизайн и ускорение документооборота в России. Обзор Симплоера 2021].

Можно согласиться с мнением о том, что юридический дизайн подразумевает ориентацию на потребности человека, для того чтобы юридические тексты, услуги, процедуры были более понятными и удобными в использовании [Nagan 2014]. Концепция основывается на том, что при составлении юридически значимых документов документ составляется исходя из того, что он должен быть понятен адресату.

Проблема правового дизайна – это, по сути, проблема того, как правовые институты могут побуждать участников правоотношений к желаемому поведению [Kraus 1997].

Хороший дизайн и хороший процесс не только улучшают эффективность информации за счет улучшения доступности, но могут усилить функционирование организации или государственного органа, создавшего юридический документ, и, в конечном счете, правовой системы в целом [Berger-Walliser, Barton, Haario 2017].

Средства юридического дизайна, примененные в договоре, способствуют эффективной коммуникации и повышению уровня доступности информации о сделке для контрагентов и для третьих лиц.

Договоры и иные юридические документы могут быть преобразованы путем применения дизайн-мышления. Дизайн-мышление – это способ решения задач, ориентированный в первую очередь на интересы пользователя, подход к проектированию инновационных решений, ориентированный на человека. Он основан на инструментах, применяемых дизайнерами, и используется с целью интегрирования потребностей людей, потребностей бизнеса и технологических возможностей [Руководство по дизайн-мышлению 2017].

Дизайн-мышление начинается с этапа эмпатии, в процессе которого происходит изучение потребностей пользователей, погружение в их опыт, чтобы найти решение, отвечающее ценностям пользователей. На этапе определения формулируется задача, для которой будет выявляться решение. На этапе идей предлагаются различные варианты решения сформулированной задачи. Этап прототипирования предполагает воплощение идей в реальном мире. Далее следует тестирование, которое помогает улучшить предлагаемое решение после получения обратной связи от пользователей [Руководство по дизайн-мышлению 2017].

Для того чтобы обеспечить целостное понимание текста, используются такие традиционные средства, как структурированный текст, заголовки, выделенные полужирным шрифтом, внутренние сводки, схемы, матрицы, диаграммы и таблицы. Могут использоваться графические изображения, которые помогают обеспечивать доступность, понимание, и реализацию юридического текста [Berger-Walliser, Barton, Haario 2017].

Может использоваться параллельное представление юридической информации – как в сложном виде, направленном на аудиторию специалистов, так и в упрощенном виде. В качестве удачного примера можно привести информацию, предоставляемую на сайте Creative Commons Corporation. Лицензии Creative Commons позволяют авторам сохранять их права и в то же время разрешают другим лицам ограниченное некоммерческое использование произведения. Лицензии представлены в трех форматах: «Legal Code» (Свод юридических правил), традиционный юридический текст; «Краткое описание, рассчитанное на понимание обычного человека», «удобный справочник для лицензиаров и лицензиатов, обобщающий и выражающий некоторые из самых важных условий и положений». И третий формат – машиночитаемая версия, созданная для распознавания программами [Официальный сайт компании Creative Common URL].

Примером также может служить дизайн электронного железнодорожного билета, разработанный студией Артемия Лебедева. В старой версии билета было много информации, в том числе напечатанной очень мелким шрифтом, при этом было сложно понять, когда и откуда отправляется поезд, куда он следует, время прибытия, номер вагона и место в вагоне, условия перевозки. Проведенные упрощение и визуализация позволили сделать важную информацию более заметной, акцентировать внимание на условиях перевозки (где размещать багаж, предназначен ли вагон для перевозки животных и т. д. [Студия Артемия Лебедева. Официальный сайт URL].

В российских организациях, в частности тех, которые оказывают юридические услуги, используются инструменты юридического дизайна. Компанией Veta было проведено исследование, в процессе которого изучались практики применения юридического дизайна. Были выявлены проблемы, связанные с документооборотом: наличие многочисленных шаблонов документов, в которых сложно ориентироваться; сложность заполнения шаблонов, выбора в них нужных опций; сложность согласования документов внутри компании и т. п. Проблемы, связанные с текстом и его представлением: сплошной и сложный текст документов (сложные обороты, длинные предложения и абзацы на страницу, канцелярит, клише и слова, не несущие смысла), отсутствие структуры или неудобная структура, неподходящее форматирование, использование формулировок условий договора, требующих толкования [Лигал дизайн и ускорение документооборота в России. Обзор Симплоера 2021: 5-28].

Предлагаются соответствующие варианты решения этих проблем. Например, сокращение количества шаблонов, настройка подходящего форматирования, использование короткого изложения основных условий договора, оглавлений и крупных заголовков, отказ от сложных и ненужных терминов, простые подсказки к заполнению шаблонов, пересмотр спорных формулировок, цветовое кодирование, перевод текста в графику.

Особое внимание уделено упрощению текста документов. Упрощение текста может происходить за счет ограничения длины предложений; ограничения размера абзаца; минимального использования страдательного (пассивного) залога; приоритетного использования глаголов; расположения подлежащего и сказуемого рядом, правильной группировки слов в предложении; исключения канцеляризмов, клише и не добавляющих ценности слов; выделения смысловых блоков информации; использования приемов структурирования текста [Лигал дизайн и ускорение документооборота в России. Обзор Симплоера 2021: 29-49].

Требования об упрощении и раскрытии информации предъявляются не только к договорам. Законодатель во многих странах мира обращает внимание на проблемы доступности информации.

Закон о защите потребителей Великобритании использует такие понятия, как прозрачность и известность термина. Термин рассматривается как прозрачный, если он выражается простым и понятным языком и (в случае письменного термина) разборчиво. Термин является известным, если это доведено до сведения потребителя таким образом, чтобы средний потребитель знал об этом термине [Consumer Rights Act 2015].

В США действует Закон о простом языке 2010 г., который требует, чтобы федеральные агентства использовали четкие правительственные сообщения, которые общественность может понять и использовать [Public Law 111 - 274 - Plain Writing Act of 2010].

Административный кодекс Техаса содержит принципы понятного языка, которые используются при проверке нетиповых контрактов. Например, это представление информации в четких, кратких разделах, абзацах и предложениях, использование повседневных слов вместо юридической и деловой терминологии, устранение повторов в содержании, представление информации в формате «вопрос – ответ» [Texas Administrative Code 1977].

В Новой Зеландии не так давно был принят закон о простом языке, целью которого является повышение эффективности и подотчетности государственной службы за счет использования четких, кратких и понятных формулировок в государственных документах. При этом положения закона не порождают каких-либо обязанностей, за исполнением которых можно обратиться в суд.

В законе разъясняется, что простой язык – это язык, соответствующий целевой аудитории, ясный, лаконичный и хорошо организованный. Простой язык должен использоваться в документах на английском языке государственных агентств, целевой аудиторией которых является общественность в целом и которые связаны с предоставлением информации об услугах агентств (как получить услуги, как соблюдать установленные требования и т. п.) [Plain Language Bill. New Zealand Legislation 2022].

В российских законах, подзаконных актах, письмах органов государственной власти содержатся положения, которые можно рассматривать как требования, направленные на обеспечение доступности: о необходимости разъяснения положений законодательства, а также о форме представления информации.

Разъяснение можно понимать как информирование широкого круга лиц об их правах и обязанностях. Также разъяснение может касаться конкретных субъектов и выражаться в объяснении содержания тех или иных положений закона или условий договора, или же в упрощенном представлении значимых условий договора.

Согласно ст. 16 Основ законодательства Российской Федерации о нотариате, «нотариус обязан оказывать физическим и юридическим лицам содействие в осуществлении их прав и защите законных интересов, разъяснять им права и обязанности, предупреждать о последствиях совершаемых нотариальных действий, с тем чтобы юридическая неосведомленность не могла быть использована им во вред».

Согласно ст. 3 Закона РФ от 07.02.1992 № 2300-1 «О защите прав потребителей», право потребителей на просвещение в области защиты прав потребителей обеспечивается посредством включения соответствующих требований в федеральные государственные образовательные стандарты и образовательные программы, а также посредством организации системы информации потребителей об их правах и о необходимых действиях по защите этих прав.

Кроме того, согласно п. 3 ст. 3 Закона РФ от 27.11.1992 № 4015-1 «Об организации страхового дела», по требованиям страхователей, застрахованных лиц, выгодоприобретателей, а также лиц, имеющих намерение заключить договор страхования, страховщики обязаны разъяснять положения, содержащиеся в правилах страхования и договорах страхования.

Полагаем, что российский законодатель вводит приемы юридического дизайна в практику работы кредитных организаций – то есть фактически предписывает в некоторых случаях исходить из презумпции неясности текста для

потребителя и необходимости наглядным образом доводить до сведения потребителя наиболее важные условия договора.

Так, в силу п. 1 ст. 6 Федерального закона от 21.12.2013 № 353-ФЗ «О потребительском кредите (займе)», наиболее важная информация о потребительском кредите (займе) должна быть наглядно представлена. Например, полная стоимость займа отражается в квадратных рамках в правом верхнем углу первой страницы договора и наносится цифрами и прописными буквами черного цвета на белом фоне четким, хорошо читаемым шрифтом максимального размера из используемых на этой странице размеров шрифта.

В одном из писем Банка России содержатся требования раскрытия информации при использовании потребителями банкоматов или платежных терминалов. Так, при раскрытии информации о размере взимаемого вознаграждения на экране банкомата / платежного терминала рекомендуется использовать терминологию, понятную лицам, не обладающим специальными знаниями в финансовой области. Информацию о размере взимаемого вознаграждения в полном объеме рекомендуется отображать на экране банкомата / платежного терминала четким, хорошо читаемым шрифтом на контрастном фоне таким образом, чтобы для ее получения потребителю не требовалось совершать дополнительных действий (переход по ссылке, нажатие кнопки и т. д.) [Письмо ФАС России, Банка России 2019].

Юридические документы, контракты, требования закона должны стать понятными для адресатов, для чего можно использовать средства юридического дизайна. Юридический дизайн можно определить как применение к юридическому документу (договору, судебному акту, нормативно-правовому акту) различных средств, направленных на упрощение формы и содержания. Средствами упрощения формы служат структурирование, визуализация, таблицы, схемы, заметный шрифт, а средствами упрощения содержания информации может служить использование понятного языка. Таким образом обеспечивается понимание информации адресатом, что ведет к использованию возможностей рефлексивного мышления, предполагающего осознание последствий своих действий, принятие рационального и обоснованного решения, что можно рассматривать как цель умного регулирования.

Литература

- Berger-Walliser G., Barton T. D., Haapio H.* From visualization to legal design : a collaborative and creative process / *American Business Law Journal*. - 2017. - 54(2). С. 347–392. <https://doi.org/10.1111/ablj.12101>
- Consumer Rights Act 2015. UK Public General Acts. Part 2. Clause 64. URL: <https://www.legislation.gov.uk/ukpga/2015/15/contents/enacted>.
- Creative Commons. Официальный сайт. URL: <https://creativecommons.org/licenses/?lang=ru>
- Hagan M.* Law by Design. 2014. URL: <http://www.law-bydesign.co>
- Kahneman D.* A perspective on judgment and choice: Mapping bounded rationality / *American Psychologist*. 2003. - № 58(9). - С. 697–720. <https://doi.org/10.1037/0003-066X.58.9.697>
- Kraus J. S.* Legal design and the evolution of commercial norms / *The Journal of Legal Studies*. - 1997. - Т. 26. - №. 2. - С. 377-411.
- Plain Language Bill. New Zealand Legislation. 2022. URL: <https://www.legislation.govt.nz/bill/member/2021/0070/latest/whole.html#DLM4357602>.
- Public Law 111 - 274 - Plain Writing Act of 2010. URL: <https://www.plainlanguage.gov/law/#:~:text=The%20Plain%20Writing%20Act%20of,12866%2C%20E.O.>
- Texas Administrative Code. 1977. URL: http://txrules.elaws.us/rule/title7_chapter25_sec.25.4
- Большой энциклопедический словарь / гл. ред. А. М. Прохоров. - 2-е изд., перераб. и доп. М., Санкт-Петербург, 2004.
- Давыдова М. Л.* «Умное регулирование» как основа совершенствования современного правотворчества / *Журнал российского права*. - 2020. - № 11. - С. 14-29. DOI: 10.12737/jrl.2020.130С.21.
- Давыдова М. Л.* Оценка регулирующего воздействия как разновидность правотворческих экспертиз и инструмент умного регулирования / *Юридическая техника*. - 2022. - № 16. - С. 104-108.
- Зыков Д. В.* Идеи С. С. Алексеева о правовом воздействии и их современное значение / *Вестник Гуманитарного университета*. - 2022. - № 3 (38). - С. 59–70. - DOI 10.35853/vestnik.gu.2022.3(38).05.
- Канеман Д.* *Думай медленно... Решай быстро*. М., 2014.
- Лигал-дизайн и ускорение документооборота в России Обзор Симплоера. URL: <https://www.simplawyer.com/>
- Письмо ФАС России № АК/25611/19, Банка России № ИН-06-52/29 от 29.03.2019 «О раскрытии информации о размере вознаграждения» / *Вестник Банка России*. - 2019. - № 26.
- Руководство по дизайн-мышлению. 2017. URL: http://caramboli.ru/wp-content/uploads/2017/09/Design_Thinking_manual_Bootleg_RUS.pdf
- Студия Артемия Лебедева. Официальный сайт. URL: <https://www.artlebedev.ru/rzd/ticket/>
- Янковский Р.М.* Legal design: новые вызовы и новые возможности / *Закон*. - 2019. № 5. - С. 76 - 86.

References

- Berger-Walliser, G., Barton, T. D., Haapio, H. (2017). From visualization to legal design : a collaborative and creative process. *American Business Law Journal*, 54(2), 347–392. <https://doi.org/10.1111/ablj.12101>
- Big Encyclopedic Dictionary / Ch. ed. A. M. Prokhorov. M., St. Petersburg, 2004 (in Russian).
- Consumer Rights Act 2015. UK Public General Acts. Part 2. Clause 64. Available from: <https://www.legislation.gov.uk/ukpga/2015/15/contents/enacted>.
- Creative Commons. Official website. Available from: <https://creativecommons.org/licenses/?lang=ru> (in Russian).
- Davydova, M. L. (2020). Smart Regulation as the Basis for Improving Modern Law-Making. *Zhurnal rossijskogo prava = Journal of Russian Law*, 11, 14-29. DOI: 10.12737/jrl.2020.130. (In Russian).
- Davydova, M. L. (2022) Regulatory impact assessment as a kind of law-making expertise and a tool for smart regulation. *Legal technique*, 16, 104-108. (In Russian).
- Design Thinking Guide. 2017. Available from: http://caramboli.ru/wp-content/uploads/2017/09/Design_Thinking_manual_Bootleg_RUS.pdf (in Russian).
- Hagan, M. (2014). *Law by Design*. Available from: <http://www.law-bydesign.co>.
- Kahneman, D. (2003). A perspective on judgment and choice: Mapping bounded rationality. *American Psychologist*, 58(9), 697–720. <https://doi.org/10.1037/0003-066X.58.9.697>.
- Kahneman, D. (2014). *Thinking, Fast and Slow*. Moscow (In Russian).
- Kraus, J. S. (1997) Legal design and the evolution of commercial norms. *The Journal of Legal Studies*, 1997, 26, 2, 377-411.
- Legal design and workflow acceleration in Russia. Simplioer overview. Available from: <https://www.simplioer.com/> (in Russian).
- Letter of the Federal Antimonopoly Service of Russia No. AK/25611/19, Bank of Russia No. IN-06-52/29 dated March 29, 2019 "On disclosure of information on the amount of remuneration". *Bulletin of the Bank of Russia*. 2019. No. 26 (in Russian).
- Plain Language Bill. New Zealand Legislation. 2022. Available from: <https://www.legislation.govt.nz/bill/member/2021/0070/latest/whole.html#DLM4357602>.
- Public Law 111 - 274 - Plain Writing Act of 2010. Available from: <https://www.plainlanguage.gov/law/#:~:text=The%20Plain%20Writing%20Act%20of,12866%2C%20E.O.>
- Studio Art. Lebedev. Official website. Available from: <https://www.artlebedev.ru/rzd/ticket/> (in Russian).
- Texas Administrative Code. 1977. Available from: http://txrules.elaws.us/rule/title7_chapter25_sec.25.4
- Yankovsky, R. M. (2019). Legal design: new challenges and new opportunities. *Law*, 5, 76-86 (in Russian).
- Zykov, D. V. (2022) Ideas of S. S. Alekseev on legal impact and their modern significance. *Bulletin of the Humanitarian University*, 3 (38), 59-70. DOI 10.35853/vestnik.gu.2022.3(38).05 (in Russian).

Citation:

Козлова М. Ю. Юридический дизайн как средство умного регулирования // Юрислингвистика. – 2023. – 27. – С. 15-20.
Kozlova M. Yu. (2023). Legal Design as Means of Smart Regulation. *Legal Linguistics*, 27, 15–20.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0. License

Отрицательные девербативы в текстах закона: коммуникативно-прагматический аспект

В. И. Поповская

Челябинский государственный университет

ул. Братьев Кашириных, 129, 454001, Челябинск, Россия. E-mail: pshen555@mail.ru

Статья посвящена исследованию особенностей функционирования отрицательных отглагольных существительных (девербативов) в законодательных текстах. В процессе анализа действующих законов Российской Федерации было установлено, что употребляющиеся в них отрицательные девербативы имеют разную степень субстантивации, причем наиболее распространенными являются лексемы, оканчивающиеся на -ение, то есть именно такие, в которых отчетливо проявляется глагольная семантика производящей основы. Напротив, чем более сильно субстантивировалось слово, тем меньше у него возможностей присоединить к себе отрицание. Слабо субстантивированные существительные достаточно сложны для восприятия реципиентом, так как представляют собой результат номинализации исходного предиката, в процессе которой отрицательная частица не- сливается с основой и превращается в приставку, образуя тем самым более сложное с точки зрения структуры и семантики слово. Кроме того, приобретая формальные показатели принадлежности к группе существительных, лексема продолжает выражать глагольные значения, которые, как показал проведенный анализ, могут актуализироваться в определенных контекстах. В данной работе выделяется три типа контекстов, актуализирующих глагольную семантику девербатива: 1) употребление в конструкции с производными отыменными причинно-следственными или условными предложениями; 2) наличие при отрицательном девербативе существительного в творительном падеже со значением действующего лица; 3) употребление в конструкциях с пропозициональными актантами. Функционирование девербатива в указанных выше контекстах нередко приводит к конкуренции их субстантивных и глагольных значений, а неполное соответствие плана содержания плану выражения обуславливает сложности восприятия подобных единиц адресатом законодательного текста.

Ключевые слова: отрицательный девербатив, отглагольное существительное, текст закона, юридический текст, юридический дискурс.

Negative Deverbatives in the Texts of the Law: Communicative and Pragmatic Aspect

V. I. Popovskaya

Chelyabinsk State University

129 Brat'ev Kashirinyh St., Chelyabinsk, Russia. E-mail: pshen555@mail.ru

The article concentrates on the study of the peculiarities of the functioning of negative verbal nouns (deverbatives) in legislative texts. In the process of analyzing the current laws of the Russian Federation, it was found that the negative deverbatives used in them have different degrees of substantivisation, and the most common are lexemes ending in -ение, that is, exactly those in which the verbal semantics of the base is clearly manifested. On the contrary, the more strongly a word has been substantivized, the less opportunities it has to attach negation. Weakly substantivized nouns are quite difficult for the recipient to perceive, since they are the result of nominalization of the original predicate, during which the particle does not merge with the base and turns into a prefix, thereby forming a word that is more complex in terms of structure and semantics. In addition, acquiring formal indicators of belonging to a group of nouns, the lexeme continues to express verb meanings that can be actualized in certain contexts. In this paper, three types of contexts are distinguished that actualize the verbal semantics of the deverbative: 1) use in constructions with derived denominal causal or conditional prepositions; 2) the presence of a negative deverbative noun in the creative case with the meaning of the actor; 3) use in constructions with propositional actants. The functioning of the deverbative in the above-mentioned contexts often leads to a contradiction of their substantive and verbal meanings.

Key words: negative deverbative, verbal noun, text of the law, legal text, legal discourse.

Тексты законов призваны регулировать общественные отношения, побуждать участников правоотношений к совершению определенных действий или предостерегать от них, устанавливая причинно-следственные связи между юридически значимыми событиями. Такое содержание законодательных текстов обуславливает наличие в них большого количества полипропозитивных предложений. В то же время основные черты официально-делового стиля – точность и краткость изложения – не позволяют законодателю злоупотреблять использованием объемных синтаксических конструкций и сложных предложений с большим количеством грамматических основ. Как следствие, перед автором закона ставится задача передачи сложных семантических структур как можно более простыми синтаксическими конструкциями, что нередко приводит к оформлению пропозиции отглагольными существительными. Общеизвестно, что обилие девербативов – одна из отличительных особенностей официально-делового текста, обуславливающая и проблему его понимания.

В научной литературе понятия «отглагольное существительное» и «девербатив» определяются по-разному. В рамках настоящей работы мы не станем отдельно останавливаться на дискуссионных вопросах, связанных с теоретическим осмыслением данной группы лексики, отметим только, что перечисленные термины будут использоваться нами в настоящей работе в качестве синонимов.

Как отмечает Г. Л. Лузина, «в общепринятых определениях отглагольных существительных обязательно указывается, что они производная номинация с пересекающимися глагольными и именными свойствами как в семантическом, так и в синтаксическом плане» [Лузина 2001: 111]. Пограничное положение девербативов, наличие в них именных и глагольных характеристик (не всегда четко проявленных) обуславливает структурно-семантическое осложнение предложений в законодательных текстах, а следовательно, и затрудняет их понимание. Еще А. М. Пешковский замечал, что «отглагольное существительное всегда оказывается худосочным потугом на книжность, результатом стремления «образованность свою показать» <...> чем-то запутанным, бледным, вялым» [Пешковский 1925: 142]. Более того, в рамках законодательного дискурса активно функционируют девербативы, семантика которых осложнена отрицанием, репрезентированным посредством частицы или приставки *не*. Это делает данные единицы потенциально еще более сложными для понимания. Именно такие элементы языка законов и стали объектом настоящего исследования.

Наиболее употребительными в законах, по наблюдению М. В. Батюшкиной, являются отглагольные существительные с суффиксами *-ени-* (*вступление, лишение*) и *-ни-* (*задержание, помилование*), менее распространены существительные, образованные с помощью суффиксов *-и-* (*изъятие, прибытие*), *-яни-* (*деяние*); для передачи значения «действие как процесс» / «действие как результат» используются слова с суффиксами *-ци-*, *-яци-* (*конфискация, ликвидация*), *-ств-* (*разбирательство*); суффикс *-тель-* встречается у лексем, обозначающих статусно-функциональную роль субъекта юридического дискурса (*даритель, нарушитель*). Достаточно большое количество слов образовано безаффиксным способом (*досмотр, розыск*), а также путем усечения глагольной основы с суффиксацией (*взятка, грабеж*) [Батюшкина 2018: 36-38].

Проведенный нами анализ материала показал, что в группе отрицательных отглагольных существительных подавляющее большинство лексем образованы суффиксами *-ениј-*, *-ниј-*, *-иј-*: *необеспечение, несоблюдение, неустановление, недоведение, несообщение, недостижение, ненаступление, непредоставление, неразглашение, неизбрание, несогласие, невключение, недостижение, несоответствие, невыполнение, неисполнение, неприятие, несовпадение и др.* Значительно реже употребляются существительные, образованные путем усечения основы (*невплата, невывоз, невыезд и др.*), а также путем усечения с последующей суффиксацией (*неявка*). Лексем с другими формантами встречаются в единичных случаях (*невмешательство*).

В научных работах неоднократно подчеркивалось, что группа отглагольных существительных фактически представлена словами разного порядка. Г. О. Винокур, анализируя стилистические особенности данной лексики, отмечает наличие как минимум двух категорий существительных: «имена типа *играние* или *смотрение* – во-первых, и имена типа *игра, смотр*, а также *значение* или *содержание* – во-вторых» [Винокур 1928: 80]. Принципиально важным в этом противопоставлении оказывается то, что слова второй группы практически утратили глагольную семантику, субстантивировались до конца и уже не воспринимаются говорящим как единицы отглагольные. Напротив, существительные типа *играние, смотрение* и подобные с финалями *-ание, -ение*, отнесенные к первому типу, акцентируют внимание на своей глагольной природе. Г. О. Винокур подчеркивает, что «упреки в стилистической дефектности <...> могут относиться только к именам первой категории, поскольку они исполнены внутреннего смыслового противоречия: будучи вызваны к жизни потребностью избавиться от глагольных качеств значения, они и под субстантивным обликом эти глагольные качества все же сохраняют» [Винокур 1928: 84].

Итак, среди отрицательных девербативов чаще всего встречаются лексем, оканчивающиеся на *-ение*, то есть именно такие, в которых наиболее отчетливо проявляется глагольная семантика. Напротив, чем более сильно субстантивировалось слово, тем меньше у него возможностей присоединить к себе отрицание. Так абсолютно абсурдными кажутся образования типа *невзятка, незаевка, неподдержка, незапрет, неслужба* и подобные.

Ср. гипотетические контексты: *Невзятка была обычным делом для него. Неподдержка близких огорчает.*

Исходные существительные (*взятка, заявка, поддержка*) уже достаточно сильно субстантивировались и воспринимаются как слова с четким предметным значением, поэтому их употребление с приставкой *не-* должно приводить к образованию нового, противоположного по значению слова, однако антонимичные и контрадикторные понятия для данных существительных в языке отсутствуют.

Если говорящему необходимо передать значение неосуществления какого-либо действия, вероятнее всего, отрицание будет выражено другими языковыми средствами.

Ср.: *Он никогда не брал взятку / Взятка была неприемлема для него.*

Отсутствие поддержки близких огорчает / Если близкие не поддерживают, это огорчает.

Заявки не поступило / Кто-то не подал заявку.

Обратим внимание на тот факт, что во всех условно «правильных» предложениях отрицание присоединяется к лексеме с глагольной семантикой (хотя данное положение, вероятно, не будет справедливым для всех возможных контекстов).

В качестве эксперимента проведем еще несколько трансформаций вышеперечисленных существительных.

Ср. гипотетические контексты: *Ответственность за неподдержку кого-либо несет кто-либо. В случае невзятки денежных средств кто-либо освобождается от ответственности. В случае незаявки о чем-либо в установленные сроки договор расторгается.*

Не принимая во внимание очевидную ненормативность получившихся словоформ, отметим, что отрицание при девербативах оказывается более уместным в позициях, где контекстуальное окружение актуализирует семантику производящей глагольной основы. Приставка *не-* в данном случае сближается по значению с соответствующей частицей, репрезентирующей отрицание при глаголе.

Наконец, выполним последнюю трансформацию, осуществив замену суффиксов в рассматриваемых отглагольных существительных. Ср.: *Незаявление, неподдержание / неподдерживание, незапрещение, невзятие и т. д.* Составить предложения с получившимися лексемами, вероятно, не составит труда для любого носителя языка. Образование подобных существительных традиционно относится к сфере синтаксической деривации, под которой понимается «изменение грамматического значения знака, обуславливающее выполнение им новой функции при полном или частичном сохранении семантического содержания» [Балли 1955: 131]. Это еще раз подчеркивает, что в процессе перехода в существительные глагольная семантика таких дериватов остается четко ощутимой даже в субстантивном облиции.

Таким образом, наблюдается некоторая взаимосвязь между наличием глагольной семантики и способностью отглагольной лексемы присоединять к себе отрицание.

В отглагольных образованиях типа *необеспечение, неисполнение, несообщение* и т. п. приставка *не-* функционирует подобно соответствующей частице при глаголе, то есть собственно отрицает осуществление действия/события/процесса, названного глагольной основой. Отрицательные девербативы, таким образом, представляют собой результат номинализации исходного предиката, в процессе которого частица *не-* сливается с основой и превращается в приставку. Однако именно это «сращение», на наш взгляд, впоследствии не просто осложняет семантику предложения, но становится единицей гораздо более сложной для декодирования носителем языка, чем исходный глагольный вариант. В литературе отмечается, что «звуковой комплекс частицы *не* воспринимается как отдельное слово, но служебное, а приставка *не-* образует часть слова и воспринимается в сочетании с другими звуками, с которыми образуют единое слово» [Меретукова 2021: 131], и если сочетание «не + глагол» декодируется как две отдельные единицы («S не есть P»), то отрицательный девербатив воспринимается как целостная единица, причем единица в определенной степени сложная для восприятия, так как в ее состав входят «семантически насыщенные» морфемы (*не-*, *-ени-*), каждая из которых по-своему модифицирует значение производящего глагола. При этом отрицательная семантика, репрезентируемая в существительном приставкой, становится гораздо менее ощутимой для реципиента, так как она (приставка) «сливается» с остальной частью лексемы. Кроме того, морфологические характеристики подобных существительных, а также их слитное написание с *не-* транслируют реципиенту в большей степени именные значения, в то время как семантически такие девербативы являются репрезентантами глагольных (и шире – пропозициональных) значений.

Конструкции с отглагольными существительными в целом имеют достаточно много недостатков с точки зрения их восприятия носителем языка: во-первых, свойственное деловому тексту «нанизывание падежей» зачастую вызывается именно употреблением отглагольных существительных; во-вторых, некоторую неясность тексту может придавать отсутствие четко проявленных видовых, временных и залоговых значений, изначально свойственных глаголу [Розенталь 2012: 326]. Выше мы уже отмечали, что для отрицательных девербативов, сохранивших в процессе словообразования четко ощутимую для реципиента глагольную семантику, свойственно определенное «столкновение» глагольных и субстантивных значений, что, безусловно, осложняет восприятие законодательного текста.

Анализ текстов действующих законов Российской Федерации позволил определить круг контекстов, в которых усиливается глагольная семантика отрицательного девербатива и, как следствие, начинают конкурировать их субстантивные и глагольные значения. Среди таких актуализаторов можно выделить следующие.

1) Производные отыменные причинно-следственные или условные предлоги *вследствие, в связи с, в случае* и т. п.: *Вред, причиненный жизни, здоровью или имуществу потребителя вследствие небезопасности товара (работы), подлежит возмещению <...>. При причинении вреда жизни, здоровью и имуществу потребителя вследствие непредоставления ему полной и достоверной информации о товаре <...>. В случае неисполнения обязательства передать индивидуально-определенную вещь кредитору <...> и др.*

Как отмечает В. А. Маркова, «при употреблении предлога *вследствие* акцентируется наличие причинно-следственной связи между двумя событиями, фактами как в мире природы, так и в социальной сфере» [Маркова 2016: 4], предлог *в связи с* «всегда указывает на причину (повод)» [Гун 2017: 34]. Под условными

синтаксическими отношениями в целом «понимаются прежде всего условия, обеспечивающие проявление действия» [Биньковская 2008: 39]. Другими словами, включение подобных лексем в контекст предполагает установление взаимосвязи между несколькими событиями, одно из которых может быть вербализовано отглагольным существительным, именно поэтому такие единицы являются актуализаторами глагольной семантики девербатива.

Кроме того, рассматриваемые производные предлоги актуализируют видовые, временные и залоговые глагольные значения существительного. Так, в конструкции «*Вред, причиненный жизни, здоровью или имуществу потребителя вследствие необеспечения безопасности товара (работы), подлежит возмещению <...>*» достаточно ярко проявляются значения совершенного вида и прошедшего времени: правовые последствия наступают, если вред уже причинен, следовательно, к моменту речи действие уже не было осуществлено (безопасность не была обеспечена). Учитывая тот факт, что текст закона репрезентирует деонтическую модальность, данный фрагмент можно интерпретировать и несколько иначе: действие (обеспечение безопасности товара) должно достигнуть своего предела до того момента, как будет причинен вред. И при первом, и при втором варианте понимания текста видо-временные отношения декодируются одинаково.

Значение страдательного залога в данном контексте менее очевидно, однако есть основания говорить о наличии признаков пассивной конструкции: *безопасность товара не была обеспечена [исполнителем]*. Субъект в данном случае материально не выражен, хотя в большом количестве контекстов субъект называется. Ср.: «*В случае недоведения исполнителем преступления до конца...*». В таком случае залоговые значения становятся еще более очевидными для реципиента.

Несмотря на то, что для появления формальных показателей соответствующих категорий необходима трансформация предложения в глагольную конструкцию, в целом для единственно верного понимания текста реципиент должен безошибочно декодировать и имплицитно представленные грамматические значения.

При этом подчеркнем, что в конструкциях «производный предлог + отрицательный девербатив» значения совершенного вида, прошедшего времени и страдательного залога репрезентируются не столько глагольной основой, сколько самим сочетанием предлога с отрицанием. Ср.: *обеспечение безопасности (несов. вид) / необеспечение безопасности (и несов., и сов. вид), вследствие необеспечения безопасности (сов. вид)*.

Напротив, субстантивные характеристики, имеющие в лексеме «*необеспечение*» четкие формальные показатели, незначительно влияют на понимание сообщения. Безусловно, рассматриваемое слово является отвлеченным существительным, на что указывает его семантика, а также отсутствие форм множественного числа, неспособность сочетаться с неопределенно-количественными словами и т. д. И действительно, лексема сама по себе, взятая вне контекста, формирует представление о действии в отвлечении от его производителя, однако это положение не вполне справедливо для рассматриваемого фрагмента закона, где наблюдается четкая взаимосвязь между субъектом и неосуществлением им указанного действия (*вследствие необеспечения безопасности товара*). Нельзя также сказать, что какие-либо иные грамматические значения существительного в значительной степени влияют на понимание текста, даже выбор падежной формы в данном случае обусловлен валентностью предлога.

Таким образом, синтаксическая конструкция, выбор которой обусловлен потребностью «свернуть» пропозицию, требует употребления совершенно определенной именной формы, а семантика предложения – реализации глагольных значений.

2) Наличие при отрицательном отглагольном существительном творительного падежа со значением действующего лица: *Неисполнение подчиненным приказа начальника <...>; При невыполнении изготовителем (исполнителем) этой обязанности <...>; Непринятие лицом <...> мер по предотвращению или урегулированию конфликта интересов <...>*.

Формы творительного падежа со значением производителя действия употребляются при отглагольных существительных, фактически оформляя страдательную конструкцию, однако потенциальная сложность их восприятия заключается в том, что синтаксические роли, в которых выступают данные языковые единицы, не соответствуют транслируемой ими семантике. Так, в конструкциях с творительным падежом отрицательное отглагольное существительное нередко выступает в роли подлежащего, то есть является грамматическим субъектом, в то время как на семантическом уровне имеет предикативное значение, как следствие, возникает конкуренция именных и глагольных значений.

3) Конструкции с пропозициональными актантами: *Освобождается от ответственности за неисполнение обязательств <...>; ... до устранения обстоятельств, явившихся основанием для отстранения от работы или недопущения к работе <...>; Лица, виновные в непредоставлении информации <...>*.

В ряде конструкций отрицательный девербатив заполняет валентность слов, требующих в рамках законодательного текста распространения и конкретизации лексемой с глагольной семантикой: *ответственность за ...*, *виновный в ...* (осуществление/неосуществление определенных действий) и т. д. При этом валентность самих отрицательных девербативов, унаследованная от производящих глаголов, также нуждается в обязательном заполнении: *неисполнение* (чего?), *недопущение* (к чему?), *непредоставление* (чего?) и т. д. Таким образом, в подобных конструкциях, с одной стороны, девербатив выступает в качестве актанта, то есть принимает на себя нетипичную для предикативной единицы, но традиционную для существительного роль, с другой стороны, как стандартный предикат требует заполнения своей валентности.

Итак, проведенный нами анализ отрицательных девербативов, функционирующих в текстах законов, позволяет сделать следующие выводы:

1) отглагольные существительные, употребляющиеся в законах, имеют разную степень субстантивации; наиболее сложными для восприятия реципиентом являются лексемы, глагольные качества которых достаточно четко проявлены;

2) отрицательные девербативы представляют собой результат номинализации исходного предиката, в процессе которого частица *не-* сливается с основой и превращается в приставку, однако в семантике данной единицы изменений не происходит. Таким образом, структура производного слова становится более сложной, отрицательное значение приставки – менее очевидным, лексема приобретает формальные показатели принадлежности к группе существительных, продолжая выражать глагольные значения;

3) в определенных контекстах происходит актуализация глагольной семантики девербатива, что может приводить к конкуренции их субстантивных и глагольных значений. Неполное соответствие плана содержания плану выражения обуславливает сложности восприятия подобных единиц адресатом законодательного текста;

4) можно выделить как минимум три типа контекстов, актуализирующих глагольную семантику девербатива: 1) употребление в конструкции с производными отыменными причинно-следственными или условными предложениями; 2) наличие при отрицательном девербативе существительного в творительном падеже со значением действующего лица; 3) употребление в конструкциях с пропозициональными актантами.

Таким образом, отмеченная еще Г. О. Винокуром «дефектность» [Винокур 1928: 84] слабо субстантивировавшихся существительных, обусловленная попыткой замаскировать глагольные значения под субстантивным обликом, ярко проявляется при функционировании таких единиц в законодательном дискурсе.

Литература

Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка. М., 1955.

Батюшкина М. В. К вопросу о выражении в законодательных текстах семантики действия / Юрислингвистика. - 2018. - №9-10. - С. 31-58.

Биньковская М. В. Формирование предлогов со значением условия и уступки в деловом языке второй половины XVIII века (по материалам ОГАЧО) / Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Лингвистика. - 2008. - №1(101). - С. 39-41.

Винокур Г. О. Глагол или имя? (Опыт стилистической интерпретации) / Русская речь. - 1928. - № 3. - С. 75-93.

Гун Ц. Особенности функционирования производных причинных предлогов с субстантивным компонентом в связи с и по случаю / Балтийский гуманитарный журнал. - 2017. - №2(19). - С. 33-35.

Лузина Г. Л. Исследования отглагольных имен существительных в русском языке (обзор). / Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 6: Языкознание: Реферативный журнал. - 2001. - №1. - С. 111-123.

Маркова В. А. Предлоги *ввиду*, *вследствие*, *в результате*, *в силу* в лингводидактическом освещении / Слово. Предложение. Текст: анализ языковой культуры. - 2016. - № 10. - С. 4-13.

Меретукова М. М., Малова Н. Е., Сapieва С. К. Отрицательные частицы русского языка / Актуальные научные исследования в современном мире. - 2021. - № 10-6(78). - С. 130-134.

Пешковский А. М. Методика родного языка, лингвистика, стилистика, поэтика. Л., 1925.

Розенталь Д. Э. Справочник по правописанию и литературной правке / под ред. И. Б. Голуб. М., 2012.

References

Balli, Sh. (1955). General linguistics and questions of the French language. Moscow (in Russian).

Batyushkina, M. V. (2018). On the issue of expressing the semantics of action in legislative texts. Legal linguistics, 9-10, 31-58 (in Russian).

Bin'kovskaya, M. V. (2008). Formation of prepositions with the meaning of conditions and concessions in the business language of the second half of the XVIII century (based on the materials of OGACHO). Bulletin of the South Ural State University. Series: linguistics, 1(101), 39-41 (in Russian).

Gong, G. (2017). Peculiarities of the functioning of the causal prepositions with the substantive component в связи с (in connection with) and по случаю (on the occasion). Baltic Humanitarian Journal, 2(19), 33-35 (in Russian).

Luzina, G. L. (2001). Studies of verbal nouns in the Russian language (review). Social Sciences and Humanities. Domestic and Foreign Literature. Series 6: Linguistics, 1, 111-123 (in Russian).

Markova, V. A. (2016). The prepositions *ввиду*, *вследствие*, *в результате*, *в силу* in the methodological aspect. Word. Offer. Text: analysis of language culture, 10, 4-13 (in Russian).

Meretukova, M. M., Malova, N. E., Sapieva, S. K. (2021). Negative particles of Russian language. Current scientific research in the modern world, 10-6(78), 130-134 (in Russian).

Peshkovskij, A. M. (1925). Methods of the native language, linguistics, stylistics, poetics: collection of articles. Leningrad (in Russian).

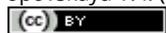
Rozental', D. E. (2012). Handbook of Spelling and Literary Editing. Moscow (in Russian).

Vinokur, G. O. (1928). Verb or name? (Experience of stylistic interpretation). Russian speech, 3, 75-93 (in Russian).

Citation:

Popovskaya V. I. Negative Deverbatives in the Texts of the Law: Communicative and Pragmatic Aspect // Юрислингвистика. – 2023. – 27. – С. 21-26.

Popovskaya V. I. (2023). Negative Deverbatives in the Texts of the Law: Communicative and Pragmatic Aspect. Legal Linguistics, 27, 21–26.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0. License

Некоторые проблемы определения правового статуса хештегирования публикаций в социальных сетях

М. А. Стародубцева

Алтайский государственный университет

пр. Социалистический, 68, 656049, Барнаул, Россия. E-mail: starodubzewa@gmail.com

Статья посвящена исследованию правового статуса хештегирования. Актуальность исследования предопределена возросшей опасностью применяемых к российской молодежи технологий управления массами посредством сети Интернет. Методология исследования включает общие методы научного исследования – анализ, синтез, системный, логический, а также специальные методы, среди которых сравнительно-правовой. Метод сравнительно-правового исследования позволяет выделить основные проблемы правового регулирования хештегирования. Исследование включает три основных этапа: (1) анализ базовых нормативных актов в исследуемой области и выявление противоречий правового регулирования; (2) анализ сложившейся на практике ситуации определения хештегирования как явления, не имеющего значения для правовой действительности; (3) определение пути разрешения сложившегося противоречия в законодательном регулировании и практической ситуации.

Основными выявленными проблемами являются неопределенность в установлении правового статуса хештегов в отрыве от текста публикаций. В результате проделанной работы автор приходит к выводу о необходимости совершенствования законодательства, направленного на регулирование правового статуса хештегирования и необходимости разъяснения указанного вопроса на уровне высших судебных инстанций.

Ключевые слова: терроризм, экстремизм, хештег, гибридная война.

Some Challenges of Defining the Legal Status of Publication Hashtagging on Social Networks

M. A. Starodubtseva

Altai State University

68 Sotsialisticheskij St., 656049, Barnaul, Russia. E-mail: starodubzewa@gmail.com

The article covers the study of the legal status of hashtagging. The relevance of the study is predetermined by the increased danger of mass control technologies applied to Russian youth through the Internet. The research methodology includes general methods of scientific research - analysis, synthesis, systemic, logical, as well as special methods, including comparative legal method. The method of comparative legal research allows us to highlight the main problems of hashtagging legal regulation. The study includes three main stages: (1) - analysis of the basic regulations in the area under study and identification of contradictions in legal regulation; (2) - analysis of the current situation as a practical matter of defining hashtagging as a phenomenon that is not relevant for legal reality; (3) - outlining the way to resolve the existing contradiction in the legislative regulation and practice.

The main challenge found is the ambiguity in defining the legal status of hashtags in isolation from the text of publications. As a result of the work done, the author comes to the conclusion that it is necessary to improve the legislation aimed at regulating the legal status of hashtagging and to clarify this through the supreme judicial authorities.

Key words: terrorism, extremism, hashtag, hybrid war.

Введение

Сегодня внешние и внутренние деструктивные силы, используя возможности медиатехнологий и средств управления массами, проводят работу по моральному разложению российской молодежи, прежде всего развивая в ней негативное отношение к российской власти, недоверие, разжигая националистические и террористические настроения и иные негативные настроения и проявления [Абдулатипов 2019: 105]. Осуществляется указанная

деятельность, прежде всего, в сети Интернет посредством диалогового общения либо противоправных публикаций. Интернет-тексты выступают относительно новой областью юридической лингвистики и требуют тщательного анализа. С точки зрения собственно лингвистической науки, языковая ситуация сегодня определяется речевой практикой пользователей, нарабатываемой в интернет-среде. Основные тенденции интернет-общения, такие как краткость, клиповость, образность, породили такое лингвистическое явление как хештег. В одном из интернет-словарей дается следующее определение данного явления:

Хештег (анг. Hashtag от hasg – символ «решетка») – это слово в Твиттере, начинающееся с символа #, служит для пометки сообщения о его принадлежности к какому-либо событию, теме или обсуждению [Абазов 2018: 8].

Более широкое определение рассматривает хештег как метку, используемую для распределения сообщений по темам в блогах и социальных сетях. Сообщения, в которых присутствует тот или иной хештег, становятся маркированными и дают возможность интернет-пользователям найти тематическую информацию с помощью поиска (например, #музыка, #искусство, #смешное и т. д.) [Бутусова 2016: 48]. Однако повсеместное использование хештега означает и применение его в своих публикациях потенциальными участниками террористических организаций, распространяющих подобным образом свои идеологические постулаты. И безобидная, казалось бы, маркировка становится навигатором по неправомерным интернет-ресурсам. Целью настоящего исследования выступает анализ специфики правового статуса лингвистического явления «хештег» и выяснение вопроса о том, можно ли считать размещение в социальных сетях хештегов с ярко выраженной террористической окраской речевым преступлением, влекущим за собой уголовную ответственность.

Методы и материалы

Прежде всего следует отметить, что хештег в научной литературе рассматривается обычно как лингвистическое явление и, соответственно, указанной теме посвящены труды преимущественно исследователей-лингвистов, таких как Л. С. Патрушева, С. В. Лебедева, Н. В. Астахова, Ю. В. Щурина и др. Данные труды посвящены обоснованию хештегирования как нового коммуникативного процесса, формированию виртуальной языковой личности, в частности, основной акцент исследователи делают на определении коммуникативно-игрового потенциала хештегов. В юридической сфере этот аспект практически не затрагивается, и провести анализ противоположных мнений представляется весьма затруднительным; на законодательном уровне термин «хештег» тем более не фигурирует [Абазов 2018: 5]. Таким образом, вопрос практически не отражен в научных исследованиях, одновременно являясь достаточно острым в практическом аспекте.

Новизна проводимого исследования заключается в обосновании назревшей необходимости оформления и детальной регламентации правового статуса хештегов и поиске ответа на вопрос, является ли речевым преступлением публикация отдельных хештегов террористической тематики без сопутствующего им текста.

Примененные в работе методы анализа и сравнения помогли проанализировать имеющиеся нормативные акты в рассматриваемой области, дали возможность построения картины создания и публикации хештегов, позволили выявить проблемы правового регулирования хештегирования, пробелы и сложности правоприменительной практики.

Результаты и дискуссия

В массиве российского законодательства нет прямого упоминания термина «хештег». Однако он встречается в ведомственных нормативно-правовых актах, например, в Письме Минобрнауки России от 31.03.2017 №ВК-1065/07, посвященном повышению эффективности профилактики детского и подросткового суицида [Письмо Минобрнауки 2017: 6]. Рассматриваемый документ дает определение хештега: «хештег, изображаемый значком «решетка» #, позволяет другим пользователям находить все записи, обозначенные этим значком через поисковую систему социальной сети» [Выручаев 2008: 5].

Поиск нужных публикаций пользователи обычно осуществляют по тематическим хештегам. Например, по тегу #первоесентября можно найти посты с фотографиями первоклашек и информацией о праздничных линейках в школе, по тегу #МГУ – новости университета, и так далее. Чтобы пользователи находили пост быстрее, в качестве хештегов используются ключевые слова текста.

Хештеги используются для навигации внутри групп или аккаунтов в соцсетях – обычный поиск в них часто работает непредсказуемо. «ВКонтакте» позволяет создавать локальные хештеги, которые работают только внутри сообщества, в других соцсетях можно придумать уникальный хештег.

При поиске по хештегам такая социальная сеть, как Twitter, например, дает множество возможностей отфильтровать контент. Пользователь может выбрать самые популярные твиты, аккаунты с похожим словом в заголовке, прямые трансляции и т. д.

На главной странице Twitter отображается набор хештегов, которые набирают популярность. В левой части экрана в разделе «Популярные темы» собраны наиболее часто повторяющиеся теги. Twitter автоматически выбирает их в соответствии с интересами пользователя, на основе подписок и местоположения. Список можно изменить, нажав соответствующую кнопку в разделе. Там пользователь может установить новое местоположение, которое изменит список актуальных тем и хештегов.

Поскольку Twitter – удобный инструмент для оперативной доставки новостей, в нем популярны хештеги событий. Например, с помощью тегов типа #rubanji можно следить за ходом футбольного матча или подготовкой к нему, смотреть трансляцию и узнавать мнение болельщиков.

Точно такие же хештеги массово ставят на свои сообщения и публикации участники террористических сообществ, наполняя новостную ленту социальной сети своим контентом. Интересующийся пользователь вводит хештег и через несколько секунд может свободно читать все открывшиеся в базе поиска публикации.

Потенциальные участники террористических организаций могут с помощью хештегирования получить информацию о социальных сетях, чтобы исказить распространенность и ранжирование их сообщений в результатах поиска. Фактически социальная сеть, используя примитивные маркетинговые приемы, сама предлагает продвижение потенциально террористического контента. ИГИЛ и Аль-Каида, как сообщается, используют «ботов», которые представляют собой управляемые компьютером учетные записи Twitter, которые автоматически рассылают контент в аналогичной реальному пользователю манере.

Резюмируем, что установление меток в публикации в социальных сетях представляет собой новый коммуникативный процесс, проходящий собственные этапы развития, и представляющий собой определенный интерес для юридической сферы. Хештегирование можно назвать дискурсивным явлением, так как данный процесс представляет собой совокупность взаимосвязанных речевых действий коммуникантов, как спонтанных, так и управляемых, результатом которых является достижение определенной коммуникативной цели.

О. В. Лутовинова указывает, что по составу хештеги могут являться словами (#вперед), беспробельными словосочетаниями (#бомбавметро) или беспробельными предложениями (#крушениесамолетавтихомокеане). В качестве пробелов может выступать нижнее подчеркивание (#ногти_пермь) или написание нового слова с заглавной буквы (#ТаяЗая). Хештеги могут содержать эмодзи или состоять из них (#©). Они включаются в текст тремя способами:

- в качестве подписи после текста сообщения и фотографии;
- в качестве включения в текст публикации;
- в качестве самостоятельной подписи к фотографии [Лутовинова 2015: 104].

Есть и другие попытки классификации хештегов. Ю. В. Щурина все многообразие хештегов сводит к двум группам, исходя из их функций:

- 1) реализующие номинативные, социальные, экономические задачи;
- 2) реализующие эстетические или творческие задачи. В них включаются общеизвестные и авторские хештеги [Мазуров 2010: 41].

Итак, хештеги обычно выступают некой системой быстрого поиска публикаций по той или иной тематике. Но могут ли они нести самостоятельное информационное значение, и, следовательно, стать средством осуществления речевого преступления в сети Интернет?

В судебной практике так же не слишком много решений, где фигурируют непосредственно хештеги. Суды общей юрисдикции, исходя из рассмотренных нами решений, сталкиваются с хештегами, преимущественно, в области так называемых «экстремистских преступлений» либо дел по защите чести, достоинства и деловой репутации истца. Тем не менее, в практике сложилась определенная тенденция, согласно которой хештеги не признаются словами либо словосочетаниями, представляющими общественную опасность в отрыве от содержания публикации, в текст которой они включены. Чаще всего оценка судами хештегов сводится к следующему: «Набор слов в приведенных хештегах не имеет смысловой нагрузки, не связан между собой и не содержит в себе конкретных порочащих сведений в отношении истца» [Судебное решение 2019: 5]. Думается, указанный вопрос стоит поставить на рассмотрение вышестоящих судебных инстанций, так как отсутствие разъяснений по вопросу определения статуса хештега в отрыве от основной публикации может затруднить реализацию права на судебную защиту.

Выводы

Во-первых, нормы, регулирующие правовой статус хештегов, отсутствуют как таковые, а имеющиеся прямо указывают на правовую неопределенность регулирования декларируемых положений.

Во-вторых, отсутствие разъяснений высших судебных инстанций по анализируемому вопросу формирует отрицание в судебной практике самостоятельного значения хештега как отдельного сообщения, несущего определенную, в том числе противоправную, смысловую нагрузку.

В-третьих, в нормативно-правовой массе не предусмотрен порядок блокирования явно противоправных, в том числе террористических, хештегов, что позволяет потенциальным участникам террористических организаций обеспечить вирусное распространение своего контента в социальных сетях и быстрый доступ к нему.

Заключение

Базовой проблемой, выделенной автором, является нечеткое правовое регулирование статуса хештегов. Данное лингвистическое явление не рассматривается сегодня в самостоятельном аспекте, фигурируя в литературе в качестве инструмента быстрого поиска информации в социальных сетях. Тем не менее автором выдвигается тезис о необходимости подчеркивания в законодательстве самостоятельного статуса хештегов, так как на практике они могут выступать средством совершения речевых преступлений, таких как публичные призывы к осуществлению террористической деятельности, публичное оправдание терроризма или пропаганда терроризма.

Однако их правовое регулирование оставляет желать лучшего: во-первых, нормы нечеткие и неопределенные, во-вторых, на уровне законов и подзаконных актов не фигурирует термин «хештег», и в-третьих, ни на одном уровне не прописан порядок блокирования явно противоправных, в том числе террористических, хештегов, вследствие чего пока на практике наблюдается путаница и рассогласованность действий.

Литература

- Абазов К. М. Проблема использования современных информационно-коммуникационных технологий международными террористическими организациями / Вопросы безопасности. – 2018. – № 3. – С. 1-9.
- Абдулатипов А. М. Понятие информационного терроризма / Юридический вестник Дагестанского государственного университета. – 2019. – № 2. – С. 105-111.
- Бутусова Л. И. К вопросу о киберпреступности в международном праве / Вестник экономической безопасности. – 2016. – № 2. – С. 48-52.
- Выручаев А. А. Правовой статус Российской академии наук (современные правовые проблемы) / Известия Института государства и права РАН. – 2008. – С. 1-10.
- Лутовинова О. В. Языковая игра в интернет-коммуникации / Известия ВГПУ. – 2015. – № 2 (97). – С. 104-111.
- Мазуров В. А. Кибертерроризм: понятие, проблемы противодействия / Доклады ТУСУР. – 2010. – № 1-1 (21). – С. 41-45.
- Письмо Минобрнауки России от 31.03.2017 N VK-1065/07 О направлении методических материалов. URL: <https://sudact.ru/law/pismo-minobrnauki-rossii-ot-31032017-n-vk-106507/pismo/> (дата обращения: 09.09.2022)
- Решение Советского районного суда от 30 января 2019 г. № 2-68/2019. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/xCGGmcUBtqm4/> (дата обращения: 09.09.2022).

References

- Abazov, K. M. (2018). The problem of using modern information and communication technologies by international terrorist organizations. *Security issues*, 3, 1-9 (in Russian).
- Abdulatipov, A. M. (2019). The concept of information terrorism. *Legal Bulletin of the Dagestan State University*, 2, 105-111 (in Russian).
- Butusova, L. I. (2016). On the issue of cybercrime in international law. *Bulletin of Economic Security*, 2, 48-52 (in Russian).
- Decision of the Soviet District Court dated January 30, 2019 No. 2-68/2019. Available from: <https://sudact.ru/regular/doc/xCGGmcUBtqm4/> (date of access: 09.09.2022) (in Russian).
- Letter of the Ministry of Education and Science of Russia dated March 31, 2017 N VK-1065/07 On the direction of methodological materials. Available from: <https://sudact.ru/law/pismo-minobrnauki-rossii-ot-31032017-n-vk-106507/pismo/> (date of access: 09.09.2022) (in Russian).
- Lutovinova, O. V (2015). Language game in Internet communications. *Izvestiya VSPU*, 2 (97), 104-111 (in Russian).
- Mazurov, V. A. (2010). Cyberterrorism: Concept, Problems of Counteraction. *TUSUR Reports*, 1-1 (21), 41-45 (in Russian).
- Vyruchayev, A. A. (2008). Legal status of the Russian Academy of Sciences (modern legal problems). *Proceedings of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences*, 1-10 (in Russian).

Citation:

Стародубцева М. А. Некоторые проблемы определения правового статуса хештегирования публикаций в социальных сетях // Юрислингвистика. – 2023. – 27. – С. 27-30.

Starodubtseva M. A. (2023). Some Challenges of Defining the Legal Status of Publication Hashtagging on Social Networks. *Legal Linguistics*, 27, 27-30.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0. License

Вопросы толкования Особенной части уголовного закона

Д. В. Голенко

*Самарский национальный исследовательский университет имени академика С. П. Королева
Московское шоссе, 34, 443086, Самара, Россия. E-mail: golenko.diana@bk.ru*

В статье исследуются некоторые вопросы толкования положений Особенной части российского уголовного закона. Обозначены некоторые дискуссионные вопросы, связанные с субъектом толкования и пределами толкования уголовного закона. Автор исходит из общепринятого положения о том, что судебная власть имеет право толковать уголовный закон. В работе обращено внимание на некоторые виды толкования. Более подробно рассматриваются проблемы судебного толкования Особенной части уголовного закона. В науке предложено рассматривать два варианта толкования уголовного закона: разъяснения по конкретному делу и разъяснения, содержащиеся в постановлениях Пленума Верховного Суда РФ. Автор приходит к выводу, что решения по конкретным делам, принятые Верховным Судом РФ, чаще всего уже обозначают вариант толкования, который будет содержаться в постановлении Пленума Верховного Суда РФ. Такое толкование задает вектор понимания закона, способствует единообразию в понимании положений Особенной части уголовного закона. Названы некоторые пределы судебного толкования Особенной части уголовного законодательства. При судебном толковании положений Особенной части уголовного закона не должна изменяться конструкция состава преступления. Уголовный закон чаще всего создается на длительный период его действия. В случае существенного изменения общественных отношений законодатель должен принимать решение об изменении статьи, признании ее утратившей силу, а суд не должен истолковывать закон так, что в качестве преступного могут быть признаны деяния, которые законодатель не предусматривал в качестве таковых при создании Особенной части уголовного закона.

Ключевые слова: толкование закона, уголовный закон, Особенная часть уголовного кодекса, судебное толкование закона.

Issues of Interpretation of the Special Part of the Criminal Law

D. V. Golenko

*Samara National Research University
34 Moskovskoye shosse, 443086, Samara, Russia. E-mail: golenko.diana@bk.ru*

The article examines some issues of interpretation of the provisions of the Special Part of the Russian criminal law. Some debatable issues related to the subject of interpretation and the limits of the interpretation of the criminal law are outlined. It is indicated that the opinion about whether the judiciary can interpret the law, or only the legislator has such a right, is currently not popular. Most researchers believe that the judiciary has the right to interpret the criminal law. Attention is drawn to some types of interpretation. The issues of judicial interpretation of the Special Part of the Criminal Law are considered in more detail. Scientific works propose to consider two options for interpreting the criminal law: clarifications on a specific case and clarifications contained in the resolutions of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation. The author comes to the conclusion that the resolutions on specific cases adopted by the Supreme Court of the Russian Federation most often precede the interpretation that will be contained in the resolutions of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation, they set the vector for understanding the law, contribute to uniformity in understanding the provisions of the Special Part of the Criminal Law. Some limits of judicial interpretation of the Special Part of Criminal Law are named. In the judicial interpretation of the provisions of the Special Part of the Criminal Law the structure of the corpus delicti must not be changed. Criminal law is most often established to be valid for a long time. In the event of a significant change in social relations, it is the legislator that must decide to amend the article, recognizing it as invalid, rather than the court must define as criminal some acts which are not stipulated as such by the legislator in the Special Part of the Criminal Law.

Key words: interpretation of the law, criminal law, Special Part of the Criminal Code, judicial interpretation of the law.

Исследование основ построения Особенной части уголовного законодательства неразрывно связано с пониманием процессов дальнейшего ее применения и толкования. Любая идея может быть искажена при построении закона, но и любой идеально построенный закон может привести к совершенно иным результатам, чем те, которые рассчитывал увидеть законодатель при принятии уголовного закона. Неслучайно в науке существуют тесно связанные понятия «законодательная техника» и «интерпретационная техника (техника толкования)» [Иванчин 2011: 62]. Как справедливо отмечает А. В. Иванчин, «знание секретов законодательной техники – ключ к уяснению и объяснению уголовного закона» [Иванчин 2011: 63]. Во второй половине XX века Институтом государства и права РАН было установлено, что примерно 25 % ошибок в применении законодательства связано с неясностью, противоречивостью и неполнотой положений закона. Это особенно важно осознавать применительно к Особенной части уголовного законодательства. Уголовный закон представляет собой самый суровый закон, и его неверное понимание или применение может существенным образом повлиять на жизнь конкретного человека. Ошибки в текстуальном выражении мысли законодателя могут привести к различным последствиям при применении закона. В одних случаях – существенное необоснованное ограничение прав человека в результате неправильного понимания закона. В других – наоборот, невозможность добиться защиты нарушенного права и (или) свободы. Также возникают ситуации, когда статья, которая «задумывалась» законодателем для решения существующих проблем, на деле оказывается «мертвой», поскольку трудно понять ее содержание, или она противоречит уже имеющимся в законе статьям.

В доктрине уголовного права большинство исследователей признают классификацию в зависимости от субъекта, толкующего закон. Толкование разделяется на следующие виды: легальное, судебное, научное (доктринальное). Если закон толкует тот орган, который издал закон, то этот вид легального толкования еще называют аутентическое толкование.

Судебное толкование М. И. Ковалев подразделяет на два вида: 1) толкование, даваемое судом по конкретному делу (казуальное толкование); 2) толкование Верховного Суда в порядке руководящих разъяснений (нормативное разъяснение). Последний вид, полагает М. И. Ковалев, является разновидностью обязательного толкования [Ковалев 1974: 162]. Бесспорно, все суды, которые рассматривают уголовные дела, применяют УК РФ. Каждый из судей его толкует. Однако сохраняется важная роль разъяснений высшей судебной инстанции. Во многом это обусловлено самой системой, где решение, не соответствующее разъяснениям, будет вероятнее всего отменено или изменено. В этом вопросе важно соблюдение баланса между независимостью отдельного судьи, возможностью понимания и толкования закона, и недопущением крайности, когда каждый понимает закон так, как ему вздумается. Последнее может привести к различным правовым последствиям для лиц, совершивших одинаковые действия. Например, когда одни и те же действия одним судом квалифицируются как оконченное преступление, а другим – как неоконченное преступление. Полагаем, что разъяснения, содержащиеся в постановлениях Пленума Верховного Суда РФ, определяют вектор понимания положений Особенной части УК РФ. В этой работе рассмотрим некоторые примеры судебного толкования.

До настоящего времени нет однозначно установленных пределов толкования закона. Если мысль о том, что власть толковать уголовные законы не может принадлежать судьям, поскольку они не законодатели, в современном мире уже не столь популярна, то вопрос о допустимых пределах толкования до настоящего времени не решен. Еще М. И. Ковалев отмечал, что «любой «интерпретатор может выдавать за упомянутый «дух» («дух закона») собственный дух своекорыстия, угодничества или невежества» [Ковалев 1974: 157-158]. Он называет факторы, которые позволят этого избежать: идеальные законы, интерпретаторы, стабильная социальная среда [Ковалев 1974: 158]. И он пишет о том, что ни в одном обществе это недостижимо.

Точность понятий и формулировок, определенность используемых терминов, лаконичность и логичность уголовного закона создают условия для единообразного его понимания и толкования, применения, а это является определенной гарантией соблюдения прав и свобод человека и гражданина. Однако, как показывает законодательская практика, это идеал, который, к сожалению, не достижим. Даже в случаях употребления понятий, которые, казалось бы, не должны вызвать дискуссий, возникают ситуации различного их понимания и толкования. В качестве примера можно привести толкование момента окончания сбыта наркотических средств и других предметов, указанных в статье 228.1 УК РФ. К. осуждена по пп. «а», «б» ч. 3 ст. 228.1 УК РФ. Она вступила в сговор с Е. о незаконном сбыте наркотических средств. Е. привезла наркотические средства по адресу своего места жительства, где Е. и К. их расфасовали в меньшие по весу партии, затем 3 упаковки с наркотическими средствами они поместили в различные тайники. К. зафиксировала адреса тайников и переслала Е. эту информацию посредством информационно-телекоммуникационной сети Интернет. Е., согласно имевшейся ранее договоренности с А., сообщила ему эту информацию. А., согласно договоренностям с Е., должен был передавать эту информацию потребителям, а затем распределять прибыль, полученную в результате незаконных действий. Наркотическое средство из тайника было изъято сотрудниками правоохранительных органов. Все нижестоящие суды посчитали, что К. совершила оконченное преступление – сбыт наркотических средств. Верховный Суд РФ переqualificировал действия К. с пп. «а», «б» ч. 3 ст. 228.1 УК РФ на ч. 3 ст. 30 пп. «а», «б» ч. 3 ст. 228.1 УК РФ. Он обратил внимание, что несмотря на то, что суд обосновывал квалификацию действий К., ссылаясь на п. 13.1 постановления Пленума ВС РФ от 15.06.2006 года № 14, он не принял во внимание, что А. приобретателем наркотических средств не является. Кроме того, ВС РФ пояснил, что судом не учтены разъяснения, содержащиеся в п. 13.2 постановления Пленума ВС РФ от 15.06.2006 года № 14 [Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации 2022: 11-12]. Близкая позиция озвучена по делу в отношении М. и Я. [Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации 2022: 23-24]. Иными словами, нижестоящие суды иначе

истолковали закон, чем Верховный Суд РФ, и посчитали, что в действиях К., М. и Я. содержатся все признаки оконченного преступления – незаконный сбыт наркотических средств. Однако квалификация одних и тех же действий одними судами как оконченного преступления, а другими – как неоконченного по своей сути нарушает принципы, предусмотренные Конституцией РФ и УК РФ. При толковании статей Особенной части УК РФ суд не должен изменять конструкций составов преступлений, которые создал законодатель. Это один из пределов судебного толкования Особенной части УК РФ.

В период, когда не опубликовано так называемое официальное судебное толкование в виде положений постановления Пленума Верховного Суда РФ (или в действующее постановление не внесены изменения), наличествует толкование по конкретному делу. Например, нередко в решениях Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ в определенной степени уже озвучивается вектор, который будет определен в официальном судебном толковании, которое будет содержаться в постановлении Пленума Верховного Суда РФ. Так, например, до введения в конце июня 2021 года пункта 25.1 в постановление Пленума ВС РФ от 27 декабря 2002 года № 29, практика применения п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ складывалась с учетом разъяснений, содержащихся в решениях Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ [Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации 2021: 27].

Существует и другая проблема толкования и применения Особенной части уголовного законодательства. Так, закон может быть принят в одних политических, социальных, экономических условиях, а в силу его длительного периода действия применяется в совершенно других условиях. Возникают вопросы о том, как толковать закон: с учетом времени принятия закона или времени его применения, кто должен разъяснить эти вопросы, каковы пределы судейского усмотрения при толковании и применении Особенной части уголовного закона. Думается, что при толковании уголовного закона судебная власть не должна изменять смысл закона, даже если произошло существенное изменение общественных отношений. Уголовный закон чаще всего рассчитан на длительный период его действия. Даже за одно десятилетие в обществе могут произойти существенные изменения социальных, экономических и политических отношений. Однако судебная власть не должна изменять со временем толкование статей Особенной части уголовного закона таким образом, что то, что законодатель в момент принятия уголовного закона не рассматривал как преступное, вдруг стало толковаться в качестве такого в результате иного или расширительного толкования тех же самых статей. Если общественные отношения изменились существенно, то именно законодатель должен решить, сохранить ли статью в уголовном законе, изменить ли ее содержание путем внесения изменений в статью, признать ли ее утратившей силу. Это еще один предел судебного толкования Особенной части УК РФ.

В работе изложены некоторые дискуссионные вопросы толкования Особенной части УК РФ. Понимание пределов толкования судебной властью Особенной части УК РФ является определенной гарантией соблюдения прав и свобод человека и гражданина.

Литература

- Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2021. № 5. С. 27.
Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2022. № 7. С.11-12.
Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2022. № 8. С. 22-23.
Иванчин А. В. Законодательная техника и ее роль в российском уголовном правотворчестве. М., 2011.
Ковалев М. И. Советское уголовное право. Курс лекций. Выпуск 2. Советский уголовный закон. Свердловск, 1974.

References

- Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation (2021). 5 (in Russian).
Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation (2022). 7 (in Russian).
Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation (2022). 8 (in Russian).
Ivanchin, A. V. (2011). Legislative technique and its role in Russian criminal lawmaking. Moscow (in Russian).
Kovalev, M. I. (1974). Soviet criminal law. Lecture course. Issue 2. Soviet criminal law. Sverdlovsk (in Russian).

Citation:

Голенко Д. В. Вопросы толкования Особенной части уголовного закона // Юрислингвистика. – 2023. – 27. – С. 31-33.
Golenko D. V. (2023). Issues of Interpretation of the Special Part of the Criminal Law. Legal Linguistics, 27, 31–33.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0. License

Соотношение международных и внутригосударственных стандартов справедливого правосудия в свете выхода России из Совета Европы

Е. В. Вовк

*Российский государственный университет правосудия
пр-т Ленина, 66, 344038, Ростов-на-Дону, Россия. E-mail: vev.412@mail.ru*

Автором анализируется влияние решений Европейского Суда по правам человека на правоприменительную практику в сфере реализации права на справедливое судебное разбирательство. В статье рассмотрены последствия выхода России из Совета Европы в контексте возможности продолжения использования правовых позиций ЕСПЧ для определения критериев справедливого судебного разбирательства.

Ключевые слова: Европейский Суд по правам человека, Конституционный Суд РФ, процессуальное законодательство, справедливое судебное разбирательство, справедливость.

Correlation Between International and Domestic Standards of Fair Justice in the Light of Russia's Withdrawal from the Council of Europe

E. V. Vovk

*Russian State University of Justice
66 Lenin St., 344038, Rostov-on-Don, Russia. E-mail: vev.412@mail.ru*

The author analyzes the impact of the decisions of the European Court of Human Rights on law enforcement practice in the field of exercising the right to a fair trial. The article considers the consequences of Russia's withdrawal from the Council of Europe in the context of the possibility of continuing to use the legal positions of the ECtHR to determine the criteria for a fair trial.

Key words: European Court of Human Rights, Constitutional Court of the Russian Federation, procedural legislation, fair trial, justice.

Идея справедливости в ее юридической интерпретации так и не смогла обрести в современном отечественном правовом пространстве своего единообразного понимания. На сегодняшний день понимание идеи справедливости в юриспруденции максимально разнородно и неоднозначно. Справедливость может рассматриваться как общий принцип права, как конституционный принцип, как оригинальный принцип отдельных отраслей российского права и даже как субъективное право. Не редко в рамках одной отрасли принцип справедливости может иметь несколько оригинальных значений. Получив свое юридическое закрепление по итогам конституционной реформы 2020 года, в том числе и на уровне текста Конституции РФ, справедливость, тем не менее, не стала более понятной и ясно сформулированной идеей. Однако даже в такой ситуации полноценное осмысление принципа справедливости имеет бесспорное теоретическое и практическое значение. В частности, речь идет о процессуальных отраслях российского права. Учитывая объективные реалии быстро изменяющегося мира, а также прекращение участия Российской Федерации в различных международных договорах и соглашениях, несомненный интерес представляет анализ перспектив дальнейшего использования всего богатого теоретического и практического «материала», оставшегося после уже прекратившегося «сотрудничества» России и Совета Европы.

Отметим, что в основных международно-правовых документах в области прав человека получили свое закрепление и «справедливость» как принцип правосудия, и «право на справедливое судебное разбирательство».

В соответствии со ст. 14 Международного пакта о гражданских и политических правах каждый имеет право при рассмотрении любого уголовного обвинения, предъявляемого ему, или при определении его прав и обязанностей в каком-либо гражданском процессе на справедливое и публичное разбирательство дела компетентным, независимым и беспристрастным судом, созданным на основании закона. Свою оригинальную интерпретацию принципа справедливости в правосудии можно было наблюдать и в Конвенции о защите прав человека и основных свобод, а также сформированных на ее основе правовых позициях Европейского Суда по правам человека. Особенностью «европейской» трактовки принципа справедливости судебного разбирательства является то, что справедливость предстает в виде сложносоставного права, включающего ряд относительно самостоятельных правомочий, которые в своей совокупности и обеспечивают достижение необходимого результата в судебном производстве.

Напомним, что на протяжении долгих лет решения Европейского Суда по правам человека были обязательны для России согласно Федеральному закону от 30.03.1998 № 54-ФЗ «О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней». Соответствующей проблематике была посвящена правовая позиция Конституционного Суда РФ, который указывал на то, что решения Европейского Суда по правам человека, вынесенные по итогам соответствующей интерпретации и толкования Конвенции, «являются составной частью российской правовой системы» [Постановление Конституционного Суда РФ от 05.02.2007 № 2-П] со всеми вытекающими из этого факта последствиями. Проблеме применения судами общей юрисдикции международных договоров Российской Федерации была посвящена и правовая позиция Пленума Верховного Суда РФ «О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации» от 10.10.2003 г.

По результатам сравнительного анализа основных критериев права на справедливое судебное разбирательство (ст. 6 Конвенции) с аналогичными положениями уголовно-процессуального законодательства России можно обнаружить, что, если смотреть исключительно на формальные характеристики, все критерии справедливого судебного разбирательства получили свое закрепление в Уголовно-процессуальном кодексе РФ. Несмотря на то, что российский законодатель не стал следовать идее «все процессуальные действия должны отвечать требованию справедливости» [Малышева: 57-58], в большинстве случаев Уголовно-процессуальный кодекс РФ содержит значительно большее количество «критериев справедливого судебного разбирательства», нежели ст. 6 Конвенции. Однако, как и в случае с интерпретацией конституционного текста Конституционным Судом РФ, соответствующая интерпретация Конвенции ЕСПЧ – это относительно самодостаточный и динамично развивающийся механизм, постоянно приспособляющийся к «новым» условиям. В этой связи и сама Конвенция зачастую предстает «живым организмом», что не раз подтверждалось в правовых позициях Европейского Суда по правам человека [Гаджиев: 148].

Понимание принципов (характеристик) справедливости судебного разбирательства (приговора), сформированное на основании ст. 6 Конвенции и основанное на ее интерпретации решений ЕСПЧ, достаточно прочно вошло в отечественную правоприменительную практику и получило свою легитимацию на уровне не только обозначенных правовых позиций высших судов, но и многих других. В этой связи отметим, что сам факт прекращения «сотрудничества» с ЕСПЧ делает проблему дальнейшего использования его решений – как уже состоявшихся, так и будущих – еще более актуальной и неоднозначной в восприятии. Аналогичным образом можно характеризовать проблему использования в правоприменительной деятельности и самих правовых позиций национальных высших судов, которые отсылают нас к правовым позициям ЕСПЧ.

Тот факт, что с сентября 2022 года Россия уже не выступает в качестве «договаривающейся» стороны в соответствующем договоре, означает, что все обязательства, которые она изначально брала на себя (за исключением отдельных финансовых), на сегодняшний день ее никак не затрагивают. При этом федеральный закон о ратификации соответствующей Конвенции все еще не признан утратившим силу, а соответствующая Конвенция не денонсирована. Проект федерального закона о денонсации Конвенции был внесен в Государственную Думу Президентом РФ только в январе 2023 года. Отметим, что на сегодняшний день реакция отечественной правовой системы на выход России из Совета Европы выразилась в редакции ст. 413 Уголовно-процессуального кодекса РФ: из «оснований возобновления производства по уголовному делу ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств» было изъято такое «новое обстоятельство», как «установленное Европейским Судом по правам человека нарушение положений Конвенции» [Федеральный закон от 11.06.2022 № 180-ФЗ]. Были произведены и иные точечные изъятия упоминания о ЕСПЧ из текста Уголовно-процессуального кодекса РФ. Аналогичные точечные изменения были внесены и в другие процессуальные кодексы, а также иные федеральные законы правоохранительной направленности [Федеральный закон от 11.06.2022 № 183-ФЗ]. Одновременно в обоих законах было отмечено, что Постановления ЕСПЧ, вступившие в силу после 15 марта 2022 года, не подлежат исполнению в Российской Федерации.

В свое время ситуация отмены президиумом Верховного Суда РФ судебного решения и возобновления уголовного дела по вновь открывшимся обстоятельствам по итогам соответствующего решения, вынесенного Европейским Судом по правам человека (ст. 413 Уголовно-процессуального кодекса РФ), была достаточно распространенной практикой. Однако и здесь необходимо учитывать долгую историю постепенного «ухудшения отношений» между российской правоприменительной системой и ЕСПЧ, по итогам которой Конституционный Суд РФ официально получил «новые» полномочия (а по итогам конституционной реформы 2020 года они были закреплены и в самом тексте Конституции РФ) по защите конституционного суверенитета и обеспечению конституционной безопасности. Следует также вспомнить правовую позицию Конституционного Суда РФ (в основу которой лег целый ряд других правовых позиций) в соответствии с которой «вопрос о возможности пересмотра судебных актов по новым

обстоятельствам – в том числе ввиду установления Европейским Судом по правам человека нарушения положений ... должен разрешаться судом в каждом конкретном деле исходя из его фактических обстоятельств» [Определение Конституционного Суда РФ от 25.11.2020 № 2651-О].

Начиная с марта 2022 года по сентябрь 2022 года, Конституционный Суд РФ лишь дважды упомянул в своих решениях Европейский Суд по правам человека, тогда как сама Европейская конвенция была отмечена лишь в одном из них [Определение Конституционного Суда РФ от 31.05.2022 № 1422-О]. При этом в резолютивной части ни Суд, ни Конвенция не упоминались. Упоминание в соответствующих правовых позициях ЕСПЧ осуществлялось не в виде прямой отсылки к его решениям, а при характеристике сути обращения заявителя. При этом сами по себе принцип и идея справедливости продолжают использоваться Конституционным Судом РФ как в сфере регулирования имущественных отношений [Постановление Конституционного Суда РФ от 21.07.2022 № 34-П], или, например, трудового права [Постановление Конституционного Суда РФ от 15.07.2022 № 32-П], так и в сфере уголовного законодательства и уголовно-процессуального судопроизводства [Постановление Конституционного Суда РФ от 18.07.2022 № 33-П]. В своих «новых» правовых позициях, лишенных отсылок к правовым позициям ЕСПЧ, Конституционный Суд РФ ссылается на свои собственные позиции, в которых соответствующие отсылки присутствуют [Постановление Конституционного Суда РФ от 14.07.2011 № 16-П]. Одновременно судебная практика Верховного Суда РФ, как и раньше, демонстрирует активное обращение к правовым позициям ЕСПЧ, в том числе в контексте права на справедливое разбирательство дела в суде [Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 18.05.2022 № 5-УДП22-30-К2].

В этой связи обратим внимание на важное обстоятельство. Тот факт, что Россия и Совет Европы, в частности ЕСПЧ, прекратили свое «сотрудничество», еще не означает, что проблема использования правовых позиций ЕСПЧ в части характеристик справедливого судебного разбирательства разом потеряла свою актуальность. Все еще неясно, необходимо ли рассматривать решения ЕСПЧ, принятые до окончательного «разрыва отношений», возможными для использования в отечественной правоприменительной практике (аналогичные соображения имеют место и в отношении будущих правовых позиций ЕСПЧ, напрямую не касающихся Российской Федерации). Также необходимо прояснить ситуацию и в отношении правовых позиций высших судов, которые активно использовали решения ЕСПЧ в своей интерпретационной и разъяснительной деятельности.

В заключение подведем некоторые итоги. Выход России из Совета Европы, как и ожидаемая денонсация Конвенции о защите прав человека и основных свобод, ставит современную отечественную систему правосудия перед необходимостью поиска и выработки принципиально новых подходов к пониманию места и роли правовых позиций ЕСПЧ и возможности их использования в правоприменительной практике. Ситуация осложняется тем, что в отечественной правоприменительной практике, наряду с собственным оригинальным пониманием принципа справедливости в отдельных, в частности процессуальных, отраслях российского права, сформировалось и, по сути, «заимствованное» из Конвенции (ст. 6) понимание «справедливого судебного разбирательства». Анализ соответствующих критериев (характеристик) справедливого судебного разбирательства показывает, что с формальной точки зрения все они нашли соответствующее закрепление в Уголовно-процессуальном кодексе РФ и частично в Конституции РФ. Однако в процессе интерпретации нормативных установлений Конвенции о защите прав человека и основных свобод ЕСПЧ существенным образом расширял, уточнял и конкретизировал критерии справедливого судебного разбирательства, значительно обогащая принцип справедливого судебного разбирательства в его оригинальной «европейской трактовке», но уже на уровне российского процессуального законодательства.

В свою очередь формирование специального конституционно-правового механизма в сфере защиты конституционного суверенитета и обеспечения конституционной безопасности, выразившееся в конечном итоге в оформлении на уровне Основного Закона страны «новых» полномочий Конституционного Суда РФ (по итогам конституционной реформы 2020 года), символизировало не отказ от выполнения обязательств, взятых на себя по итогам ратификации Конвенции, а объективные разночтения в их интерпретации в контексте толкования Конституции РФ Конституционным Судом РФ. В этой связи созрела актуальная необходимость в разработке федерального закона о правилах и порядке использования бывших и будущих решений ЕСПЧ в правоприменительной практике, а также о возможности или невозможности использования правовых позиций высших судов, основанных на решениях ЕСПЧ или использующих их в качестве средств дополнительной аргументации принятых решений. Альтернативным вариантом может стать подробное разъяснение соответствующего алгоритма действий на уровне правовой позиции Конституционного Суда РФ.

Литература

Гаджиев Х. И. Влияние правовой аргументации на эффективность международного и национального правосудия / Журнал российского права. - 2021. - № 6. - С. 148-161.

Мальшева Ю. В. Право на справедливое судебное разбирательство в практике Европейского суда по правам человека / Российский судья. - 2016. - № 8. - С. 57-58.

Определение Конституционного Суда РФ от 25.11.2020 № 2651-О / СПС КонсультантПлюс.

Определение Конституционного Суда РФ от 31.05.2022 № 1422-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Юрина Сергея Павловича на нарушение его конституционных прав частью второй статьи 10 и

частью третьей статьи 255 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» / СПС КонсультантПлюс; Определение Конституционного Суда РФ от 28.04.2022 № 862-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Дорохина Виктора Александровича на нарушение его конституционных прав рядом положений Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» / СПС КонсультантПлюс.

Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 18.05.2022 № 5-УДП22-30-К2 / СПС КонсультантПлюс.

Постановление Конституционного Суда РФ от 05.02.2007 № 2-П «По делу о проверке конституционности положений статей 16, 20, 112, 336, 376, 377, 380, 381, 382, 383, 387, 388 и 389 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом Кабинета Министров Республики Татарстан, жалобами открытых акционерных обществ "Нижнекамскнефтехим" и "Хакасэнерго", а также жалобами ряда граждан» / Собрание законодательства РФ. 12.02.2007. № 7. Ст. 932.

Постановление Конституционного Суда РФ от 14.07.2011 № 16-П «По делу о проверке конституционности положений пункта 4 части первой статьи 24 и пункта 1 статьи 254 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан С. И. Александрина и Ю. Ф. Ващенко» / Собрание законодательства РФ. 25.07.2011 № N 30 (2). Ст. 4698.

Постановление Конституционного Суда РФ от 15.07.2022 № 32-П «По делу о проверке конституционности частей первой и восьмой статьи 332 Трудового кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина А. А. Подакова» / СПС КонсультантПлюс.

Постановление Конституционного Суда РФ от 18.07.2022 № 33-П «По делу о проверке конституционности части второй статьи 27 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и пункта «в» части первой статьи 78 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина В. А. Рудникова» / СПС КонсультантПлюс.

Постановление Конституционного Суда РФ от 21.07.2022 № 34-П «По делу о проверке конституционности частей 14 и 17 статьи 16 Федерального закона «О внесении изменений в Федеральный закон «Об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации» и отдельные законодательные акты Российской Федерации», подпунктов 3 и 3.1 пункта 1 статьи 201.1, пункта 5 статьи 201.10, абзаца второго пункта 2 статьи 201.15, подпункта 1 пункта 8 статьи 201.15-1, пункта 11 статьи 201.15-2 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» в связи с запросом Верховного Суда Российской Федерации и жалобой гражданки А. Н. Шалимовой» / СПС КонсультантПлюс.

Постановление Пленума Верховного Суда РФ «О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации» от 10.10.2003 г. / Российская газета. № 244. 02.12.2003.

Федеральный закон от 11.06.2022 № 180-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» / Собрание законодательства РФ. 13.06.2022. № 24. Ст. 3940.

Федеральный закон от 11.06.2022 № 183-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации» / Собрание законодательства РФ. 13.06.2022. № 24. Ст. 3943,

Федеральный закон от 30.03.1998 № 54-ФЗ «О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней» / Собрание законодательства РФ. 06.04.1998. № 14. Ст. 1514.

References

Decree of the Constitutional Court of the Russian Federation of 05.02.2007 No. 2-P "On the case of checking the constitutionality of the provisions of Articles 16, 20, 112, 336, 376, 377, 380, 381, 382, 383, 387, 388 and 389 of the Civil Procedure Code of the Russian Federation in connection with the request of the Cabinet of Ministers of the Republic of Tatarstan, the complaints of the open joint-stock companies Nizhnekamskneftekhim and Khakasenergo, as well as the complaints of a number of citizens". Collected Legislation of the Russian Federation. 02/12/2007. No. 7. Art. 932.

Decree of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation "On the application by courts of general jurisdiction of generally recognized principles and norms of international law and international treaties of the Russian Federation" dated 10.10.2003. Rossiyskaya Gazeta. No. 244. 02.12.2003.

Determination of the Constitutional Court of the Russian Federation of November 25, 2020 No. 2651-O. ATP ConsultantPlus.

Determination of the Constitutional Court of the Russian Federation of May 31, 2022 No. 1422-O "On the refusal to accept for consideration the complaint of citizen Yurin Sergey Pavlovich about the violation of his constitutional rights by part two of Article 10 and part three of Article 255 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation". ATP Consultant Plus; Determination of the Constitutional Court of the Russian Federation of April 28, 2022 No. 862-O "On the refusal to accept for consideration the complaint of citizen Dorokhin Viktor Aleksandrovich about the violation of his constitutional rights by a number of provisions of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation". SPS ConsultantPlus.

Determination of the Judicial Collegium for Criminal Cases of the Supreme Court of the Russian Federation dated May 18, 2022 No. 5-UDP22-30-K2. ATP ConsultantPlus.

Federal Law of June 11, 2022 No. 180-FZ "On Amendments to the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation," Collection of Legislation of the Russian Federation. 06/13/2022. No. 24. Art. 3940.

Federal Law of June 11, 2022 No. 183-FZ "On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation and Recognition as Invalid of Certain Provisions of Legislative Acts of the Russian Federation". Collected Legislation of the Russian Federation. 06/13/2022. No. 24. Art. 3943,

Federal Law of March 30, 1998 No. 54-FZ "On the Ratification of the Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms and its Protocols". Collected Legislation of the Russian Federation. 04/06/1998. No. 14. Art. 1514. Gadzhiev, H. I. (2021). Influence of legal argumentation on the effectiveness of international and national justice. Journal of Russian Law, 6, 148-161.

Malysheva, Yu. V. (2016). The right to a fair trial in the practice of the European Court of Human Rights. Russian judge, 8, 57-58.

Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of July 14, 2011 No. 16-P "On the case of checking the constitutionality of the provisions of paragraph 4 of the first part of Article 24 and paragraph 1 of Article 254 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation in connection with complaints from citizens S. I. Alexandrina and Yu. F. Vashchenko". Collection of Legislation of the Russian Federation. 07/25/2011 No. N 30 (2). Art. 4698.

Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of July 15, 2022 No. 32-P "On the case of checking the constitutionality of parts one and eight of Article 332 of the Labor Code of the Russian Federation in connection with the complaint of citizen A. A. Podakova. SPS ConsultantPlus.

Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of July 18, 2022 No. 33-P "On the case of checking the constitutionality of part two of Article 27 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation and paragraph "c" of part one of Article 78 of the Criminal Code of the Russian Federation in connection with the complaint of citizen V. A. Rudnikova. SPS ConsultantPlus.

Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of July 21, 2022 No. 34-P "On the case of checking the constitutionality of parts 14 and 17 of Article 16 of the Federal Law "On Amending the Federal Law "On Participation in Shared Construction of Apartment Buildings and Other Real Estate and on Making amendments to certain legislative acts of the Russian Federation" and certain legislative acts of the Russian Federation", subparagraphs 3 and 3.1 of paragraph 1 of Article 201.1, paragraph 5 of Article 201.10, paragraph two of paragraph 2 of Article 201.15, subparagraph 1 of paragraph 8 of Article 201.15-1, paragraph 11 of Article 201.15 -2 of the Federal Law "On Insolvency (Bankruptcy)" in connection with the request of the Supreme Court of the Russian Federation and the complaint of citizen A. N. Shalimova". SPS ConsultantPlus.

Citation:

Вовк Е. В. Соотношение международных и внутригосударственных стандартов справедливого правосудия в свете выхода России из Совета Европы // Юрислингвистика. – 2023. – 27. – С. 34-38.

Vovk E. V. (2023). Correlation Between International and Domestic Standards of Fair Justice in the Light of Russia's Withdrawal from the Council of Europe. Legal Linguistics, 27, 34–38.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0. License

Сущность концепции гарантированного обеспечения надлежащего исполнения обязанностей участников уголовного судопроизводства

Е. Н. Петухов

*Алтайский государственный университет
пр. Ленина, 61, 656049, Барнаул, Россия. E-mail: petuchove@mail.ru*

В статье рассматривается проблема исполнения обязанностей участников уголовного судопроизводства. Устанавливаются средства, обеспечивающие надлежащее их исполнение. Раскрываются существующие в правовых науках теоретические знания о понятии правовых обязанностей, о гарантиях (средствах) обеспечения их исполнения, о системе данных средств, объединяющихся в правовой механизм обеспечения. Определяется элементарное содержание теоретической концепции обеспечения надлежащего исполнения уголовно-процессуальных обязанностей и формулируется ее сущностное понятие. Раскрываются элементы, составляющие ее основу и обосновывается ее значение для эффективного решения задач уголовного судопроизводства.

Ключевые слова: уголовный процесс, обязанности участников, концепция, гарантии, средства.

The Essence of the Concept of Guaranteed Securing of Proper Performance of Duties of Participants in Criminal Proceedings

E. N. Petukhov

*Altai State University
61 Lenin St., 656049, Barnaul, Russia. E-mail: petuchove@mail.ru*

The article deals with the problem of fulfilling the duties of participants in criminal proceedings. It identifies means to ensure their proper execution. The concepts of legal obligations, guarantees (means) of ensuring their fulfillment, the system of these means combined into a legal mechanism of provision are discussed relying on the theoretical knowledge existing in the legal sciences. The elementary content of the theoretical concept of ensuring the proper execution of criminal procedural duties is determined and its essential concept is formulated. The elements that make up its basis are revealed and its importance for the effective solution of the tasks of criminal proceedings is substantiated.

Key words: criminal procedure, duties of participants, concept, guarantees, means.

Основываясь на общепринятом в науке значении термина «концепция», будем использовать его при определении сущности концепции гарантированного обеспечения надлежащего исполнения обязанностей участников уголовного судопроизводства не только как определенный способ понимания исследуемой проблемы, но и как систему теоретических идей, мнений для того, чтобы на их основе сформулировать и предложить новый подход (новую систему теоретических знаний) для решения существующей проблемы исполнения обязанностей участников уголовного судопроизводства.

Исходя из этой позиции, концепция гарантированного обеспечения надлежащего исполнения обязанностей участников уголовного судопроизводства должна представлять собой систему теоретических идей о входящих в ее содержание правовых явлениях, их роли и значении в решении научной задачи – создании эффективного ресурса обеспечения надлежащего исполнения обязанностей участников уголовного судопроизводства.

Изучение теоретических источников показывает, что разработкой этих правовых явлений занимался и занимается сравнительно узкий круг ученых как общей теории права, так и отраслевых наук. При этом различные их ракурсы затрагиваются в основном не напрямую, а при рассмотрении таких проблем, как правовой статус личности, ее права и интересы, ответственность, обеспечение законности, гарантии и др.

Так, разрабатывая в праве проблему гарантий и подразумевая под ними установленную законом систему средств обеспечения различных правовых институтов и категорий, ряд известных ученых-правоведов различных отраслей права во главе с Н. Г. Александровым на протяжении более сорока лет второй половины 20 столетия совершенно справедливо обосновывали позицию о необходимости выделения не только гарантий прав и свобод личности, но и гарантий обязанностей [Александров 2005: 271]. В частности, В. М. Корнуков применительно к проблеме обеспечения исполнения уголовно-процессуальных обязанностей того времени считал, что «Социалистическое государство заинтересовано не только в соблюдении прав и законных интересов его граждан, но и в выполнении ими своих обязанностей, поэтому оно предусматривает средства, обеспечивающие как охрану, защиту и возможность реализации прав личности, так и выполнение возложенных на нее обязанностей. Это положение свойственно для всех отраслей права, а особенно для уголовно-процессуального, так как выполнение обязанностей участниками уголовного процесса является необходимым условием осуществления деятельности по расследованию преступлений, рассмотрению и разрешению уголовных дел в суде» [Корнуков 1977: 43-50]. Потребность в названных средствах, на наш взгляд, не только не потеряла своей актуальности, а еще более обострилась и стала безусловной необходимостью в условиях современной тотальной недисциплинированности участников уголовного судопроизводства из-за общего низкого уровня правосознания в российском обществе. Воспитательные ресурсы государства, направленные на формирование у человека и гражданина ответственного отношения к соблюдению законности, к добросовестному выполнению возложенных на личность трудовых, общественных обязательств, к выполнению гражданского и служебного долга этой личностью, находятся в плачевном состоянии и, как следствие, практически каждый отдельно взятый человек в России не нацелен на сотрудничество с государственными органами в деле обеспечения правопорядка, в том числе и ресурсами уголовного процесса.

В качестве основных средств-гарантий, обеспечивающих выполнение обязанностей участников уголовного судопроизводства, в специальной юридической литературе называются: уголовная ответственность, уголовно-процессуальная ответственность, ряд мер уголовно-процессуального принуждения (принудительный привод, денежное взыскание), а также наступление неблагоприятных последствий (обращение залога в доход государства, удаление из зала судебного заседания) [Корнуков 1977: 43-50].

Существование и потребность формирования системы таких гарантирующих средств поддержали ученые-юристы и в XXI веке, продолжая совершенствование системы обеспечительных средств в ходе проведения своих исследований, направленных на разрешение проблем обеспечения надлежащего исполнения юридических обязанностей разной отраслевой принадлежности.

В науке конституционного права отметим работу М. А. Юнусова [Юнусов 2006: 177], в науке международного права Н. С. Симонова провела докторское исследование проблемы обеспечения выполнения обязательств по международным договорам и разработала теоретическую модель механизма обеспечения надлежащего исполнения данных обязательств [Симонова 2016: 445]. В науке гражданского права А. А. Провальский провел кандидатское исследование проблемы механизма возникновения и реализации гражданско-правовых обязанностей. В данной работе согласно предмету нашего исследования интересна сформированная теоретическая модель механизма обеспечения гражданско-правовых обязанностей, которая автором включается в качестве подсистемы механизма реализации гражданско-правовых обязанностей [Провальский 2007: 168]. М. Е. Верстова как представитель научной специальности, которая объединяет административное, финансовое и информационное право, провела докторское исследование и разработала концептуальные основы обеспечения налоговыми и правоохранительными органами исполнения налогоплательщиками своих обязанностей [Верстова 2008: 559].

Безусловно, представители науки уголовного процесса современной России тоже не остались в стороне от исследования проблемы обеспечения надлежащего исполнения своих отраслевых обязанностей (уголовно-процессуальных обязанностей) и внесли свою значительную лепту в процесс формирования концепции гарантированного обеспечения надлежащего их исполнения.

Из результатов анализа их работ установлено, что рассматриваемая нами концепция в науке уголовного процесса входит своим содержанием в концепцию обеспечения надлежащего исполнения, применения и соблюдения уголовно-процессуального законодательства в части обеспечения надлежащего исполнения одного его регулятора отношений – обязанностей. О ее фактическом формировании и значимости в науке уголовного процесса свидетельствует фундаментальный труд известных и авторитетных ученых-процессуалистов «Эффективность правосудия и проблема устранения судебных ошибок», созданный по результатам исследования проблемы гарантированного обеспечения обязанности осуществления правосудия по уголовным делам [Кудрявцев 1975: 298]. Авторами названного труда сконструирована элементарная структурная модель гарантий советского правосудия. В структуру модели, которую можно признать и в настоящее время актуальной, авторы обоснованно включили три уровня гарантий: правового (объективного), субъективного и социально-экономического характера.

Особого внимания в науке уголовного процесса удостоились правовые гарантии. Так, возлагая на участников уголовного судопроизводства обязанности, как пишут авторы «Курса советского уголовного процесса», государство надеется, что данные обязанности будут добросовестно исполняться благодаря развитому чувству гражданского и профессионального долга, правовой активности участников уголовного судопроизводства [Бойко 1989: 640]. При этом необходимо отметить, что одной из первых работ о гарантиях в уголовно-процессуальном праве был фундаментальный труд П. С. Элькинд «Цели и средства их достижения в советском уголовно-процессуальном праве» [Элькинд 1976: 143].

Результаты изучения вышеназванных источников специальной юридической литературы и многих изученных нами других, также связанных с вопросами исследуемой темы, позволяют, к сожалению, констатировать, что в рамках

юридической науки в целом и в частности в науке уголовного процесса нет комплексной теории знаний о правовых явлениях, входящих в рассматриваемую концепцию.

Безусловно, отдадим должное всем исследователям, которые, как нами установлено, несомненно внесли определенный вклад в процесс накопления знаний, раскрывающих отдельные аспекты отечественной концепции гарантированного обеспечения обязанностей участников уголовного судопроизводства. В частности, в теории науки уголовного процесса сформировались по предмету исследования такие важные теоретические знания: о сущности, содержании, видах и назначении обязанностей, возлагаемых законодателем на участников уголовного судопроизводства как на объекты обеспечения; о важной роли данного обеспечения в решении задач и достижении цели уголовного судопроизводства; о средствах правового и неправового характера, выступающих в уголовном процессе в качестве гарантий исполнения уголовно-процессуальных обязанностей; об обосновании необходимости существования в сфере уголовного судопроизводства механизма обеспечения исполнения отдельных уголовно-процессуальных обязанностей и его значении для реализации личных и публичных интересов при производстве уголовного дела. Однако, как мы видим, проблема обеспечения надлежащего исполнения обязанностей участников уголовного судопроизводства в теории науки уголовного процесса не нашла своего полного адекватного разрешения.

Учитывая изложенное, с целью формирования полной системы теоретических знаний о предмете исследования и их эффективного применения в ходе реализации уголовного судопроизводства, на основе накопленного правоприменительного опыта определим сущность теоретической концепции гарантированного обеспечения надлежащего исполнения обязанностей участников уголовного судопроизводства.

Раскрывая содержание предлагаемой нами концепции, как и любой другой концепции, формируемой в науке уголовного процесса, будем руководствоваться консервативным подходом и включим в него следующие традиционные компоненты: теоретические положения об объекте концепции; содержании ее отдельных элементов; месте в системе научного знания; значении для теории и практики органов предварительного расследования, прокурора и суда; задачах дальнейшего научного исследования [Григорьев 1993: 565].

Таким образом, исходя из предложенного содержания, главным элементом теоретической концепции гарантированного обеспечения надлежащего исполнения обязанностей участников уголовного судопроизводства становятся теоретические основы уголовно-процессуальных обязанностей, которые выступают в исследуемой концепции как объекты обеспечения (объективный элемент).

В качестве следующего важного элемента теоретической концепции гарантированного обеспечения надлежащего исполнения уголовно-процессуальных обязанностей предлагается в нее включить закономерности уголовно-процессуальной деятельности должностных лиц и органов государства в качестве субъективного компонента.

Также основным элементом теоретической концепции гарантированного обеспечения надлежащего исполнения уголовно-процессуальных обязанностей должны являться средства гарантирующего характера обеспечения, выступающие в ней инструментальным компонентом.

Безусловно, в качестве следующего элемента теоретической концепции гарантированного обеспечения надлежащего исполнения уголовно-процессуальных обязанностей должны являться особенности реализации механизма обеспечения надлежащего исполнения отдельных видов уголовно-процессуальных обязанностей как способа организации, посредством которого вышеназванные элементы объединяются в целостную систему и эффективно функционируют, создавая участникам уголовного процесса необходимые условия для надлежащего исполнения возложенных на них законодателем указанных обязанностей.

Данный элемент в разрабатываемой нами концепции важен, так как любая разработанная наукой теоретическая концепция должна на пути к внедрению в практику пройти верификацию. Для этого составляющая основу концепции гарантированного обеспечения надлежащего исполнения обязанностей участников уголовного судопроизводства теоретическая модель механизма обеспечения должна быть подвергнута исследованию на предмет выработки критериев определения эффективности ее функционирования. Должно быть установлено наличие у нее свойства самодостаточности. Проведение научных исследований по вопросу, связанному с особенностями реализации механизма обеспечения надлежащего исполнения отдельных видов обязанностей участников уголовного судопроизводства также обуславливается необходимостью получения теоретического обоснования разработки стандартов уголовно-процессуальной деятельности властных субъектов, а также должного поведения иных лиц, вовлеченных в данную правовую сферу, которые являются предпосылкой предупреждения неправомерного поведения всех участников уголовного судопроизводства.

В качестве последнего элемента теоретической концепции гарантированного обеспечения надлежащего исполнения обязанностей участников уголовного судопроизводства нами предлагаются тенденции, направленные на совершенствование механизма обеспечения в условиях современного уровня правотворчества и действующего уголовно-процессуального законодательства, толкования права высшими судебными инстанциями государства, достижений цифровых технологий в стране и возможностей их внедрения в правовую сферу, существующих стимулирующих средств должного поведения и правосознания у участников уголовного судопроизводства.

Необходимость включения данного элемента в концепцию обусловлена потребностью установления потенциальных возможностей совершенствования инструментального компонента (средств) механизма обеспечения. При этом пределы поиска таких средств должны основываться на понимании того, что положительное влияние на процесс обеспечения надлежащего исполнения обязанностей участников уголовного судопроизводства оказывает отнюдь не вся система социальных средств общественной жизни, поэтому, на основе

имеющихся в юридической науке теоретических разработок [Малько 1995: 362; Сорокин 2015: 356; Колесник 2020: 144; Петухов 2021: 86-93], следует подвергать научному исследованию на предмет отбора лишь отдельные элементы правовых, экономических, духовно-нравственных, организационно-технических и иных социальных институтов.

Таким образом, на основе изложенного можно сформулировать понятие искомой теоретической концепции – это объединенные одним объектом идеи и научные положения: о теоретических основах обязанностей участников уголовного судопроизводства, которые выступают в механизме как объекты обеспечения; о закономерностях уголовно-процессуальной деятельности должностных лиц и органов государства в ходе реализации механизма обеспечения; о сущности и видах средств гарантирующего характера обеспечения, выступающих в механизме обеспечения инструментальным компонентом; об особенностях реализации механизма обеспечения надлежащего исполнения отдельных видов уголовно-процессуальных обязанностей и тенденциях, направленных на совершенствование механизма обеспечения в условиях современного уровня правотворчества и действующего уголовно-процессуального законодательства, толкования права высшими судебными инстанциями государства, достижений цифровых технологий в стране и возможностей их внедрения в правовую сферу, существующих стимулирующих средств должного поведения и правосознания у участников уголовного судопроизводства, образующие в совокупности целостную теоретическую систему, которая представляет собой самостоятельную концепцию гарантированного обеспечения надлежащего исполнения обязанностей участников уголовного судопроизводства.

Литература

- Александров Н. Г.* Право и законность в период развернутого строительства коммунизма. М., 1961.
- Верстова М. Е.* Концептуальные основы обеспечения налоговыми и правоохранительными органами исполнения налогоплательщиками своих обязанностей: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2008.
- Григорьев В. Н.* Расследование преступлений в чрезвычайных условиях (правовое обеспечение, организация, методика): дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1993.
- Колесник В. В.* Концепция стимулирования участников уголовного процесса к сотрудничеству с органами предварительного расследования и судом: теоретические основы: монография. М., 2020.
- Корнуков В. М.* Правовые средства, обеспечивающие выполнение обязанностей участниками уголовного процесса / Вопросы уголовного процесса. Межвузовский научный сборник. Саратов, 1977, Вып. 1. – С. 43-50.
- Курс советского уголовного процесса / Под ред. А. Д. Бойкова и И. И. Карпеца. М., 1989.
- Малько А. В.* Стимулы и ограничения в праве (теоретико-информационный аспект): дис. ... д-ра юрид. наук. Саратов, 1995.
- Петухов Е. Н.* Цифровые технологии как средства обеспечения надлежащего исполнения уголовно-процессуальных обязанностей / Актуальные вопросы производства криминалистических экспертиз и оценки результатов судебно-экспертной деятельности: материалы Всероссийской (национальной) научно-практической конференции (01 апреля 2021 года, г. Красноярск) / Краснояр. гос. аграр. ун-т. Красноярск, 2021. – С. 86-93.
- Провальский А. А.* Механизм возникновения и реализации гражданско-правовых обязанностей: дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2007.
- Симонова Н. С.* Институциональный механизм обеспечения выполнения обязательств по международным договорам: дис. ... д-ра юрид. наук. Москва, 2016 г.
- Сорокин В. В.* Правовая психология: вопросы общей теории права: монография. Барнаул, 2015.
- Элькинд П. С.* Цели и средства их достижения в советском уголовно-процессуальном праве. Ленинград, 1976.
- Эффективность правосудия и проблема устранения судебных ошибок / Отв. ред. В. Н. Кудрявцев. М., 1975. – Ч. 1.
- Юнусов М. А.* Реализация человеком и гражданином в Российской Федерации конституционных обязанностей как важнейшее условие законности (теоретико-правовое исследование): дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2006.

References

- Alexandrov, N. G. (1961). Law and legality in the period of extensive construction of communism. Moscow (in Russian).
- Elkind, P. S. (1976). Goals and means of achieving them in the Soviet criminal procedure law. Leningrad (in Russian).
- Grigoriev, V. N. (1993) Investigation of crimes in emergency conditions (legal support, organization, methodology): dis. ... dr. jurid. sciences. Moscow (in Russian).
- Kolesnik, V. V. (2020). The concept of stimulating participants in criminal proceedings to cooperate with the preliminary investigation bodies and the court: theoretical foundations: monograph. Moscow (in Russian).
- Kornukov, V. M. (1977). Legal means ensuring the fulfillment of obligations by participants in the criminal process / Questions of the criminal process. Interuniversity scientific collection. Saratov, 1, 43-50 (in Russian).
- Malko, A. V. (1995). Incentives and restrictions in law (theoretical and informational aspect): dis. ... dr. jurid. sciences. Saratov (in Russian).
- Petukhov, E. N. (2021). Digital technologies as a means of ensuring the proper execution of criminal procedural duties / Actual issues of the production of forensic examinations and evaluation of the results of forensic activities: materials of the All-Russian (national) scientific and practical conference (April 01, 2021, Krasnoyarsk) / Krasnoyar. gos. agrar. un.

-
- Krasnoyarsk, 86-93 (in Russian).
- Provalsky, A. A. (2007). The mechanism of the emergence and implementation of civil obligations: dis. ... cand. jurid. sciences. Moscow (in Russian).
- Simonova, N. S. (2016). Institutional mechanism for ensuring the fulfillment of obligations under international treaties: dis. ... dr. jurid. sciences. Moscow (in Russian).
- Sorokin, V. V. (2015). Legal psychology: questions of the general theory of law: monograph. Barnaul (in Russian).
- The course of the Soviet criminal process (1989). Edited by A. D. Boikov and I. I. Karpets. Moscow (in Russian).
- The effectiveness of justice and the problem of eliminating judicial errors (1975). Manag. ed. V. N. Kudryavtsev. Moscow, Part 1 (in Russian).
- Verstova, M. E. (2008)/ Conceptual foundations of ensuring that tax and law enforcement agencies perform their duties by taxpayers: dis. ... dr. jurid. sciences. Moscow (in Russian).
- Yunusov, M. A. (2006). The realization of constitutional duties by a person and a citizen in the Russian Federation as the most important condition of legality (theoretical and legal research): dis. ... cand. jurid. sciences. Chelyabinsk (in Russian).
-

Citation:

Петухов Е. Н. Сущность концепции гарантированного обеспечения надлежащего исполнения обязанностей участников уголовного судопроизводства // Юрислингвистика. – 2023. – 27. – С. 39-43.

Petukhov E. N. (2023). The Essence of the Concept of Guaranteed Securing of Proper Performance of Duties of Participants in Criminal Proceedings. *Legal Linguistics*, 27, 39–43.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0. License

Семантическая диффузия юридических и околоюридических терминов как практическая и исследовательская проблема

Н. Д. Голев¹, А. В. Иркова²

Кемеровский государственный университет

ул. Красная, 6, 650000, Кемерово, Россия. E-mail: ¹ngolevd@mail, ²a.irkova@mail.ru

Изучена семантическая диффузия лексики права как фактор множественности толкований. Рассмотрены тексты федерального и регионального уровней в сфере экологии и туризма при помощи цифровых методов (реверсивный перевод на английский и китайский языки; программа для сравнения текстов на схожесть). Показаны несовпадающие зоны, эквиваленты, синонимы. Установлена взаимосвязь степени сложности и процентного сходства оригинала и обратного машинного перевода.

Ключевые слова: двузначность слов, обратный машинный перевод, юрислингвистика, социальная напряженность в Кузбассе.

Semantic Diffusion of Legal and Near-Legal Terms as a Practical and Research Problem

N. D. Golev¹, A. V. Irkova²

Kemerovo State University

6 Krasnaya str., 650000, Kemerovo, Russia. E-mail: ¹ngolevd@mail.ru, ²a.irkova@mail.ru

The semantic diffusion of the lexicon of law as a factor of the multiplicity of their interpretations is studied. The texts of the federal and regional levels in the field of ecology and tourism are considered using digital methods (reverse translation into English and Chinese; a program for comparing texts for similarity). The dissimilarity zones, equivalents, synonyms are shown. The relationship between the degree of complexity and the percentage of similarity of the original and the reverse machine translation is established.

Key words: ambiguity of words, reverse machine translation, legal linguistics, social tension in Kuzbass.

Введение

В рамках современной научной парадигмы целенаправленного исследования русского языка в условиях правовой регламентации речи, судебной лингвистической экспертизы обращение к лексике юридических текстов с «текучей» семантикой приобретает особую значимость [Власова 2014; Неустроев 2018]. Актуальность настоящего исследования определена интересом широкой общественности к феномену семантической двойственности слов в нормативных правовых актах; потребностью в разработке новых методов анализа неопределенной семантики неполностью юридизированных лексем; запросом на эффективное понимание текстов права. В связи с этим в качестве предмета изучения выступает смысловая неопределенность юридической лексики в зеркале обратного машинного перевода [Голев 2018].

В настоящее время, как отмечают Ю. С. Путрик и его коллеги, в научных кругах рождаются многообразные споры по поводу терминов сферы туризма [Путрик и др. 2006]. В последние годы эта терминологическая система рассматривается как минимум с трех позиций: в русле когнитивного [Мошняга 2008], формально-структурного [Белан 2007], дискурсивного подходов [Карбина 2020]. Причиной семантической диффузии лексики является в том числе неполная юридизация слов общенародного языка [Голев, Иркова 2022]. Общеизвестно, что традиционные способы анализа семантики неопределенных терминов устаревают. В этом плане разработка нового инструментария связана с привлечением цифровых технологий. На сегодняшний день одними из таких перспективных технологий, связанных

с областью искусственного интеллекта, являются машинный и реверсивный переводы. Сравнение и анализ оригинальных текстов и вариантов, безусловно, часто служат важной частью базовых и профессиональных исследований разных языков в разных языковых культурах [Чарычанская 2003].

Целью нашей работы является установление закономерностей синхронной неопределённости лексики права с использованием технологий обратного машинного перевода и сравнения текстов на сходство.

Материал и методы

В рамках данной работы были использованы следующие методы исследования: семасиологический анализ, обратный машинный перевод [Google Translate], сопоставление двух текстов на схожесть (онлайн) [https://ciox.ru]. Материалом настоящего исследования послужили, во-первых, предтермины в сфере экологии и туризма, наполняющие юридические тексты Федерального закона № 132-ФЗ «Об основах туристской деятельности в Российской Федерации» (от 24.11.1996, последняя редакция) [www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_12462]; законопроекта № 970499-7 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части развития экологического туризма» [https://sozd.duma.gov.ru/bill/970499-7#bh_note]; закона № 5-ОЗ Кемеровской области – Кузбасса «О туристской деятельности» (от 06.02.2009) [https://docs.cntd.ru/document/990308729]. Во-вторых – переводы текстов и терминов с помощью ОМП.

Обсуждение основных результатов исследования

Результатом данного исследования стала корреляция данных ОМП с разной степенью юридизации лексем. В качестве конкретного примера ограничимся рассмотрением регионального закона № 5-ОЗ Кемеровской области – Кузбасса «О туристской деятельности» (от 06.02.2009), табл. 1.

Таблица 1

Статья 1. «Основные понятия...» Регионального закона № 5-ОЗ Кемеровской области – Кузбасса «О туристской деятельности» через «двойное» зеркало обратного машинного перевода

Оригинальный текст (русский язык)	Реверсивный перевод (китайский язык)	Реверсивный перевод (английский язык)
<p>Статья 1. Основные понятия, используемые в настоящем Законе.</p> <p>Экологический туризм – путешествия, ориентированные на углубленное ознакомление с природными ценностями территории Кемеровской области и создающие экономическую заинтересованность туристов и населения, проживающего на туристских территориях Кемеровской области, в сохранении природы.</p>	<p>Статья 1. Основные понятия, используемые в настоящем законе.</p> <p>Экотуризм – направленность поездки на углубленное ознакомление с природными ценностями Кемеровской области и создание экономических выгод в сфере охраны природы для туристов и жителей туристических зон Кемеровской области.</p>	<p>Статья 1. Основные понятия, используемые в настоящем Законе.</p> <p>Экологический туризм – поездки, направленные на углубленное ознакомление с природными ценностями территории Кемеровской области и создание экономического интереса туристов и населения, проживающего на туристских территориях Кемеровской области, к охране природы.</p>

Как видно из данных таблицы, после обратного машинного перевода текст статьи 1 «Основные понятия, используемые в настоящем Законе» регионального закона № 5-ОЗ Кемеровской области – Кузбасса «О туристской деятельности» несколько меняет грамматические конструкции, добавляет или теряет слова. Значимо отметить, что при реверсивном переводе отражаются некоторые синонимические замены (*экологический туризм – экотуризм; путешествия – направленность; экономическая заинтересованность – экономические выгоды – экономический интерес; туристские территории – туристические зоны* и так далее).

Далее раскрывается сопоставительный анализ оригинала и обратного машинного перевода, Рис. 1. – Рис. 2. Подчеркнем, на рисунках выделены несовпадающие зоны. Желтым цветом выделен оригинальный текст, зеленым цветом высвечен обратный машинный перевод (китайский язык и английский язык соответственно).

статья 1. основные понятия, используемые в настоящем законе
 в настоящем законе используются основные понятия, установленные федеральным законом ^{№ 132}
 «об основах туристской деятельности в Российской Федерации» ^{№ 132} «о туризме», а также
 следующие понятия:
 экологический туризм - путешествия, ориентированные ^{на} туризм - направленность поездки на
 углубленное ознакомление с природными ценностями территории кемеровской области и
 создающие экономическую заинтересованность туристов и населения, проживающего на ^{них}
 в сфере охраны природы для туристов и жителей туристических территориях ^{зон}
 кемеровской области, в сохранении природы

Рисунок 1. Результаты сравнения оригинала и обратного машинного перевода на китайский язык

Статья 1. Основные понятия, используемые в настоящем Законе¹
 В настоящем Законе используются основные понятия, установленные Федеральным законом
 «^{№ 132} Об основах туристской деятельности ^{в Российской Федерации}», а также следующие
 понятия:¹
 экологический туризм - путешествия, ориентированные ^{на} поездки, направленные на углубленное
 ознакомление с природными ценностями территории Кемеровской области и создающие
 экономическую ^{за} заинтересованность туристов и населения, проживающего на туристических
 территориях Кемеровской области, в ^с сохранении природы¹

Рисунок 2. Результаты сравнения оригинала и обратного машинного перевода на английский язык

Представленные данные свидетельствуют, что общий смысл оригинала сохранен и передан при реверсивном переводе. В первом случае оригинальный текст содержит 58 слов, обратный машинный перевод (на китайский язык) – 55 слов. Тексты схожи на 40,74 %. Разница составляет 59,26 %. Во втором случае при реверсивном переводе того же текста на английский язык тексты оказываются схожи на 63,83 %. Разница составляет 36,17 %. Оригинальный текст содержит 58 слов, обратный машинный перевод – 57 слов.

Аналогичным образом происходил анализ Федерального закона № 132 «Об основах туристской деятельности в Российской Федерации». Обратный машинный перевод на китайский язык показал при сравнении, что тексты схожи на 53,76 %. Реверсивный перевод (на английский язык) вскрыл сходство оригинала и варианта перевода на 67,82 %. В этом же ключе изучен Законопроект № 970499-7 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части развития экологического туризма». В нем задействовано понятие «экотуризм» и вопросы регулирования этого вида отдыха. Тексты схожи на 41,57 % при сравнении оригинала и обратного машинного перевода на китайский язык, при ОМП на английский язык тексты схожи на 69,33 %. При анализе стабильно сохраняется картина большего процентного сходства текстов в случае с английским языком по сравнению с китайским.

Итак, при сравнении данных отчетливо вырисовывается противоречивая картина. Процентное сходство текстов уменьшается при обращении к региональному закону и законопроекту, что указывает на их наибольший потенциал для множественного толкования. По степени сложности им также отводится лидирующая позиция. Так, например, одним из общих предтерминов (зона недоюридизированного смысла, неяркая степень юридизации) всех этих юридических текстов является лексема «экотуризм». При работе с семантикой слова необходимо обращаться к различным словарям и контекстам с появлением этого предтермина (см., например, контексты из Национального корпуса русского языка [www.ruscorpora.ru]: «(Экотуризм) может воздействовать не только на природу, но также, если говорить с точки зрения экономики, побуждать турбизнес, стимулировать инвестиции» [Закон об экологическом туризме могут принять до конца весенней сессии // Парламентская газета, 2021.05] и так далее). Дефиниция предтермина представлена в Стратегии развития туризма в Российской Федерации на период до 2035 года, «Экологический туризм» – «все виды туризма, при которых главной мотивацией туристов является наблюдение за природными объектами и явлениями и общение с природой, которые способствуют сохранению окружающей среды и культурного наследия, оказывая на них минимальное воздействие, а также росту благосостояния местного населения» [http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_333756/].

Выводы

Проведенный анализ показал наличие в юридических текстах зон смысловой неопределенности, в том числе лексики с размытой семантикой (например, слова «туризм»; «экотуризм»; «путешествия»; «экономические выгоды» и так далее). Установлена взаимосвязь степени сложности (ясности) и процентного сходства оригинальных текстов и обратного машинного перевода при переходе от федерального уровня закона к региональному (обратная пропорциональность – уменьшение сходства влечет за собой увеличение степени сложности текста). Перспективы исследования связаны с созданием компьютерных баз данных с описанием «точек напряженности» нормативных правовых актов, а также выявлением повторяемости таких точек, созданием на этой основе рекомендаций для законодателей.

Литература

- Белан Э. Т. Формально-структурный анализ терминов международного туризма в английском языке / Вестник Московского государственного областного университета. - 2007. - № 2. - С. 92-100.
- Власова Л. В. Семантическая диффузия, семантическая неопределенность: определение понятий / Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. - 2014. - Т. 1, № 2. - С. 128-132.
- Голев Н. Д. Об использовании обратного машинного перевода в юрислингвистической практике (постановка проблемы) / Современные тенденции развития науки: сб. статей под ред. С. О. Гаврилова, Д. М. Бородулина. Кемерово. - 2018. - С. 3-5.
- Голев Н. Д., Иркова А. В. Эволютивная юридизация лексики: теоретические и методические аспекты / Вестник Волгоградского государственного университета. - 2022. - Т. 21, № 2. - С. 5-18. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2022.2.1>
- Законопроект № 970499-7 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части развития экологического туризма». URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/970499-7#bh_note
- Карелина О. П. Семантическое пространство рекламно-туристических текстов: статус, классификационные параметры, их корреляция. Казань, 2020.
- Мошняга Е. В. Концептосфера международного туризма в контексте межкультурной коммуникации / Знание. Понимание. Умение. - 2008. - № 4. - С. 146-151.
- Национальный корпус русского языка. URL: <http://www.ruscorpora.ru>
- Неустроев К. С. Феномен семантической неопределенности в юридическом тексте: контекст, прагматика, интерпретация / Балтийский гуманитарный журнал. - 2018. - Т. 7, № 1(22). - С. 113-116.
- Путрик Ю. С., Костяев Н. П., Караневский П. И. Найти общий терминологический язык / Национальный туристский журнал «Туристские фирмы» Международной Туристской Академии (МТА). - 2006. - № 39 (7). - С. 27-28.
- Распоряжение Правительства РФ от 20.09.2019 N 2129-р (ред. от 07.02.2022) «Об утверждении Стратегии развития туризма в Российской Федерации на период до 2035 года». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_333756/
- Региональный закон Кемеровской области-Кузбасса «О туристской деятельности» от 06 февраля 2009 года N 5-ОЗ. URL: <https://docs.cntd.ru/document/990308729>
- Федеральный закон «Об основах туристской деятельности в Российской Федерации» от 24.11.1996 N 132-ФЗ (последняя редакция). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_12462/
- Чарычанская И. В. Обратный перевод как инструмент сравнения и анализа текстов оригинала и перевода / Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. - 2003. - № 2. - С. 50-58. EDN PKIJVL.
- Google Translate. URL: <https://translate.google.ru>
- Web-инструмент. Сравнение схожести текстов. URL: https://ciox.ru/comparing_the_similarity_of_texts.

References

- Belan, E. T. (2007). Formal-structural analysis of international tourism terms in English. Bulletin of the Moscow State Regional University. Series: Linguistics, 2, 92-100 (in Russian).
- Charychanskaya, I. V. (2003). Reverse translation as a tool for comparing and analyzing the texts of the original and translation. Bulletin of the Voronezh State University. Series: Linguistics and Intercultural Communication, 2, 50-58 (in Russian).
- Draft Law No. 970499-7 "On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation regarding the development of ecological tourism". Available from: https://sozd.duma.gov.ru/bill/970499-7#bh_note (in Russian).
- Federal Law "On the basics of tourist activity in the Russian Federation" dated 24.11.1996 N 132-FZ (latest edition). Available from: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_12462/ (in Russian).
- Golev, N. D. (2018). On the use of reverse machine translation in legal linguistic practice (formulation of the problem). Modern trends in the development of science: collection of articles / edited by S. O. Gavrillov, D. M. Borodulin. Kemerovo, 3-5 (in Russian).
- Golev, N. D., Irkova, A.V. (2022). Evolutionary legal lexicon: theoretical and methodological aspects. Bulletin of Volgograd

- State University, 21(2), 5-18. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2022.2.1> (in Russian).
Google Translate. Available from: <https://translate.google.ru>.
- Karebina, O. P. (2020). Semantic space of advertising and tourist texts: status, classification parameters, their correlation. Kazan (in Russian).
- Moshnyaga, E. V. (2008). Conceptosphere of international tourism in the context of intercultural communication. Knowledge. Understanding. Ability, 4, 146-151 (in Russian).
- National Corpus of the Russian language. Available from: <http://www.ruscorpora.ru>.
- Neustroev, K. S. (2018). The phenomenon of semantic uncertainty in a legal text: context, pragmatics, interpretation. Baltic Humanitarian Journal, 1(22), 113-116 (in Russian).
- Order of the Government of the Russian Federation dated 09/20/2019 No. 2129-r (ed. dated 02/07/2022) "On approval of the Strategy for the Development of Tourism in the Russian Federation for the period up to 2035". Available from: [http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_333756 /](http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_333756/)
- Putrik, Yu. S., Kostyaev, N. P., Karanovsky, P. I. (2006). Find a common terminological language. National Tourist Journal "Tourist Firms" of the International Tourism Academy (MTA), 39(7), 208 (in Russian).
- The regional law of the Kemerovo region-Kuzbass "On tourist activity" dated February 06, 2009 N 5-OZ . Available from: <https://docs.cntd.ru/document/990308729>
- Vlasova, L. V. (2014). Semantic diffusion, semantic uncertainty: definition of concepts. Bulletin of the Leningrad State University named after A.S. Pushkin, 1 (2), 128-132 (in Russian).
- Web-tool. Comparison of similarity of texts. Available from: https://ciox.ru/comparing_the_similarity_of_texts.

Citation:

Голев Н. Д., Иркова А. В. Семантическая диффузия юридических и околоюридических терминов как практическая и исследовательская проблема // Юрислингвистика. – 2023. – 27. – С. 44-48.

Golev N. D., Irkova A. V. (2023). Semantic Diffusion of Legal and Near-Legal Terms as a Practical and Research Problem. Legal Linguistics, 27, 44-48.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0. License

Языковые правила юридической техники: разумность, обязательность, эффективность¹

М. Л. Давыдова

Волгоградский государственный университет

*Университетский проспект, 100, 400062, Волгоград, Россия. E-mail: davidovavlg@gmail.com,
davidovaml@volsu.ru*

В статье рассматриваются требования, соблюдение которых необходимо для упрощения текста закона и повышения его доступности. Основное внимание уделяется правилам использования контекстных и общепринятых сокращений, которые позволяют существенно сократить объем закона, избавить его от лишних повторов и сделать более понятным. Приводятся примеры непоследовательного использования законодателем приемов контекстного сокращения, а также примеры текстов, в которых уместно было бы использование сокращений и даже аббревиатур. Делается вывод о том, что эффективность технико-юридических правил возможна только при условии их разумности и обязательности их соблюдения. Доказывается, что проблема сложности современного русского юридического языка нуждается в целенаправленной государственной политике, охватывающей реформу как правил законотворческой техники, так и самой законодательной процедуры. В качестве инструментов, позволяющих оценить эффективность этих правил и поддержать их действие, предлагается установление обязательной автоматической проверки законопроектов на предмет синтаксической сложности, а также привлечение фокус-групп для оценки уровня читабельности текстов и понятности используемых в нем терминов и сокращений.

Ключевые слова: юридическая техника, язык права, юридический термин, правила юридической техники, доступность права, простой язык.

Linguistic Rules of Legal Technique: Reasonableness, Obligation, Efficiency

M. L. Davydova

Volgograd State University

100 University pr., 400062, Volgograd, Russia. E-mail: davidovavlg@gmail.com, davidovaml@volsu.ru

The article discusses the requirements that are necessary to simplify the text of the law and increase its intelligibility. The main attention is paid to the rules for the use of contextual and generally accepted abbreviations, because they can significantly reduce the volume of the law, save it unnecessary repetitions and make it more understandable. Examples of inconsistent use of contextual abbreviations by the legislator are given, as well as examples of texts in which it would be appropriate to use abbreviations. It is concluded that the effectiveness of technical legal rules is possible only if they are reasonable and obligatory to comply to. It is proved that the problem of the complexity of the modern Russian legal language needs a planned state policy, covering the reform of both the rules of legislative technique and the legislative procedure itself. As tools to assess the effectiveness of these rules and support their observance, it is proposed to establish a mandatory automatic check of bills for syntactic complexity, as well as to involve focus groups to assess the level of readability of texts and the comprehensibility of the terms and abbreviations used in them. The study is financially supported by the Russian Science Foundation, project № 21-18-00484, <https://rscf.ru/project/21-18-00484/>.

Key words: legal technique, language of law, legal term, rules of legal technique, intelligibility of law, plain language.

¹ Исследование выполнено за счет средств гранта Российского научного фонда № 21-18-00484, <https://rscf.ru/project/21-18-00484/>

Повышение эффективности правового регулирования является одним из значимых приоритетов современной правотворческой политики. Осмыслению этой проблемы посвящена, в частности, популярная в зарубежной правотворческой практике концепция умного регулирования [Давыдова 2020: 35; Gunningham 2017: 134], направленная на разработку средств, позволяющих достичь наибольшего регулятивного эффекта с наименьшими затратами – материальными, организационными, временными и т. п.

Одним из важных требований умного регулирования является повышение доступности права, ведь без доведения содержания правовых велений до адресата совершенствование иных средств правового воздействия просто теряет смысл.

Требование доступности права включает как наличие возможности ознакомиться с текстами нормативных актов, так и возможность адекватно воспринять содержание акта, понять суть изложенных в нем велений.

Инструментами, направленными на повышение доступности в первом ее значении, являются электронное опубликование, размещение в открытом доступе, кодификация, систематизация нормативных актов. Второй аспект связан преимущественно с качеством юридического языка, которое зависит в числе прочего от эффективности языковых правил юридической техники.

В данной статье мы рассмотрим некоторые из таких правил с точки зрения предъявляемых к ним требований разумности и обязательности, которые, в свою очередь, представляются важнейшими условиями эффективности. Основное внимание будет уделено правилам, направленным на снижение избыточной сложности языка законодательных актов.

Важно отметить, что речь идет именно об избыточной сложности текста, т. е. не обусловленной достаточными объективными причинами, связанными с содержанием правового акта и спецификой юридического языка. Данная оговорка существенна, потому что проблема сложности нормативно-правового текста традиционно рассматривается в нескольких контекстах.

Один из таких контекстов связан с возможными пределами упрощения юридического языка. Есть мнение, что абсолютная доступность, понятность юридического текста в принципе недостижима. Н. Д. Голев использует в этой связи понятие агнонии («агномим» – малоизвестное слово, незнакомое большинству говорящих на данном языке) как фундаментального свойства понимания специализированных слов и текстов [Голев 2007: 99].

Другой аспект проблемы связан с потенциальными адресатами текста, определяющими уровень его сложности. Должен ли закон быть написан языком, понятным любому человеку, или ориентирован он, прежде всего, на специалистов? Если в первом случае подразумевается вопрос «возможно ли упрощение юридического языка?» (не теряем ли в точности и юридической грамотности формулировок, если увлекаемся переводом «с юридического на человеческий?»), то во втором ставится вопрос «нужно ли такое упрощение?» (точнее, на кого именно должны быть ориентированы усилия по упрощению текста?).

Начавшееся в 70-х годах XX века движение за «простой английский» (Plain English) [Уильямс 2012: 191-204] фактически дало ответы на эти вопросы. Многочисленными исследованиями подтверждается тот факт, что отказ от старомодных словесных конструкций, использование прямого порядка слов, сокращение длины предложения, увеличение количества глаголов позитивно отражаются не только на уровне понимания текста обычными людьми, но и повышают эффективность работы профессиональных юристов [Plain English 2021]. Множество практических руководств по законопроектной деятельности, размещенных на официальных сайтах зарубежных государственных органов [OPC's Guide 2016; PCO Plain Language; Principles of Clear Writing], дают конкретные рекомендации по совершенствованию лексического и синтаксического состава юридических текстов. Другими словами: в упрощении текстов заинтересованы все, и методики такого упрощения (пусть и не абсолютного) существуют.

Некоторые попытки движения в этом направлении предпринимаются и в России. Однако пока они недостаточно последовательны. Так, принятые в 2013 году Методические рекомендации по реализации принципов открытости в федеральных органах исполнительной власти [Методические рекомендации (2) 2013] содержат ряд конкретных советов по повышению доступности правовых актов, включая оценку целевой аудитории, грамотное структурирование текста, корректировку синтаксических конструкций и лексического состава текста и пр. При этом язык самого документа явно свидетельствует о приверженности его авторов традиционному канцелярскому стилю. Яркой иллюстрацией этого является следующая рекомендация: «...сокращение использования отглагольных существительных», подтверждающая, что сами составители текста от отглагольных существительных отказаться не готовы.

В целом для российского законодательства сегодня характерна прямо противоположная тенденция – постоянное повышение уровня языковой сложности текстов нормативно-правовых актов. Эмпирически очевидная, данная тенденция подтверждается и специальными исследованиями. Сразу два таких исследования были проведены в последние годы специалистами Высшей школы экономики (Москва) [Оценка сложности 2020] и Европейского университета (Санкт-Петербург) [Кучаков 2018; Савельев 2020].

С использованием различной методологии авторы обоих проектов математически доказывают, что рост индекса синтаксической сложности современных законов существенно превышает нормальный для русского языка уровень. В частности, каждый следующий созыв Государственной Думы РФ принимает законы, синтаксически более сложные, чем ранее [Оценка сложности 2020: 17]. При внесении в закон изменений его последующая редакция всегда оказывается сложнее первоначальной [Оценка сложности 2020: 21; Кучаков 2018: 8]. Существенно возрастает общий объем текста и средняя длина предложения. Аналогичные тенденции в целом прослеживаются в актах других федеральных органов власти и в региональном законодательстве [Кучаков 2018: 11, 14].

Исследователи подчеркивают, что тенденция эта не соответствует процессам, происходящим не только в языках других стран (в 37 языках разных стран отмечено снижение показателей сложности), но и в русском языке (в частности, в текстах СМИ) [Кучаков 2018: 9]. Не может она объясняться и тематикой законопроектов: на вершине рейтинга самых нечитабельных законов [Оценка сложности 2020: 15] оказываются акты, посвященные мерам социальной поддержки различных категорий граждан, пенсионному обеспечению, защите детей-сирот и другим вполне «народным», а не узкопрофессиональным вопросам.

Критерии оценки текстов в приведенных исследованиях различаются, хотя и перекликаются друг с другом в значительной степени.

В исследовании ВШЭ в качестве критериев учитывалось количество глаголов в предложении, количество слов в предложении и абзаце, расстояние между зависимыми словами, количество причастных оборотов и количество слов в субстантивных именных словосочетаниях [Оценка сложности 2020: 11].

Не останавливаясь на каждом из приведенных критериев, отметим лишь последний из них. Этот критерий (длина субстантивных именных словосочетаний) занимает второе по значимости место в удельном весе итогового показателя сложности текста (16 %). Речь идет о словосочетаниях с существительным в качестве главного слова. Именно такими словосочетаниями представлены в нормативных актах многочисленные сложносоставные термины: «органы, входящие в единую систему публичной власти в субъекте Российской Федерации» (11 слов), «персонифицированная карта для посещения спортивного соревнования» (6 слов), «участники оборота товаров, подлежащих обязательной маркировке средствами идентификации» (8 слов), «уведомление о приостановлении или возобновлении использования основного технологического оборудования для производства этилового спирта или алкогольной продукции с использованием этилового спирта» (20 слов).

Исследование Европейского университета строится на оценке двух критериев: лексического разнообразия и расстояния между зависимыми словами в предложении [Кучаков 2018: 8]. Нетрудно заметить, что упомянутая выше длина субстантивных именных словосочетаний имеет непосредственное отношение к обоим этим критериям. Повторение одних и тех же терминов в предложении – типичная проблема официально-делового стиля. Чем длиннее оказываются повторяющиеся терминологические цепочки, тем ниже лексическое разнообразие текста и больше расстояние между зависимыми словами в предложении.

Ко всему прочему многократно повторяемые многословные термины связаны с еще одной острой проблемой современного российского законодательства – растущим объемом правовых актов в целом и их структурных единиц.

Учитывая сказанное, именно проблеме многословных юридических терминов следует уделить внимание в контексте совершенствования языковых правил юридической техники. Причем правила, на которых хотелось бы остановиться, касаются не самого способа создания таких громоздких и тяжеловесных терминов – сложившийся бюрократический стиль корректировать достаточно сложно (подтверждением тому служит приведенный выше документ, авторам которого не удалось написать простым языком даже рекомендации по упрощению языка).

Более реалистичным и эффективным представляется использование контекстных сокращений, которые позволяют минимизировать негативное влияние длинных терминов на уровень читабельности текста.

Разработанные аппаратом Государственной Думы РФ методические рекомендации по юридико-техническому оформлению законопроектов [Методические рекомендации 2021] каких-либо требований к употреблению юридических терминов в тексте закона не содержат. В отличие от них методические рекомендации по лингвистической экспертизе законопроектов [Методические рекомендации (1) 2013: 11] включают следующее положение: «В случае, если в тексте законопроекта используются длинные и громоздкие наименования органов, организаций, объектов, лиц, нередко применяется способ контекстного сокращения, то есть при первом употреблении дается полное наименование, а в скобках приводится сокращенная форма». Заметим, что фраза «нередко применяется» звучит не как правило и даже не как рекомендация. Скорее это просто описание одного из возможных приемов изложения текста закона.

Именно так, как факультативный прием, его и воспринимает законодатель. Проблема, однако, не столько в том, что потенциал контекстных сокращений по упрощению текста закона не используется в достаточной мере. Гораздо важнее тот факт, что какая-либо последовательность, логика в использовании данного приема полностью отсутствует.

Рассмотрим для примера Федеральный закон 10.01.2002 № 7-ФЗ (ред. от 26.03.2022) «Об охране окружающей среды». Принятый в 2002 году, этот закон 58 раз претерпевал изменения.

Первоначальная редакция закона содержала в основном короткие термины-словосочетания («естественная экологическая система», «природный комплекс», «оценка воздействия на окружающую среду», «вред окружающей среде», «экологический риск» и т. п.). Многословных понятий в тексте закона было немного, и для них использовались сокращения: «нормативы предельно допустимых концентраций химических веществ, в том числе радиоактивных, иных веществ и микроорганизмов (далее также – нормативы предельно допустимых концентраций)» (краткий вариант термина употребляется в тексте закона 5 раз).

В более поздних редакциях закона появились и другие термины, содержащие в скобках альтернативное наименование.

Так, Федеральный закон от 09.03.2021 № 39-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон "Об охране окружающей среды" и отдельные законодательные акты Российской Федерации» вводит определение понятия «информация о состоянии окружающей среды (экологическая информация)», а также статьи, использующие данное понятие. Можно было бы предположить, что краткий вариант «экологическая информация» аналогичен по смыслу

более объемному «информация о состоянии окружающей среды» и может использоваться в тексте закона в качестве сокращения. Однако далее мы 10 раз встречаем использование всей конструкции целиком: «информация о состоянии окружающей среды (экологическая информация)».

В этом же тексте введенное Федеральным законом от 21.11.2011 № 331-ФЗ (ред. от 30.04.2021) «О внесении изменений в Федеральный закон "Об охране окружающей среды" и отдельные законодательные акты Российской Федерации» понятие «государственный экологический мониторинг (государственный мониторинг окружающей среды)», именно в таком виде (с синонимичным названием, указанным в скобках) упоминается в статьях закона 31 раз.

Стоит заметить, что полностью от контекстных сокращений в данном нормативном акте законодатель не отказывается. К примеру, в 2013 году (Федеральный закон от 23.07.2013 № 226-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон "Об охране окружающей среды" и отдельные законодательные акты Российской Федерации») в списке основных понятий появился термин «вещества, разрушающие озоновый слой (далее – озоноразрушающие вещества)». Далее по тексту во всех 15 случаях использования этого понятия оно употребляется в сокращенном варианте.

Но не стоит думать, что разгадка логики законодателя заключается в слове «далее», прямо указывающем на введение сокращенного наименования понятия. В абсолютно аналогичном случае термин «требования в области охраны окружающей среды (далее также – природоохранные требования)» в сокращенном виде не используется в законе ни разу. При этом вариант «требования в области охраны окружающей среды» (без сокращения) употребляется 37 раз.

Все приведенные примеры свидетельствуют о крайней степени непоследовательности и небрежности, проявляемых в процессе создания текста закона. Разработчики «забывают» не только о возможности использовать контекстные сокращения, но и о тех сокращениях, которые уже внедрены в структуру нормативного акта. В результате вместо того, чтобы упростить текст, засоряют его лишними словесными конструкциями.

Необязательность правила об использовании контекстных сокращений не только снижает его эффективность, но и вносит дополнительную путаницу в текст. При этом устанавливать его в виде императивного требования, вероятно, нет необходимости. Даже сформулированное как прямая рекомендация (без указания на обязательность) это правило существенно повысило бы свою эффективность.

Формальными основаниями для введения сокращения могли бы быть длина терминологической цепочки (например, больше 6-7 слов) и частота использования ее в тексте (например, при упоминании термина более 10 раз). Безусловно, закрепление конкретных параметров нуждается в научном, в том числе экспериментальном обосновании.

Второй аспект рассматриваемой проблемы связан с разумностью технико-юридических правил, касающихся возможности использования сокращений в тексте закона.

Упомянувшиеся выше методические рекомендации по лингвистической экспертизе законопроектов устанавливают на этот счет более четкое правило: «Сложносокращенные слова и аббревиатуры не рекомендуются использовать в законодательных актах» [Методические рекомендации (1) 2013: 10]. В качестве пояснения приводится аргумент о том, что со временем такие слова могут устаревать и при отсутствии указания на их полную форму оказываться непонятными читателю. Вполне убедительный, этот аргумент легко снимается возможностью разместить полную расшифровку сокращения при первом его упоминании в тексте. С другой стороны, полный отказ от аббревиатур – даже общепринятых и максимально распространенных – не позволяет использовать существенный ресурс сокращения и упрощения законодательного текста.

Самый простой пример: словосочетание «Российская Федерация». При анализе лексического разнообразия законодательных текстов оно оказывается одним из наиболее часто повторяемых [Кучаков 2018: 9]. При этом аббревиатура «РФ» общепринята, но никогда не используется в целях сокращения официальных текстов.

Так, Федеральный закон от 21.12.2021 № 414-ФЗ «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации» содержит 65 статей, в которых выражение «Российской Федерации» употребляется 2 265 раз, что составляет 4 530 слов. Если в порядке эксперимента заменить эти слова аббревиатурой (в каждом случае вместо 20 печатных знаков будет использовано 2), то объем текста сократится на 40 770 зн. Учитывая, что общий объем текста данного закона составляет примерно 357 000 зн., полученная «лексическая экономия» составит около 11 % текста (при распечатке это 98 и 88 страниц соответственно). Сам текст при этом только выиграет, т. к. предложения станут короче, а бесконечные повторы будут меньше отвлекать от понимания его смысла. Никаких проблем с ясностью, точностью, единообразным толкованием формулировок так же возникнуть не может, т. к. смысл аббревиатуры в сочетаниях «субъект РФ», «законодательство РФ», «Федеральное Собрание РФ» всем понятен и толкуется однозначно.

Возможно, кто-то увидит в использовании сокращения неуважение к названию государства. Но при столь осязаемом повышении качества текста стоит задуматься: не будет ли проявлением большего уважения к государству забота о доступности его законов?

Еще один пример уместного сокращения связан с употреблением в законодательстве излишне громоздкой конструкции «информационно-телекоммуникационная сеть "Интернет"».

В настоящее время Академический орфографический словарь [Научно-информационный] допускает написание слова «интернет» со строчной буквы и без кавычек. Это слово давно прижилось в русском языке и не нуждается в пояснениях. При этом законодатель, помимо кавычек и заглавной буквы, неизменно напоминает, что «Интернет»

представляет собой сеть, и к тому же информационно-телекоммуникационную. К примеру, Федеральный закон от 30.04.2021 № 124-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон "О рекламе"» содержит всего 2 300 слов. Выражение «в информационно-телекоммуникационной сети "Интернет"» употребляется в его тексте 43 раза, что в пересчете на печатные знаки составляет 9 % от общего объема текста. В основном рассматриваемая конструкция повторяется в каждом предложении по три раза, иногда и чаще. Так, п. 3 ст. 3.10 содержит предписание длиной в 156 слов, 28 из которых приходятся на семикратное (!) повторение упомянутой конструкции. Это 18 % всего текста статьи! Замена этой конструкции на общеупотребимое слово «интернет» не только приводит к существенному (почти на 1/5) уменьшению объема текста, но и повышает его понятность, читабельность.

Таким образом, эффективность технико-юридических правил достижима при условии их разумности, а также обязательности исполнения. Разумность при этом должна оцениваться с учетом направленности правила на достижение цели.

Так, языковые правила в первую очередь должны обеспечить, чтобы воля законодателя без искажений дошла до адресата. Следовательно, запрет сокращений разумен ровно настолько, насколько он обеспечивает однозначность формулировок и возможность их единообразного толкования. Если соблюдение этого запрета на определенном этапе приводит к избыточному усложнению текста, возрастанию его объема, засорению многочисленными повторами, то процесс толкования неизбежно становится более проблематичным, а риски интерпретационных ошибок возрастают. Разумно, в этой связи, ослабить такой запрет, допустив сокращения там, где смысл текста не искажается, а словесная экономия позволяет сделать его более прозрачным.

Что касается обязательности подобных правил, далеко не всегда для ее поддержания необходимы конкретные санкции. Прямо сформулированные в методических рекомендациях, инструкциях, руководствах для разработчиков правовых актов, такие правила соблюдаются под воздействием авторитета установившего их субъекта или в силу административного либо корпоративного влияния (когда невыполнение рекомендаций, хоть и не влечет конкретного наказания, но может восприниматься как некачественное осуществление работником своих обязанностей). Еще один механизм обеспечения обязательности правил юридической техники связан с наличием доктринальной традиции, укрепившейся в профессиональной среде. На самом деле для правил и средств юридической техники именно такой механизм играет важнейшую роль [Давыдова 2012: 157]. Сфера профессионального мастерства в первую очередь держится на инструментари, выработанном и принятом профессиональным сообществом. Это правила, знакомые каждому юристу со студенческой скамьи и поэтому часто не нуждающиеся в дополнительной формализации и легитимации.

Прибегать к другим, помимо доктрины, средствам легитимации правил юридической техники имеет смысл в двух случаях: если принятые профессиональным сообществом правила устарели и нуждаются в корректировке (именно на такую корректировку старомодного законодательного стиля направлено движение Plain English), либо если авторитета доктрины оказывается недостаточно для обеспечения должного качества юридических текстов. Подобная ситуация, как было показано выше, имеет место в современной российской правотворческой практике, что и наводит на мысль о целесообразности формализации некоторых правил законодательной техники.

И последнее. Одним из ключевых требований умного регулирования является постоянная оценка и апробация используемых средств с точки зрения наиболее эффективного достижения цели. Недостаточно установить правила, необходимо постоянно отслеживать, приводит ли их действие к требуемому результату. Применительно к оценке эффективности языковых правил юридической техники, направленных на снижение уровня сложности законодательного текста, возможно использование следующих инструментов.

1. Автоматическая проверка всех законопроектов с помощью компьютерной программы, определяющей уровень синтаксической сложности текста. Примеры возможных алгоритмов такой проверки изложены в приведенных выше исследованиях [Оценка сложности 2020; Савельев 2020]. В случае превышения предельно допустимых показателей проект должен возвращаться разработчику для соответствующей корректировки. Эта проверка, естественно, будет носить формальный характер, т. к. качество изложения содержания правовых норм таким способом оценить невозможно. В то же время она позволит охватить весь массив законопроектов без существенных изменений в законодательной процедуре. Кроме того, установление подобной «электронной экспертизы» как обязательной поставит разработчиков перед необходимостью признать уровень сложности текста значимым показателем качества своей работы.

2. Содержательная оценка текста на предмет доступности его изложения может проводиться с привлечением фокус-групп или использованием других методов законодательной социологии [Martínez 2022; Белов 2019]. В отличие от «электронной экспертизы» такая оценка не может проводиться в отношении всех законопроектов. Во-первых, она требует больше ресурсов (временных, организационных, человеческих и пр.). Во-вторых, выносить профессиональные вопросы на суд общественности не всегда рационально. С другой стороны, в конкретной ситуации обращение к фокус-группе позволит оценить, насколько удачно подобран термин, уместно ли введение сокращения, понятна ли используемая аббревиатура. Оценить разумность правил составления текста на основе методов вычислительной лингвистики невозможно. Здесь нужно обращение к людям: профессиональным экспертам или обычным пользователям закона.

Проблема увеличения объема законодательного массива и растущей сложности современного русского юридического языка не может быть решена без целенаправленной государственной политики. Такая политика должна затрагивать как правила законотворческой техники, так и законодательную процедуру. Последняя должна

быть организована таким образом, чтобы побудить тех, кто пишет закон, взглянуть на него глазами тех, кто его читает.

Литература

- Белов С. А., Гулида В. Б. Язык юридических документов: сложности понимания / Acta Linguistica Petropolitana. Труды института лингвистических исследований. - 2019. - Т. 1. - № 15. - С. 56-103.
- Голев Н. Д. Лингвистические тупики юридической техники / Юрислингвистика. - 2007. - № 8. - С. 92-104.
- Давыдова М. Л. «Умное регулирование» как основа совершенствования современного правотворчества / Журнал российского права. - 2020. - № 11. - С. 14-29.
- Давыдова М. Л. Нормативность юридической техники: к вопросу о механизме действия правотворческих правил и средств / Юридическая техника. - 2012. - № 6. - С. 154-158.
- Кучаков Р., Савельев Д. Сложность правовых актов в России: Лексическое и синтаксическое качество текстов. Под редакцией Д. Скугаревского (Серия «Аналитические записки по проблемам право- применения»). СПб, 2018. URL: https://enforce.spb.ru/images/analit_zapiski/memo_readability_2018_web.pdf
- Методические рекомендации (1) по лингвистической экспертизе законопроектов. М., 2013. URL: <http://duma.gov.ru/media/files/9Sc61P4yf42i9INdk8GHYltzqb3hwMEF.pdf>
- Методические рекомендации (2) по реализации принципов открытости в федеральных органах исполнительной власти (утв. протоколом заочного голосования Правительственной комиссии по координации деятельности открытого правительства от 26.12.2013 N АМ-ПЗ6-89пр)
- Методические рекомендации по юридико-техническому оформлению законопроектов (утв. Аппаратом Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации) (редакция 2021 г.)
- Научно-информационный «Орфографический академический ресурс АКАДЕМОС» Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН. URL: <https://orfo.ruslang.ru/>
- Оценка сложности языка законов (Анализ существующих юридико-технических и лингвистических подходов к разработке проектов законодательных актов, выработка предложений по их корректировке). М., 2020. URL: <https://icf.hse.ru/data/2020/03/18/1567931010/%D0%9E%D1%86%D0%B5%D0%BD%D0%BA%D0%B0%20%D1%81%D0%BB%D0%BE%D0%B6%D0%BD%D0%BE%D1%81%D1%82%D0%B8%20z%D0%B7%D0%B0%D0%BA%D0%BE%D0%BD%D0%BE%D0%B2.pdf>
- Савельев Д. А. Исследование сложности предложений, составляющих тексты правовых актов органов власти Российской Федерации / Право. Журнал Высшей школы экономики. - 2020. - № 1. - С. 50-74.
- Уильямс К. Юридический английский и простой английский: изменения и дополнения / Юрислингвистика. - 2012. - № 1 (12). - С. 191-204.
- Gunningham N., Sinclair D. Smart regulation. In Drahos P, editor, Regulatory Theory: Foundations and applications. Canberra, Australia. 2017. Pp. 133-148.
- Martínez E., Mollica F., Gibson E. Poor writing, not specialized concepts, drives processing difficulty in legal language / Cognition. - Vol. 224. - 2022. 105070, ISSN 0010-0277, <https://doi.org/10.1016/j.cognition.2022.105070>. URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0010027722000580>
- OPC's Guide to Reducing Complexity in Legislation. The Office of Parliamentary Counsel. Australian Government. June, 2016. URL: https://www.opc.gov.au/sites/default/files/reducingcomplexity_0.pdf
- PCO Plain Language Standard. Parliamentary Counsel Office. New Zealand. URL: <https://www.pco.govt.nz/clear-drafting/Plain-English-and-the-Law-the-1987-Report-Republished> (html) The importance of plain English / The Victorian Law Reform Commission (the official site) Posted on July 14, 2021. URL: <https://www.lawreform.vic.gov.au/publication/plain-english-and-the-law-the-1987-report-republished/5-the-importance-of-plain-english/>
- Principles of Clear Writing. Office of the Federal Register. The U.S. National Archives and Records Administration URL: <https://www.archives.gov/federal-register/write/legal-docs/clear-writing.html>.

References

- Assessment of the complexity of the language of laws (Analysis of existing legal, technical and linguistic approaches to the development of draft legislative acts, development of proposals for their adjustment) (2020). Moscow. Available from: <https://icf.hse.ru/data/2020/03/18/1567931010/%D0%9E%D1%86%D0%B5%D0%BD%D0%BA%D0%B0%20%D1%81%D0%BB%D0%BE%D0%B6%D0%BD%D0%BE%D1%81%D1%82%D0%B8%20z%D0%B7%D0%B0%D0%BA%D0%BE%D0%BD%D0%BE%D0%B2.pdf> (in Russian).
- Belov, S. A., Gulida, V. B. (2019). Language of legal documents: difficulties of understanding. Acta Linguistica Petropolitana. Proceedings of the Institute for Linguistic Research, 1, 15, 56-103 (in Russian).
- Davydova, M. L. (2012). Normativity of legal technique: on the question of the mechanism of action of law-making rules and means. Legal technique, 6, 154-158 (in Russian).
- Davydova, M. L. (2020). "Smart regulation" as a basis for improving modern lawmaking. Journal of Russian Law, 11, 14-29 (in Russian).
- Golev, N. D. (2007). Linguistic dead ends of legal technique. Legal Linguistics, 8, 92-104 (in Russian).

- Guidelines (1) on the linguistic expertise of draft laws (2013). Moscow. Available from: <http://duma.gov.ru/media/files/9Sc61P4yf42i9INdk8GHYltzqb3hwMEF.pdf> (in Russian).
- Guidelines (2) for the implementation of the principles of openness in federal executive bodies (approved by the protocol of the Government Commission for Coordinating the Activities of Open Government 26.12.2013 N AM-П36-89np) (in Russian).
- Guidelines for the legal and technical execution of draft laws (approved by the Office of the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation) (2021) (in Russian).
- Gunningham, N., Sinclair, D. (2017). Smart regulation. In Drahos P, editor, *Regulatory Theory: Foundations and applications*. Canberra, Australia, 133-148.
- Kuchakov, R., Savel'ev, D. (2018). Complexity of Legal Acts in Russia: Lexical and Syntactic Quality of Texts. (Series "Analytical Notes on the Problems of Law Enforcement"). St. Petersburg. Available from: https://enforce.spb.ru/images/analit_zapiski/memo_readability_2018_web.pdf (in Russian).
- Martínez, E., Mollica, F., Gibson, E. (2022). Poor writing, not specialized concepts, drives processing difficulty in legal language. *Cognition*, 224, 105070, ISSN 0010-0277, <https://doi.org/10.1016/j.cognition.2022.105070>. Available from: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0010027722000580>
- OPC's Guide to Reducing Complexity in Legislation. The Office of Parliamentary Counsel. Australian Government. June, 2016. Available from: https://www.opc.gov.au/sites/default/files/reducingcomplexity_0.pdf
- PCO Plain Language Standard. Parliamentary Counsel Office. New Zealand. Available from: <https://www.pco.govt.nz/clear-drafting/>
- Plain English and the Law: the 1987 Report Republished (html) The importance of plain English. The Victorian Law Reform Commission (the official site) Posted on July 14, 2021. Available from: <https://www.lawreform.vic.gov.au/publication/plain-english-and-the-law-the-1987-report-republished/5-the-importance-of-plain-english/>
- Principles of Clear Writing. Office of the Federal Register. The U.S. National Archives and Records Administration. Available from: <https://www.archives.gov/federal-register/write/legal-docs/clear-writing.html>
- Savel'ev, D.A. (2020). Study of the complexity of sentences that make up the texts of legal acts of the authorities of the Russian Federation. *Pravo. Journal of the Higher School of Economics*, 1, 50–74 (in Russian).
- Scientific and informational "Spelling Academic Resource ACADEMOS" of the Institute of the Russian Language. V. V. Vinogradov RAS. Available from: <https://orfo.ruslang.ru/> (in Russian).
- Williams, C. (2012). Legal English and Plain English: Changes and additions. *Legal Linguistics*, 1 (12), 191-204 (in Russian).

Citation:

Давыдова М. Л. Языковые правила юридической техники: разумность, обязательность, эффективность // Юрислингвистика. – 2023. – 27. – С. 49-55.

Davydova M. L. (2023). Linguistic Rules of Legal Technique: Reasonableness, Obligation, Efficiency. *Legal Linguistics*, 27, 49–55.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0. License

Теоретико-прикладной анализ категории «воспрепятствование» в статьях Особенной части Уголовного кодекса РФ

А. А. Коренная

Алтайский государственный университет

пр. Ленина, 61, 656049, Барнаул, Россия. E-mail: kafupik@law.asu.ru

В статье рассмотрены составы преступлений Особенной части уголовного закона, содержащие в качестве конструктивного элемента объективной или субъективной стороны категорию «воспрепятствование». Методологической основой исследования являются классические общенаучные методы познания, а также специальные методы юридического исследования, в частности, сравнительно-правовой, эмпирический, метод юридической практики, а также языковые средства познания изучаемой категории, что позволяет установить значение термина в первоначальном понимании до его имплементации в уголовный закон. Проведенный анализ позволяет сделать вывод о неоднозначных подходах в понимании содержания воспрепятствования как самостоятельной уголовно-правовой категории. Во-первых, она относится к различным элементам состава преступления. Во-вторых, в отдельных составах выполнение объективной стороны преступления, совершаемого путем воспрепятствования, возможно только путем действия, а в иных и путем бездействия. В главе 22 Уголовного кодекса РФ воспрепятствование является результатом противоправной деятельности, что соответствует лексическому значению рассматриваемого термина. Однако такое понимание порождает квалификационный вопрос о возможности или невозможности квалифицировать деяния по правилам идеальной совокупности. По результатам проведенного исследования автор приходит к выводу, что действующий уголовный закон в части использования категории «воспрепятствование» подлежит изменению: необходимо отнести воспрепятствование исключительно к признакам объективной стороны, по своему юридическому и лексическому значению оно не может являться целью совершения преступления. Норма ст. 169 Уголовного кодекса РФ подлежит исключению, так как способами совершения преступления являются превышение и злоупотребление должностными полномочиями, ответственность за которые предусмотрена в главе о должностных преступлениях. При характеристике воспрепятствования как признака объективной стороны преступления следует исключить указание на совершение преступления в какой бы то ни было форме, так как указанное порождает проблемы в правоприменительной практике в части дополнительной квалификации, если способ воспрепятствования является самостоятельным преступлением.

Ключевые слова: воспрепятствование, уголовно-правовой термин, преступное посягательство.

Theoretical and Applied Analysis of the Category "Obstruction" in the Articles of the Special Part of the Criminal Code of the Russian Federation

A. A. Korennaya

Altai State University

61 Lenin St., 656049, Barnaul, Russia. E-mail: kafupik@law.asu.ru

The article considers the elements of crimes of a special part of the Criminal law, containing the category "obstruction" as a constructive element of the objective or subjective side. The methodological basis of the research is the classical general scientific methods of cognition, as well as special methods of legal research, in particular, comparative legal, empirical, as well as the method of legal practice, and linguistic means of cognition of the studied category, which allows us to establish the meaning of the term in its original understanding before its implementation in criminal law. The analysis allows us to conclude that there are ambiguous approaches in understanding the content of obstruction as an independent criminal legal category. Firstly, it refers to various elements of the corpus delicti. Secondly, in some compositions, the fulfillment of the objective side

of the crime committed by obstruction is possible only by action, and in others by inaction. In Chapter 22 of the Criminal Code of the Russian Federation, obstruction is the result of illegal activity, which corresponds to the lexical meaning of the term in question. However, such an understanding gives rise to a qualification question about the possibility or impossibility of qualifying acts according to the rules of the multiple offences. According to the results of the study, the author comes to the conclusion that the current criminal law regarding the use of the category "obstruction" is subject to change: it is necessary to attribute obstruction exclusively to the signs of the objective side, in its legal and lexical meaning it cannot be the purpose of committing a crime. The norm of Art. 169 of the Criminal Code of the Russian Federation is subject to exclusion, since the methods of committing a crime are excess and abuse of official powers, responsibility for which is provided for in the chapter on official crimes. When describing obstruction as a sign of the objective side of the crime, an indication of the commission of a crime in any form should be excluded, since this creates problems in law enforcement practice in terms of additional qualifications if the method of obstruction is an independent crime.

Key words: obstruction, criminal law term, criminal infringement.

Первый этап в формировании единого подхода к установлению содержания уголовно-правовой категории «воспрепятствование» – установление общезыкового значения данного термина. В русском языке существительное «воспрепятствование» определяется через соответствующий глагол – «воспрепятствовать», значение которого, в свою очередь, – помешать, не дать чего сделать, не допускать, сделать в чем помеху, воспротивиться, возбранить [Даль]. Воспрепятствование также результат такого действия [Ефремова]. Таким образом, существительное «воспрепятствование» либо отождествляется с соответствующим глаголом, либо является состоянием, следующим за осуществлением действия при достижении цели.

В УК РФ категория «воспрепятствование» употребляется в трех самостоятельных значениях:

1) воспрепятствование непосредственно является деянием – основным или альтернативным, указанным в наименовании уголовно-правовой нормы и в ее диспозиции, либо только в диспозиции. Такое понимание деяния изложено в ст.ст. 124.1, 141, 144, ч. 3 ст. 148, 149, 185.5, ч. 3 ст. 195, 267, 315 УК РФ;

2) воспрепятствование представляет собой общую содержательную характеристику преступления и фиксируется в наименовании статьи. В диспозиции такой нормы перечисляются действия либо бездействия, посредством которых реализуется воспрепятствование. Таких составов в уголовном законе два, и размещены они в гл. 22 – ст. 169 и ст. 185.4;

3) воспрепятствование осуществлению деятельности является также целью совершения преступления и относится к признакам субъективной стороны преступления. Подобный подход использован законодателем в отдельных составах главы о преступлениях против правосудия (ст.ст. 294, 295, ч. 3 ст. 299, 317).

Рассмотрим особенности конструирования и толкования категории «воспрепятствование» в различных составах Особенной части уголовного закона. В главе 16 Уголовного кодекса РФ установлена ответственность за воспрепятствование оказанию медицинской помощи (ст. 124.1). В диспозиции рассматриваемой нормы законодатель дополнил уголовно-правовой запрет указанием на воспрепятствование в какой-либо форме. Следовательно, характер воспрепятствования может быть разный и выражаться может как в действии, так и в бездействии [Дубовиченко 2019: 177]. Столь широкое понимание воспрепятствования в ст. 124.1 Уголовного кодекса РФ вызвало закономерный вопрос об уголовно-правовой оценке способа совершения конкретного преступления при квалификации в том случае, когда такой способ сам по себе является преступным [Эрднева 2020: 116], то есть возможности применения правила идеальной совокупности. Данный вопрос в связи с непродолжительным временем, прошедшим с момента введения в уголовный закон ст. 124.1 (введена Федеральным законом от 26.07.2019 г. № 206-ФЗ), не получил ответа в правоприменительной практике. В науке для решения указанной квалификационной задачи предложено провести аналогию с воспрепятствованием осуществлению правосудия (ст. 294 Уголовного кодекса РФ), в которой также отсутствует указание на способы совершения воспрепятствования [Рожнов 2012: 215]. При подобном подходе способ совершения преступления, если он является преступным сам по себе, независимо от совершения воспрепятствования, является основанием для квалификации преступлений по совокупности, за исключением причинения легкого вреда здоровью (ст. 115 Уголовного кодекса РФ). Однако представляется, что изложенный подход не соответствует формулировке рассматриваемых норм, где в каждом случае установлен запрет на воспрепятствование или вмешательство в какой бы то ни было форме. Такая конкретизация, по нашему мнению, препятствует квалификации по правилам идеальной совокупности преступлений, в том числе когда способ воспрепятствования (вмешательства) является преступным. В этой связи в целях повышения эффективности уголовно-правового запрета из диспозиций рассматриваемых норм необходимо исключить указание на преступное воспрепятствование в какой-либо форме, что позволит квалифицировать по совокупности преступления воспрепятствование (вмешательство), совершаемое самостоятельным преступным способом.

В главе 19 Уголовного кодекса РФ ответственность за воспрепятствование установлена в четырех статьях: 141, 144, 148, 149. В трех из них категория «воспрепятствование» содержится в наименовании (ст. 141, 144, 149). В ст. 141 Уголовного кодекса РФ предусмотрена ответственность за воспрепятствование осуществлению избирательных прав или работе избирательных комиссий. Термин «воспрепятствование» в диспозиции рассматриваемой нормы не раскрывается. В литературе под воспрепятствованием осуществлению избирательных прав или работе избирательных комиссий предложено понимать: создание препятствий, помех осуществлению избирательных прав [Ликов 2014: 222]; совершение различных действий (бездействий), мешающих гражданам реализовать свое избирательное право [Спиридонов 2018: 130]; внешние по отношению к избирательной комиссии действия, которые не затрагивают ее сути,

не меняют ее, но не дают такой деятельности осуществляться, в результате чего деятельность избирательной комиссии либо затруднена, либо невозможна [Лопашенко 2004: 594]. Общим для всех перечисленных позиций является результат совершения преступления – утрата избирателем возможности реализовать конституционное избирательное право. Такое нарушение возможно как путем физического воздействия, например, недопуска лица на избирательный участок (участок референдума), так и путем воздействия на свободное волеизъявление избирателя (участника референдума), а равно любая из перечисленных форм воздействия, осуществляемого в отношении кандидата голосования. В правоприменительной практике под воспрепятствованием осуществлению избирательных прав или работе избирательных комиссий понимаются как действия, так и бездействия, направленные на создание физических или психических препятствий в реализации избирательного права, как активного, так и пассивного. Результат такого деяния значения для квалификации не имеет. Как воспрепятствование осуществлению избирательных прав были квалифицированы действия М., который, будучи председателем избирательной комиссии, зная о состоявшемся решении суда о признании недействительным отказа в регистрации кандидата в депутаты, устранился от исполнения данного судебного акта, отказался принимать новый тираж бюллетени для голосования, в котором содержались данные ранее не зарегистрированного депутата [Приговор от 30.07.2017]. Как воспрепятствование осуществлению избирательных прав, сопряженное с подкупом, были квалифицированы действия Н., который с желанием помочь своему знакомому получить большинство голосов на выборах вложил не менее чем десять купюр в три газеты с агитационной информацией о кандидате и вручил вышеуказанные газеты с денежными средствами нескольким избирателям, при этом призывая голосовать их на выборах за указанного им кандидата [Приговор от 07.07.2011]. По п. а ч. 2 ст. 141 Уголовного кодекса РФ были квалифицированы действия Ж., которая, будучи одним из кандидатов на должность главы муниципального образования, поручила своему знакомому поговорить с ее основным соперником на выборах с целью убедить его снять свою кандидатуру. При этом такая «просьба» должна быть подкреплена угрозой причинения вреда его несовершеннолетнему сыну [Приговор от 21.01.2022].

В ст. 144 Уголовного кодекса РФ, устанавливающей ответственность за воспрепятствование законной профессиональной деятельности журналиста, указан способ воспрепятствования: деяние должно быть совершено путем принуждения к распространению либо к отказу от распространения информации, то есть противоправное деяние выполняется только в активной форме. В ст. 58 Закона РФ от 27.12.1991 № 2124-1 «О средствах массовой информации» категория «воспрепятствование» синонимична термину «ущемление». Ущемление раскрывается через указание на воспрепятствование. В указанной норме приводят и способы воспрепятствования: осуществление цензуры; вмешательство в деятельность и нарушение профессиональной самостоятельности редакции; незаконное прекращение либо приостановление деятельности средства массовой информации; нарушение права редакции на запрос и получение информации; незаконное изъятие, а равно уничтожение тиража или его части; принуждение журналиста к распространению или отказу от распространения информации; установление ограничений на контакты с журналистом и передачу ему информации, за исключением сведений, составляющих государственную, коммерческую или иную специально охраняемую законом тайну; нарушение прав журналиста, установленных настоящим Законом.

Однако, как справедливо указано в литературе, формы воспрепятствования указаны в ст. 58 Закона РФ «О средствах массовой информации», но при этом оговаривается, что они должны быть связаны с принуждением журналиста [Курсаев 2017: 52]. В изученных нами приговорах, вынесенных по ст. 144 Уголовного кодекса РФ, принуждение сопровождается физическим насилием (удары, причинение физической боли и т. д.) [Приговор от 01.06.2017; Постановление от 22.09.2020], либо повреждением имущества [Постановление от 09.12.2021].

В ст. 149 Уголовного кодекса РФ (воспрепятствование проведению собрания, митинга, демонстрации, шествия, пикетирования или участию в них) также содержится указание на принуждение, однако воспрепятствование и принуждение рассматриваются как самостоятельные способы выполнения объективной стороны преступления. Воспрепятствование проведению публичного массового мероприятия состоит в совершении действий, затрудняющих или не допускающих собрание, митинг, демонстрацию, шествие либо пикетирование, а также участие в данных мероприятиях. Как воспрепятствование следует рассматривать и деяния лиц, которые создают помехи в организации публичного массового мероприятия, направленные на срыв предполагаемых собрания, митинга, демонстрации, шествия или пикетирования [Вдовиченко 2015: 43].

В 22 главе Уголовного кодекса РФ категория «воспрепятствование» содержится в четырех составах. В ст. 169, открывающей главу о преступлениях в сфере экономической деятельности, воспрепятствование есть только в названии, в диспозиции же статьи приводятся способы такого воспрепятствования: неправомерный отказ в государственной регистрации индивидуального предпринимателя или юридического лица либо уклонение от их регистрации, неправомерный отказ в выдаче специального разрешения (лицензии) на осуществление определенной деятельности либо уклонение от его выдачи, ограничение прав и законных интересов индивидуального предпринимателя или юридического лица в зависимости от организационно-правовой формы, а равно незаконное ограничение самостоятельности либо иное незаконное вмешательство в деятельность индивидуального предпринимателя или юридического лица. Таким образом, в данном случае воспрепятствование реализуется в виде невыполнения своих должностных обязанностей (неправомерный отказ или неправомерное уклонение) и в любом противоправном вмешательстве в деятельность индивидуального предпринимателя или юридического лица. Способы воспрепятствования хотя и поименованы в диспозиции статьи, однако их перечень не является исчерпывающим, преступным является любое вмешательство в деятельность юридического лица или индивидуального предпринимателя, если они совершены с целью воспрепятствовать законной экономической деятельности. Основным

вопросом при квалификации деяния по ст. 169 Уголовного кодекса РФ является разграничение с должностными преступлениями, ответственность за которые предусмотрена в ст.ст. 285, 286 и 290 Уголовного кодекса РФ. Вопрос о возможности квалификации воспрепятствования и должностных преступлений по совокупности неоднократно поднимался в юридической литературе. Единства во взглядах ученых нет, убедительно аргументируются оба возможных варианта квалификации, как с применением правил идеальной совокупности [Гладких 2021: 36], так и невозможность такой квалификации [Казакова, Кораблева: 929]. Аналогичную дилемму мы видим и в судебной практике: в одних случаях суды указывают, что превышение должностных полномочий (ст. 285 Уголовного кодекса РФ) совершается путем вмешательства в законную экономическую деятельность, что позволяет квалифицировать деяния по совокупности [Приговор от 12.09.2016; Приговор от 10.01.2018], в других – суды указывают на отсутствие идеальной совокупности рассматриваемых преступлений и исключают ст. 169 Уголовного кодекса РФ из первоначального обвинения [Приговор от 06.06.2017г.; Приговор от 29.10.2018]. Представляется, что преступления, предусмотренные ст. 169 и ст.ст. 285, 286 Уголовного кодекса РФ, не могут образовывать идеальную совокупность преступлений. Преступление, предусмотренное ст. 169 Уголовного кодекса РФ, совершенное путем вмешательства в законную экономическую деятельность, может быть совершено только путем злоупотребления или превышения должностных полномочий, так как субъектом рассматриваемого преступления является должностное лицо. Указанное позволяет сделать вывод о том, что злоупотребление должностными полномочиями и их превышение является способом совершения воспрепятствования, что требует исключения самостоятельного состава воспрепятствования законной предпринимательской и иной деятельности из уголовного закона.

В ст. 185.4 Уголовного кодекса РФ установлена ответственность за воспрепятствование осуществлению или незаконное ограничение прав владельцев ценных бумаг. В диспозиции статьи перечисляются способы выполнения объективной стороны: незаконный отказ в созыве или уклонение от созыва общего собрания владельцев ценных бумаг, незаконный отказ регистрировать для участия в общем собрании владельцев ценных бумаг лиц, имеющих право на участие в общем собрании, проведение общего собрания владельцев ценных бумаг при отсутствии необходимого кворума, однако перечень таких деяний не является исчерпывающим, так как в диспозиции статьи содержится указание на иное воспрепятствование осуществлению или незаконное ограничение установленных законодательством РФ прав владельцев эмиссионных ценных бумаг либо инвестиционных паев паевых инвестиционных фондов.

Воспрепятствование как способ выполнения объективной стороны указано в ст. 185.5, которую можно отнести к одной из самых громоздких в уголовном законе. В данной норме воспрепятствование осуществляется путем внесения недостоверных сведений, а само воспрепятствование является способом фальсификации. Речь идет об интеллектуальном подлоге. Таким образом, данная статья устанавливает ответственность за создание фиктивного правового состояния, при котором формально корпоративные документы соответствуют требованиям закона, однако по содержанию являются порочными, так как воля лица не была направлена на достижение последствий, указанных в таких документах. Совершаются деяния в целях незаконного захвата управления в юридическом лице, а состав преступления является усеченной, фактически подготовительной стадией хищения чужого имущества путем обмана или злоупотребления доверием (ст. 159 Уголовного кодекса РФ).

В ч. 3 ст. 195 Уголовного кодекса РФ криминализировано воспрепятствование деятельности арбитражного управляющего либо временной администрации кредитной или иной финансовой организации. В диспозиции статьи содержится указание на то, что воспрепятствование должно быть незаконным. Установлена ответственность за любое незаконное воспрепятствование, однако содержится указание и на конкретные способы с применением «в том числе». Под незаконным воспрепятствованием деятельности арбитражного управляющего либо временной администрации кредитной организации понимается создание таких условий, которые не позволяют им в полной мере осуществлять свои функции [Методические рекомендации от 15.04.2013].

В судебной практике по ч. 3 ст. 195 Уголовного кодекса РФ в подавляющем, если не в абсолютном большинстве случаев квалифицируется не передача документов, установленных специальным законодательством о несостоятельности (банкротстве), а также не передача арбитражному управляющему имущества должника [Постановление от 09.09.2021; Постановление от 14.07.2021].

В новых нормах уголовного закона, принятых летом текущего года в связи с известными событиями (ст. 180.3 и ст. 280.4), установлен запрет на призывы к воспрепятствованию использования Вооруженных Сил РФ в названных в диспозиции статьи целях, а также к воспрепятствованию исполнения органами власти и их должностными лицами своих полномочий по обеспечению безопасности РФ. Установление содержания указанных норм вызывает некоторые сложности, учитывая, что категория «воспрепятствование» используется в них в качестве цели преступной деятельности. Представляется, что в ст. 280.3 и ст. 280.4 Уголовного кодекса РФ воспрепятствование представляет собой призывы к созданию любых препятствий, как физических, так и интеллектуальных, для обозначенной в диспозициях деятельности.

В главе 31 Уголовного кодекса РФ изучаемое понятие имеет два значения. В ст. 294 воспрепятствование содержится в наименовании нормы, из чего можно сделать вывод о том, что оно относится к признакам объективной стороны преступления, однако в диспозиции статьи речь идет о вмешательстве в целях воспрепятствования, что позволяет сделать вывод о том, что оно относится к признакам субъективной стороны. В юридической литературе такой законодательный прием подвергся справедливой критике, так как по смысловому значению указанные категории не совпадают, и поэтому в данном случае раскрытие «воспрепятствования» через термин «вмешательство» законодателем в контексте ст. 294 Уголовного кодекса РФ не верно, построено с нарушением правил юридической

техники и приводит к правоприменительным проблемам, проблемам квалификации [Кудрявцев 2021: 94]. Представляется, что данная позиция является верной. Вмешательство и воспрепятствование являются самостоятельными категориями. Воспрепятствование возможно осуществить как путем действия, так и бездействия, при этом оно направлено на достижение определенного результата – невозможность или существенное затруднение в реализации субъективного права. Вмешательство возможно только в активной форме, что следует из его лексического значения. Вмешательство – это непрошенное или насильственное участие в чужих делах, отношениях; действия, противоречащие самостоятельности или независимости другого [Ушаков]. В этой связи отождествление понятий является не верным с позиции юридической техники, имеет существенное влияние на правоприменительную практику. Так, в частности, невозможно привлечь к уголовной ответственности лицо, не отвечающее на правомерные запросы суда, так как данное деяние не совершается в пассивной форме и не может квалифицироваться как вмешательство в деятельность суда или органов предварительного расследования. Однако оно может привести к воспрепятствованию осуществлению правосудия, так как при неполучении такого ответа в срок могут быть нарушены сроки рассмотрения дела либо может быть вынесено не правомерное решение, что искажает саму сущность правосудия. В этой связи представляется, что отождествление категорий «воспрепятствование» и «вмешательство» недопустимо, так как это существенно сужает круг преступных деяний, ограничивая их исключительно активной формой поведения.

Воспрепятствование как цель преступного поведения, обозначенная в ст. 295 и 317 Уголовного кодекса РФ, предполагает совершение такого посягательства на жизнь сотрудника правоохранительного органа, которое препятствует дальнейшему осуществлению им своей профессиональной деятельности.

Таким образом, уголовно-правовая категория «воспрепятствование» имеет сложную правовую природу и не тождественное значение в различных нормах уголовного закона. Указанное приводит к существенным затруднениям в процессе применения уголовно-правовых норм. Представляется, что одним из основных направлений совершенствования российского уголовного законодательства должна стать унификация понимания и закрепления общих уголовно-правовых понятия, к которым, в том числе, относится и воспрепятствование, а именно необходимо:

- исключить из норм уголовного закона отождествление категорий «воспрепятствование» и «вмешательство»;
- как следствие реализации первого положения, воспрепятствование может являться конструктивным признаком исключительно объективной стороны деяния. Следовательно, из диспозиций уголовно-правовых норм следует исключить указание на воспрепятствование как на цель совершения преступления;
- в диспозициях Особенной части уголовного закона под воспрепятствованием понимать как активную, так и пассивную форму поведения.

Литература

- Вдовиченко К. Г.* Воспрепятствование проведению публичного массового мероприятия и принуждение к участию в нем (статья 149 уголовного кодекса Российской Федерации) / Вестник Краснодарского университета МВД России. - 2015. - № 1. - С. 42-44.
- Гладких В. И.* Воспрепятствования законной предпринимательской и иной деятельности: теоретико-прикладной анализ статьи 169 Уголовного кодекса Российской Федерации / Научный портал МВД России. - 2021. - № 2. С. 32-39.
- Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. Онлайн-версия. URL: <https://slovardalija.net/>
- Дубовиченко С. В., Карлов В. П.* Уголовная ответственность за воспрепятствование оказанию медицинской помощи: социальная обусловленность и критический анализ законодательных новелл / Вестник Волжского университета им. В. Н. Татищева. - 2019. - № 4. - С. 175-184
- Ефремова Т. Ф.* Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. М., 2000. Онлайн-версия. URL: <https://lexicography.online/explanatory/efremova/>
- Казакова В. А., Кораблева С. Ю.* Статья 169 Уголовного кодекса Российской Федерации – имитация защиты предпринимательской деятельности / Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. - 2020. - № 11. - Т. 4. - С. 919-935.
- Кассационное определение Девятого кассационного суда общей юрисдикции от 09.12.2021г. № 77-1843/202. URL: <https://www.v2b.ru/documents/opredelenie-devyatogo-kassatsionnogo-suda-obschey-urisdiktsii-ot-09/>.
- Кудрявцев В. Л.* Воспрепятствование осуществлению правосудия и предварительного расследования: проблемы законодательной техники и ее влияние на теорию и правоприменение / Евразийская адвокатура. - 2021. - № 6. - С. 93-99.
- Курсаев А. В.* Способы воспрепятствования законной профессиональной деятельности журналистов (статья 144 Уголовного кодекса Российской Федерации) / Юридическая наука и правоприменительная практика. - 2017. - № 3 (41). - С. 50-55.
- Ликов Т. А.* Объективная сторона воспрепятствования осуществлению избирательных прав или работе избирательных комиссий (статья 141 УК РФ) / Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. - 2014. - № 3. - С. 220-224.
- Лопашенко Н. А.* Уголовно-правовая охрана избирательных прав: оценка изменившегося законодательства / Научные труды Российской академии юридических наук в 3 т. М., 2004. Выпуск 4. Т. 2. – С. 592-597.
- Методические рекомендации по выявлению и пресечению преступлений в сфере экономики и против порядка

- управления, совершенных сторонами исполнительного производства, утв. ФССП России 15.04.2013г. № 04-4. Определение Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 22.09.2020г. № 77-2076/2020. СПС «Консультант Плюс».
- Определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 09.09.2021г. по делу № 88-22210/2021. Справочно-правовая система «Консультант Плюс».
- Определение Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 14.07.2021г. № 77-3230/2021. Справочно-правовая система «Консультант Плюс».
- Постановление Ленинского районного суда г. Чебоксары от 10.01.2018г. ГАС «Правосудие».
- Постановление Президиума Липецкого областного суда от 27.01.2012 № 44У-17/2012. Справочно-правовая система «Консультант Плюс».
- Приговор Автозаводского районного суд г. Тольятти Самарской области от 29.10.2018г., дело № № 1-350/18. ГАС «Правосудие».
- Приговор Новосибирского районного суда Новосибирской области от 30.07.2017г., дело № № 1-30/17. URL: <https://sud-praktika.ru/precedent/544525.html>
- Приговор Октябрьского районного суда г. Саратова от 06.06.2017г., дело №1-51/2017. ГАС «Правосудие».
- Приговор Сосногорского городского суда Республики Коми от 12.09.2016г. Дело № 1-142/2016. ГАС «Правосудие».
- Приговор Удорского районного суда Республики Коми от 07.07.2011г., дело № 1-35/2011. URL: http://infocourt.ru/car_udorasud-komi_komi_szfo/ug/1879149/delo-1-352011-prigovor-v-otnoshenii-ignatova-iv-po-p-a-ch2-st-141-uk-rf-s-naznacheniem-nakazaniya-v-.html.
- Приговор Фрунзенского районного суда г. Владивостока от 01.06.2017г., дело № 1-26/17. URL: <https://sud-praktika.ru/precedent/547768.html> (дата обращения 08.04.2022г.)
- Рожнов А. П. Актуальные вопросы применения ст. 294 УК РФ / Вестник Волгоградского университета. - 2012. - № 2. - С. 212-222.
- Спирidonov А. И. Уголовная ответственность за воспрепятствование осуществлению избирательных прав по законодательству России и Беларуси / Социально-политические науки. - 2018. - № 1. - С. 129-131.
- Эрднева Б. Б. Объективные признаки воспрепятствования оказанию медицинской помощи / Закон и право. - 2020. - № 6. - С. 116-118.

References

- Cassation ruling of the Ninth Cassation Court of General Jurisdiction dated 09.12.2021 No. 77-1843/202. Available from: <https://www.v2b.ru/documents/opredelenie-devyatogo-kassatsionnogo-suda-obschey-urisdiksiyi-ot-09/> (in Russian).
- Dubovichenko, S. V., Karlov, V. P. (2019). Criminal liability for obstructing the provision of medical care: social conditionality and critical analysis of legislative novels. Bulletin of the V. N. Tishchev Volga State University, 4, 175-184 (in Russian).
- Efremova, T. F. (2000). New dictionary of the Russian language. Explanatory-word-formation. Moscow, Online version. Available from: <https://lexicography.online/explanatory/efremova/> (in Russian).
- Erdneva, B. B. (2020). Objective signs of obstruction of medical care. Law and Right, 6, 116-118 (in Russian).
- Explanatory dictionary of the living Great Russian language by V.I. Dahl. Online version. Available from: <https://dal.slovaronline.com/> (in Russian).
- Gladkikh, V. I. (2021). Obstruction of legitimate entrepreneurial and other activities: theoretical and applied analysis of Article 169 of the Criminal Code of the Russian Federation. Scientific Portal of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2, 32-39 (in Russian).
- Kazakova, V. A., Korableva, S. Yu. (2020). Article 169 of the Criminal Code of the Russian Federation – imitation of the protection of entrepreneurial activity. Bulletin of St. Petersburg University. Pravo, 11, 4, 919-935 (in Russian).
- Kudryavtsev, V. L. (2021). Obstruction of justice and preliminary investigation: problems of legislative technique and its influence on theory and law enforcement. Eurasian Advocacy, 6, 93-99 (in Russian).
- Kursaev, A. V. (2017). Methods of obstructing the legitimate professional activity of journalists (Article 144 of the Criminal Code of the Russian Federation). Legal Science and law enforcement practice, 3 (41), 50-55 (in Russian).
- Likov, T. A. (2014). The objective side of impeding the exercise of electoral rights or the work of election commissions (Article 141 of the Criminal Code of the Russian Federation). Legal Science and Practice: Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 3, 220-224 (in Russian).
- Lopashenko, N. A. (2004). Criminal and legal protection of electoral rights: assessment of the changed legislation. Scientific works of the Russian Academy of Legal Sciences in 3 volumes, 4, 2, 592-597 (in Russian).
- Methodological recommendations for the identification and suppression of crimes in the sphere of economics and against the management procedure committed by the parties to enforcement proceedings, approved by the FSSP of Russia on 15.04.2013 No. 04-4 (in Russian).
- Resolution of the Presidium of the Lipetsk Regional Court of 27.01.2012 No. 44U-17/2012. Legal reference system "Consultant Plus" (in Russian).
- Rozhnov, A. P. (2012). Topical issues of application of Article 294 of the Criminal Code of the Russian Federation. Bulletin of the Volgograd University, 2, 212-222 (in Russian).

Spiridonov, A. I. (2018). Criminal liability for obstructing the exercise of electoral rights under the legislation of Russia and Belarus. *Socio-political Sciences*, 1, 129-131 (in Russian).

The resolution of the Leninsky district Court of Cheboksary dated 10.01.2018 of the GAS "Justice" (in Russian).

The ruling of the Eighth Cassation Court of General Jurisdiction dated 22.09.2020 No. 77-2076/2020. SPS "Consultant Plus" (in Russian).

The ruling of the First Cassation Court of General Jurisdiction dated 09.09.2021 in case No. 88-22210/2021. Legal reference system "Consultant Plus" (in Russian).

The ruling of the Sixth Cassation Court of General Jurisdiction dated 14.07.2021 No. 77-3230/2021. Legal reference system "Consultant Plus" (in Russian).

The verdict of the Avtozavodsky district Court of Togliatti, Samara region, dated 29.10.2018, case No. 1-350/18. GAS "Justice" (in Russian).

The verdict of the Frunzensky District Court of Vladivostok dated 01.06.2017, case No. 1-26/17. Available from: <https://sud-praktika.ru/precedent/547768.html> (in Russian).

The verdict of the Oktyabrsky District Court of Saratov dated 06.06.2017, case No.1-51/2017. GAS "Justice" (in Russian).

The verdict of the Sosnogorsk City Court of the Komi Republic dated 12.09.2016. Case No. 1-142/2016. GAS "Justice" (in Russian).

Vdovichenko, K. G. (2015). Obstruction of a public mass event and coercion to participate in it (Article 149 of the Criminal Code of the Russian Federation). *Bulletin of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 142-44 (in Russian).

Verdict of the Novosibirsk District Court of the Novosibirsk region dated 30.07.2017, case No. 1-30/17. Available from: <https://sud-praktika.ru/precedent/544525.html> (in Russian).

Verdict of the Udorsky District Court of the Komi Republic dated 07.07.2011, case No. 1-35/2011. Available from: http://infocourt.ru/car_udorasud-komi_komi_szfo/ug/1879149/delo-1-352011-prigovor-v-otnoshenii-ignatova-iv-po-p-a-ch2-st-141-uk-rf-s-naznacheniem-nakazaniya-v-.html (in Russian).

Citation:

Коренная А. А. Теоретико-прикладной анализ категории «воспрепятствование» в статьях Особенной части Уголовного кодекса РФ // Юрислингвистика. – 2023. – 27. – С. 56-62.

Korennaya A. A. (2023). Theoretical and Applied Analysis of the Category "Obstruction" in the Articles of the Special Part of the Criminal Code of the Russian Federation. *Legal Linguistics*, 27, 56-62.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0. License

Независимая антикоррупционная экспертиза в системе российского права

О. Л. Казанцева

Алтайский государственный университет

пр. Ленина, 61, 656049, Барнаул, Россия. E-mail: verwaltung@mail.ru

Научное исследование посвящено комплексному анализу института независимой антикоррупционной экспертизы в системе российского права. Актуальность темы обусловлена необходимостью совершенствования форм участия граждан в правотворческой деятельности органов публичной власти в целях профилактики коррупционных правонарушений. Антикоррупционная экспертиза – один из закрепленных в законодательстве превентивных механизмов борьбы с коррупцией в Российской Федерации, проводимый в отношении нормативных правовых актов органов государственной власти и местного самоуправления и их проектов. Независимая экспертиза проводится гражданами и юридическими лицами, аккредитованными в этих целях в Министерстве юстиции Российской Федерации, по своей инициативе и за свой счет. В статье анализируются нормативные правовые акты (федеральные законы и подзаконные акты Президента РФ, Правительства РФ, федеральных министерств), которыми регламентируется деятельность независимых экспертов, уполномоченных на проведение экспертизы нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов на коррупциогенность. В рамках исследования выявлены проблемы, с которыми сталкиваются независимые эксперты при проведении антикоррупционной экспертизы, выявлении коррупциогенных факторов, подготовке заключения по результатам независимой антикоррупционной экспертизы, при взаимодействии с органами публичной власти в случае расхождения мнений по вопросу наличия коррупциогенных факторов и предложены пути их решения. Прежде всего упор делается на разработку понятийного аппарата, непосредственно самой Методики проведения антикоррупционной экспертизы, позволяющей качественно и оперативно выявлять коррупциогенные факторы в нормативных актах и их проектах, а также на урегулирование на законодательном уровне ситуаций, часто встречающихся на практике и вызывающих неопределенность.

Ключевые слова: профилактика коррупции, антикоррупционная экспертиза, нормативные правовые акты, аккредитованные независимые эксперты, независимая антикоррупционная экспертиза.

Independent Anti-Corruption Expertise in the System of Russian Law

O. L. Kazantseva

Altai State University

61 Lenin St., 656049, Barnaul, Russia. E-mail: verwaltung@mail.ru

The research covers a comprehensive analysis of the institute of independent anti-corruption expertise in the system of Russian law. The relevance of the topic is determined by the need to improve the forms of participation of citizens in the law-making activities of public authorities in order to prevent corruption. Anti-corruption expertise is one of the preventive mechanisms enshrined in the legislation of the Russian Federation to curb corruption and carried out into regulatory legal acts of state and local government bodies and their projects. An independent examination is carried out by citizens and legal entities accredited for this purpose by the Ministry of Justice of the Russian Federation, on their own initiative and at their own expense. The article analyzes regulatory legal acts (federal laws and by-laws of the President of the Russian Federation, the Government of the Russian Federation, federal ministries), which regulate the activities of independent experts authorized to conduct an examination of regulatory legal acts and draft regulatory legal acts on corruption. The study has singled out the problems that independent experts face when conducting an anti-corruption examination, identifying corruption-causing factors, preparing an opinion on the results of an independent anti-corruption examination, when interacting with public authorities in case of divergence of opinions on the presence of corruption-causing factors, and has proposed ways to solve them. First of all, the emphasis is put on the development of the conceptual apparatus, the

methodology of anti-corruption expertise, which allows proficient and prompt identification of corruption-causing factors in regulations and their projects, as well as legislative control of situations are often encountered in practice and causing ambiguity.

Key words: corruption prevention, anti-corruption expertise, regulatory legal acts, accredited independent experts, independent anti-corruption expertise.

Борьбе с коррупцией, совершенствованию работы органов власти и усилий гражданского общества в данном направлении посвящено достаточно работ [Долотов, Крылова 2019; Макаров 2012; Ноздрачев 2007; Рафалюк 2012; Хабибуллин 2007]. Имеются исследования, связанные с процессом осуществления антикоррупционной экспертизы нормативных актов и проектов нормативных актов [Акчина, Евдокимов, Земцова 2017; Ананских, Труфанов 2013; Казанцева 2015; Кудашкин 2012; Ноздрачев 2007].

Особый акцент в них делается на превентивные меры борьбы с коррупцией, поскольку легче предотвратить совершение коррупционного правонарушения, чем работать над ликвидацией его разрушительных последствий.

Развитие антикоррупционного российского законодательства началось с Указа Президента РФ от 4 апреля 1992 г. «О борьбе с коррупцией в системе государственной службы», в соответствии с которым было запрещено госслужащим заниматься предпринимательской деятельностью, вводилась обязанность по представлению при назначении на руководящую должность декларации о доходах, движимом и недвижимом имуществе, вкладах в банках и ценных бумагах, обязательствах финансового характера. Впоследствии эти положения были положены в основу Федерального закона «О борьбе с коррупцией».

Важнейшим антикоррупционным международным актом является Конвенция ООН против коррупции от 31 октября 2003 года, которая определила виды коррупционных правонарушений, меры по предупреждению коррупции, обмену информацией и международному сотрудничеству, а также иные важные вопросы в области противодействия коррупции.

Действующий в настоящее время базовый Федеральный закон от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» в ст. 6 предусмотрел в качестве меры по профилактике коррупции антикоррупционную экспертизу, которой посвящен отдельный закон – Федеральный закон от 17.07.2009 № 172-ФЗ «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов» (далее – ФЗ № 172).

Несовершенство законодательства – одна из основных причин коррупции. За последнее время активизировалось законодотворчество в таких сферах, как административная, налоговая, земельная, бюджетная, уголовная, уголовно-процессуальная и пр. В 2021 году было принято 505 федеральных законов. Наблюдается ежегодный рост количества подзаконных нормативных актов, в частности постановлений, принимаемых Правительством РФ. Особенно это было очевидным в 2020 году в связи с распространением коронавирусной инфекции.

Правотворчество регионов и муниципальных образований следует тенденциям федерального уровня. Ежедневно разрабатываются и принимаются новые нормативные правовые акты, требующие изучения на предмет наличия в них коррупциогенных факторов. Мониторинг и анализ необходимы также действующим нормативным актам.

Одним из механизмов, рассчитанных на выявление и устранение коррупциогенных факторов, выступает антикоррупционная экспертиза, задача которой заключается в установлении нормотворческой ошибки, способствующей в дальнейшем злоупотреблениям со стороны субъекта, принимающего данный акт.

Антикоррупционная экспертиза – относительно новый вид экспертизы, направленный на выявление коррупциогенных факторов исключительно в нормативных правовых актах и их проектах, проводится при проведении правовой экспертизы и мониторинге применения названных правовых актов.

Субъектами антикоррупционной экспертизы выступают правотворческие органы, прокуратура РФ и федеральный орган исполнительной власти в области юстиции, а также физические и юридические лица, аккредитованные для этих целей Минюстом РФ, именуемые независимыми экспертами. Им сложнее всего разобраться в специфике антикоррупционного законодательства и подготовке заключения по результатам антикоррупционной экспертизы.

В соответствии с ч. 2 ст. 1 ФЗ № 172 коррупциогенными факторами являются положения нормативных правовых актов (проектов нормативных правовых актов), устанавливающие для правоприменителя необоснованно широкие пределы усмотрения или возможность необоснованного применения исключений из общих правил, а также положения, содержащие неопределенные, трудновыполнимые и (или) обременительные требования к гражданам и организациям и тем самым создающие условия для проявления коррупции.

Перечень коррупциогенных факторов закреплен в так называемой Методике проведения антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов, утвержденной Постановлением Правительства Российской Федерации от 26 февраля 2010 № 96 «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов».

Согласно данной Методике 11 коррупциогенных факторов разделены на две группы. К первой группе относятся коррупциогенные факторы, устанавливающие для правоприменителя необоснованно широкие пределы усмотрения или возможность необоснованного применения исключений из общих правил:

а) широта дискреционных полномочий – отсутствие или неопределенность сроков, условий или оснований принятия решения, наличие дублирующих полномочий государственного органа, органа местного самоуправления или организации (их должностных лиц);

б) определение компетенции по формуле «вправе» – диспозитивное установление возможности совершения государственными органами, органами местного самоуправления или организациями (их должностными лицами) действий в отношении граждан и организаций;

в) выборочное изменение объема прав – возможность необоснованного установления исключений из общего порядка для граждан и организаций по усмотрению государственных органов, органов местного самоуправления или организаций (их должностных лиц);

г) чрезмерная свобода подзаконного нормотворчества – наличие бланкетных и отсылочных норм, приводящее к принятию подзаконных актов, вторгающихся в компетенцию государственного органа, органа местного самоуправления или организации, принявшего первоначальный нормативный правовой акт;

д) принятие нормативного правового акта за пределами компетенции – нарушение компетенции государственных органов, органов местного самоуправления или организаций (их должностных лиц) при принятии нормативных правовых актов;

е) заполнение законодательных пробелов при помощи подзаконных актов в отсутствие законодательной делегации соответствующих полномочий – установление общеобязательных правил поведения в подзаконном акте в условиях отсутствия закона;

ж) отсутствие или неполнота административных процедур – отсутствие порядка совершения государственными органами, органами местного самоуправления или организациями (их должностными лицами) определенных действий либо одного из элементов такого порядка;

з) отказ от конкурсных (аукционных) процедур – закрепление административного порядка предоставления права (блага);

и) нормативные коллизии – противоречия, в том числе внутренние, между нормами, создающие для государственных органов, органов местного самоуправления или организаций (их должностных лиц) возможность произвольного выбора норм, подлежащих применению в конкретном случае.

Ко второй группе относятся коррупциогенные факторы, содержащие неопределенные, трудновыполнимые и (или) обременительные требования к гражданам и организациям:

а) наличие завышенных требований к лицу, предъявляемых для реализации принадлежащего ему права, – установление неопределенных, трудновыполнимых и обременительных требований к гражданам и организациям;

б) злоупотребление правом заявителя государственными органами, органами местного самоуправления или организациями (их должностными лицами) – отсутствие четкой регламентации прав граждан и организаций;

в) юридико-лингвистическая неопределенность – употребление неустоявшихся, двусмысленных терминов и категорий оценочного характера.

Анализ вышеуказанной Методики не позволяет ее отнести именно к акту, содержащему алгоритм, процедуру проведения действий, направленных на выявление коррупциогенных факторов. Она лишь закрепляет сам перечень коррупциогенных факторов, а толкование и применение этих норм осуществляет независимый эксперт самостоятельно.

Неурегулированность и неоднозначное толкование коррупциогенных факторов приводит к непониманию, в каком случае считать норму коррупциогенной, а в каком – нет. При отсутствии четких критериев независимый эксперт может надеяться исключительно на собственные профессиональные знания и опыт.

В этой связи представляется необходимым разработать четкий понятийный аппарат, с использованием которого будет разработана и внедрена новая Методика, позволяющая применить ее положения в деятельности независимых экспертов.

При определении объекта антикоррупционной экспертизы также возникают вопросы относительно нормативности правового акта. Не всегда определено можно сделать вывод о нормативном характере исследуемого правового акта. Независимому эксперту необходимо учитывать, что нормативный правовой акт: издается в установленном порядке уполномоченным органом публичной власти, иным органом или должностным лицом, содержит правовые нормы, обязательные для неопределенного круга лиц, рассчитанные на неоднократное применение, направленные на урегулирование общественных отношений либо на изменение или прекращение существующих правоотношений.

Это не единственное, что должен знать и уметь независимый эксперт. Он должен хорошо знать Методику проведения антикоррупционной экспертизы, сами коррупциогенные факторы, понимать, как их выявлять, как формулировать правовые нормы, чтобы они устраняли коррупциогенный фактор, ориентироваться в антикоррупционном законодательстве, разбираться в юридической терминологии.

Законодательство не содержит требований такого рода к независимому эксперту, но они ему необходимы в процессе осуществления своей экспертной деятельности.

Аккредитуемые эксперты взаимодействуют с разными органами государственной власти, местного самоуправления, органами прокуратуры. Однако механизм такого взаимодействия законодательно не урегулирован, что не способствует достижению целей введения такого общественного института как независимая антикоррупционная экспертиза.

Независимый эксперт должен понимать, в чем заключается его работа и какое место он занимает в системе субъектов, проводящих антикоррупционные экспертизы.

В целях определения направлений совместной работы органов публичной власти и институтов гражданского общества по борьбе с коррупцией, а также реализации одного из важнейших принципов организации

антикоррупционной экспертизы – сотрудничества названных субъектов, необходимо на законодательном уровне урегулировать формы такой совместной деятельности.

Площадкой для подобного рода взаимодействия могли бы стать как территориальные органы Минюста РФ, так и органы прокуратуры. Привлечение независимых экспертов к совместному проведению антикоррупционных экспертиз, рекомендации им нормативных правовых актов и проектов для проверки их на коррупциогенность, приглашение на круглые столы по обсуждению проблем, возникающих при проведении антикоррупционных экспертиз, выработка общих предложений по их решению – все это повысило бы значимость и, как следствие, активность независимых экспертов.

Полезным для независимых экспертов представляется обобщающий материал, подготовленный по итогам работы субъектов, проводящих официальную антикоррупционную экспертизу, и направленный им для учета в работе.

В целом правовой статус независимых экспертов нуждается в подробной регламентации. Зачастую после аккредитации независимые эксперты не знают, какие у них права, обязанности, куда и по какому вопросу они могут обратиться за консультационной помощью, в каких формах взаимодействовать с правотворческими органами, органами прокуратуры, юстиции, как разрешать возникающие конфликтные ситуации (например при отсутствии ответа от правотворческого органа на заключение по итогам антикоррупционной экспертизы, несогласии органов власти с позицией независимого эксперта о наличии коррупциогенного фактора и пр.).

Отсутствие определенности в решении вышеуказанных вопросов не позволяет институту независимой антикоррупционной экспертизы полноценно развиваться и занять свое достойное место в системе российского права.

Таким образом, предлагается продолжать принимать меры по совершенствованию антикоррупционного законодательства в данной сфере, а именно:

Во-первых, расширять информирование населения о возможности участия в проведении независимых антикоррупционных экспертиз нормативных правовых актов органов публичной власти и их проектов.

Во-вторых, повышать авторитет уже аккредитованных независимых экспертов в глазах общества и органов власти.

В-третьих, стимулировать и поощрять работу независимых экспертов, на которых возложена важная миссия – предупреждение коррупции в органах власти.

В-четвертых, оказывать консультационную и информационную поддержку органами прокуратуры и территориальными органами Минюста РФ независимым экспертам при проведении ими антикоррупционных экспертиз.

В-пятых, урегулировать законодательно формы и способы информационного взаимодействия независимых экспертов с правотворческими органами.

В-шестых, урегулировать законодательно формы и способы взаимодействия независимых экспертов с органами прокуратуры и территориальными органами Минюста РФ.

В-седьмых, определить условия работы независимых экспертов, регламентируя их права и обязанности с учетом специфики самого статуса эксперта и общественного характера его работы.

В-восьмых, усовершенствовать систему коррупциогенных факторов, предусмотрев открытый перечень, а также определить способы их устранения.

Литература

Акчина А. Н., Евдокимов К. Н., Земцова Е. С. Актуальные вопросы проведения органами прокуратуры антикоррупционной экспертизы муниципальных нормативных правовых актов / Юридическая наука: история и современность. – 2017. – № 4. – С. 155-158.

Ананских И. А., Труфанов А. Ю. Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и антикоррупционном мониторинге в сфере физической культуры и спорта / Мир политики и социологии. – 2013. – № 11. – С. 123-130.

Долотов Р. О., Крылова Д. В. Перспективы повышения эффективности института независимой антикоррупционной экспертизы / Журнал российского права. – 2019. – № 10. – С. 163-173.

Макаров А. В. Коррупция: опыт успешной борьбы Китая и реальность современной России / Государственная власть и местное самоуправление. – 2012. – № 3. – С. 13-21.

Казанцева О. Л. Независимая антикоррупционная экспертиза: оправдались ли ожидания? / Евразийская адвокатура. – 2015. – № 1. – С. 51-53.

Кудашкин А. В. Антикоррупционная экспертиза: теория и практика. Научно-практическое пособие. М., 2012.

Матковский С. В. Правовая природа антикоррупционной экспертизы / Российский следователь. – 2008. – № 24. – С. 27-30.

Ноздрачев А. Ф. Коррупция как правовая проблема в вопросах и ответах / Адвокат. – 2007. – № 10. – С. 34-49.

Рафалюк Е. Е., Власова Н. В. Юридическая наука в поиске правовых механизмов противодействия коррупции / Журнал российского права. – 2012. – № 7. – С. 43-68.

Хабibuлин А. Г. Коррупция как угроза национальной безопасности: методология, проблемы и пути их решения / Журнал российского права. – 2007. – № 2. – С. 45-50.

References

- Akchina, A. N., Evdokimov, K. N., Zemtsova, E. S. (2017). Actual issues of anti-corruption expertise of municipal regulatory legal acts by the prosecutor's office. *Legal science: history and modernity*, 4, 155-158 (in Russian).
- Ananskikh, I. A., Trufanov, A. Yu. (2013). On anti-corruption expertise of regulatory legal acts and anti-corruption monitoring in the field of physical culture and sports. *The world of politics and sociology*, 11, 123-130 (in Russian).
- Dolotov, R. O., Krylova, D. V. (2019). Prospects for improving the effectiveness of the Institute of independent anti-corruption expertise. *Journal of Russian Law*, 10, 163-173 (in Russian).
- Kazantseva, O. L. (2015). Independent anti-corruption expertise: did the expectations come true? *Eurasian Advocacy*, 1, 51-53 (in Russian).
- Khabibulin, A. G. (2007). Corruption as a threat to national security: methodology, problems and ways to solve them. *Journal of Russian Law*, 2, 45-50 (in Russian).
- Kudashkin, A. V. (2012). *Anti-corruption expertise: theory and practice. Scientific and practical manual*. Moscow (in Russian).
- Makarov, A. V. (2012). Corruption: the experience of China's successful struggle and the reality of modern Russia. *State power and local self-government*, 3, 13-21 (in Russian).
- Matkovsky, S. V. (2008). The legal nature of anti-corruption expertise. *Russian investigator*, 24, 27-30 (in Russian).
- Nozdrachev, A. F. (2007). Corruption as a legal problem in questions and answers. *Lawyer*, 10, 34-49 (in Russian).
- Rafalyuk, E. E., Vlasova, N.V. (2012). Legal science in search of legal mechanisms for combating corruption. *Journal of Russian Law*, 7, 43-68 (in Russian).
-

Citation:

Казанцева О. Л. Независимая антикоррупционная экспертиза в системе российского права // Юрислингвистика. – 2023. – 27. – С. 63-67.

Kazantseva O. L. (2023). Independent Anti-Corruption Expertise in the System of Russian Law. *Legal Linguistics*, 27, 63–67.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0. License

Виды связей, возникающих в механизме обеспечения надлежащего исполнения обязанностей участников уголовного судопроизводства

Е. Н. Петухов

*Алтайский государственный университет
пр. Ленина, 61, 656049, Барнаул, Россия. E-mail: petuchove@mail.ru*

В статье рассматривается проблема обеспечения исполнения обязанностей участников уголовного судопроизводства. Раскрывается элементная структура обеспечительного механизма, функционирование которого гарантирует надлежащее исполнение обязанностей участников уголовного судопроизводства. Определяется разнородность элементов, составляющих внутреннюю структуру рассматриваемого механизма обеспечения, и устанавливаются виды связей, возникающих между ними в ходе их взаимодействия. Оценивается значение этих связей для функционирования механизма обеспечения надлежащего исполнения уголовно-процессуальных обязанностей. Раскрываются формы проявления данных связей в ходе осуществления правообеспечительной деятельности властных субъектов по уголовным делам.

Ключевые слова: уголовный процесс, механизм обеспечения, обязанности, участники, связи.

Types of Legal Bonds Arising in the Mechanism of Ensuring the Proper Discharge of Duty by Participants in Criminal Proceedings

E. N. Petukhov

*Altai State University
61 Lenin St., 656049, Barnaul, Russia. E-mail: petuchove@mail.ru*

The article discusses the problem of ensuring the discharge of duty of participants in criminal proceedings. The article reveals the elementary structure of the security mechanism, functioning of which guarantees the proper discharge of the duty of participants in criminal proceedings. The heterogeneity of the elements that make up the internal structure of the security mechanism under consideration is determined and the types of bonds that arise between them during their interaction are established. The importance of these bonds for the functioning of the mechanism for ensuring the proper discharge of criminal procedural duties is assessed. The forms of manifestation of these bonds at implementation of the law-enforcement by the authorities in criminal cases are revealed.

Key words: criminal procedure, security mechanism, duty, participants, legal bonds.

В науке уголовного процесса установлено, что быстрое и точное исполнение предписаний законодателя в виде обязанностей гарантируется существованием и функционированием механизма обеспечения надлежащего исполнения обязанностей участников уголовного судопроизводства.

Под данным механизмом понимается внутренне согласованная и самодостаточная система взаимосвязанных на координационной основе и взаимообусловленных единой целью должностных лиц и органов государства, осуществляющих производство по уголовному делу, императивных норм уголовно-процессуального законодательства, устанавливающих предписания в виде обязанностей участникам уголовного процесса и средств-гарантий, совместное функционирование которых создает оптимальные и эффективные условия, обеспечивающие реальную возможность исполнения надлежащим образом участниками уголовного судопроизводства возложенных на них законодателем обязанностей [Петухов 2022: 39-40].

Из приведенного определения устанавливается, что механизм обеспечения надлежащего исполнения обязанностей участников уголовного судопроизводства функционирует посредством взаимодействия элементов, составляющих его внутреннюю структуру, в которую наряду с объективными элементами в качестве субъективного элемента входят невластные участники – носители обязанностей и властные субъекты, создающие необходимые условия для надлежащего исполнения данных обязанностей.

Применяя в исследовании обозначенных нами элементов механизма обеспечения надлежащего исполнения обязанностей участников уголовного судопроизводства системный анализ, мы приходим к выводу, что структура данного механизма обеспечения состоит из системы разнообразных и разноплановых элементов, находящихся друг с другом в прямых и косвенных взаимосвязях.

При этом определенные нами элементы внутренней структуры механизма обеспечения надлежащего исполнения обязанностей участников уголовного судопроизводства представляют собой самостоятельные правовые явления, даже системы (система норм, система субъектов, система средств). Соподчиненности здесь места нет, так как эти элементы обладают разнопорядковым характером. Иерархию из них не выстроишь, поэтому субординационная (вертикальная) связь между ними отсутствует.

Дальнейший анализ их взаимозависимости и взаимодействия приводит к выводу о том, что между ними существует функциональная связь, выражающая их взаимообусловленность и взаимную зависимость. Данная связь обеспечивает реальную жизнедеятельность объекта-системы, когда элементы объединяются для реализации определенной функции, которую может нести даже один из элементов, а другие его дополняют или обеспечивают ее выполнение. Также рассматриваемым элементам присуща координационная (горизонтальная) связь, которая выражается в согласовании и взаимодействии этих разных элементов на одном уровне, выполняющих различные функции [Алексеев 1975: 38-39]. Именно данные связи позволяют объединить такие элементы и действовать им как единый способ организации необходимых условий исполнения обязанностей участников уголовного судопроизводства. Взаимодействуя между собой в системе (механизме), они объединяются в одно целое для достижения единой цели (обеспечения надлежащего исполнения уголовно-процессуальной обязанности) и таким образом, функционируя, каждый элемент выполняет свое предназначение в механизме обеспечения – каждый «играет» свою организующую роль.

Таким образом, можно констатировать, что в качестве связей, возникающих между элементами механизма обеспечения надлежащего исполнения обязанностей участников уголовного судопроизводства, выступают два их вида: функциональная связь, выражающая их взаимообусловленность и взаимную зависимость; координационная (горизонтальная) связь, выражающаяся в согласовании и взаимодействии этих разных элементов, выполняющих различные функции на одном уровне.

Функционируя как целостная правовая конструкция в виде механизма обеспечения, элементы механизма образуют собой правообеспечительный процесс.

Результаты изучения судебной и следственной практики свидетельствуют о том, что в ходе осуществления правообеспечительной деятельности судом, прокурором, следователем и дознавателем по конкретным уголовным делам установленные нами выше связи между ними, а также их связи с другими невластными участниками уголовного судопроизводства проявляются в следующих формах:

1. Воздействие. Воздействие в сфере уголовного судопроизводства может быть взаимным, как запрещающего, так и обязывающего характера. Проявляется оно посредством акта-действия (решения) властного субъекта, в котором им определяется предписание подчиненному ему субъекту о безусловном совершении активных действий или воздержания от определенных действий, а также о претерпевании каких-либо ограничений прав, свобод или лишений чего-либо. Также воздействие может выражаться в форме просьбы невластного участника уголовного судопроизводства к властному о необходимости применения какого-либо средства-инструмента по делу. Так, согласно ч. 1 ст. 258 УПК РФ суд в ходе судебного заседания наделен законодателем властными полномочиями, посредством реализации которых он может оказывать на участников данного заседания достаточно эффективное воздействие. В частности, при нарушении порядка в судебном заседании, неподчинении распоряжениям председательствующего или сотрудника органов принудительного исполнения Российской Федерации лицо, участвующее в судебном заседании, предупреждается о недопустимости такого поведения, либо удаляется из зала судебного заседания, либо отключается от видео-конференц-связи на все время судебного заседания или на его часть, либо на него налагается денежное взыскание. В то же время в отдельных случаях в отношении властных субъектов со стороны не властных субъектов тоже может осуществляться воздействие. Например, в ситуации, когда потерпевший опасается угроз безопасности его жизни и здоровью со стороны обвиняемого или иных лиц, он обращается с письменным заявлением к следователю о применении в отношении него меры государственной защиты или уголовно-процессуальной меры безопасности, например, псевдонима, вследствие чего в процессуальных документах не приводятся подлинные данные о личности такого участника (ч. 9 ст. 166 УПК РФ). В этом воздействии, как мы наблюдаем, проявляются уголовно-процессуальные отношения участников уголовного судопроизводства, обусловленные корреспондирующими друг к другу парными правовыми категориями, их правами и обязанностями.

2. Противодействие. Содержанием такого вида связи может быть как противоправное, так и правоправное поведение субъектов уголовного судопроизводства. Любое из них будет воспрепятствовать активному действию, ограничивая его, либо бездействию, влияя на его прекращение. Примером первого является, например, действие в виде отказа прокурора удовлетворить ходатайство защитника подозреваемого об отводе дознавателя, в производстве которого находится уголовное дело, как заинтересованного лица в исходе дела. В данном случае акт-

действие прокурора противодействует законному действию защитника подозреваемого подавать такого рода ходатайства, однако он является законным, так как здесь актом-действием прокурора пресекается злоупотребление защитника этим правом, в связи с тем, что указанное основание отвода не подтвердилось (заинтересованность дознавателя в исходе дела была простым предположением защитника), то есть в действительности нет в наличии оснований для отвода дознавателя, установленных законодателем в ст. 61 УПК РФ. В качестве второго будет выступать, например, действие в виде подачи потерпевшим ходатайства о проведении допроса конкретного лица в качестве свидетеля, который может дать показания о причастности обвиняемого к совершенному в отношении потерпевшего преступлению. В данном случае правопривлекательное поведение потерпевшего пресекает бездействие властного субъекта, в производстве которого находится уголовное дело. Он будет обязан активизировать свои действия для надлежащего исполнения обязанности уголовного преследования путем избличения обвиняемого показаниями-доказательствами, полученными в ходе проведенного им следственного действия – допроса свидетеля.

3. Взаимодействие. Данный вид связи характеризуется способом взаимодействующих субъектов, обусловленным их индивидуальными свойствами. Например, для побуждения у гражданина мотивации выполнения им общественного долга путем содействия осуществлению правосудия в качестве присяжного заседателя государство его стимулирует, выплачивая ему за активное исполнение указанной обязанности финансовое вознаграждение (ст. 11 Федерального закона от 20.08.2004 № 113-ФЗ (ред. от 16.02.2022) «О присяжных заседателях федеральных судов общей юрисдикции в Российской Федерации»). Для побуждения обвиняемого к надлежащему исполнению обязательств, которые законодатель на него возлагает, когда с ним заключается досудебное соглашение о сотрудничестве, его стимулируют разъяснениями о наступлении в отношении него благоприятных последствий на этапе судебного разбирательства дела. В данном случае орган расследования создает обвиняемому благоприятные условия, способствующие исполнению обязательств путем выделения уголовного дела в отношении такого обвиняемого в отдельное производство (ст. 56.1 УПК РФ), а также применяя к нему меру пресечения, как правило, не связанную с содержанием в следственном изоляторе. Орган расследования и суд может применить в отношении такого обвиняемого и меры безопасности, указанные в ч. 3 ст. 11 УПК РФ, чтобы исключить негативное влияние и даже угрозы со стороны его соучастников в совершении преступлений. В свою очередь, правомерное поведение такого обвиняемого, добровольное и добросовестное исполнение им всех законных требований властных субъектов органов расследования в ходе рассмотрения и разрешения уголовного дела по существу приводит к его поощрению. Так, согласно ч. 5 ст. 317.7 УПК РФ по усмотрению суда такому подсудимому с учетом положений статей 64, 73 и 80.1 Уголовного кодекса Российской Федерации могут быть назначены более мягкое наказание, чем предусмотрено за совершенное им преступление, условное осуждение, или он может быть вообще освобожден от отбывания наказания.

В завершении, подводя итог изложенным рассуждениям, следует сделать вывод о том, что если должностные лица и органы государства будут обладать достаточными знаниями о круге и функциональности обеспечительных средств объективного и субъективного характера и содержании возникающих при их взаимодействии связей, то они в ходе осуществления правообеспечительной деятельности путем оптимального подбора указанных средств с учетом их взаимодополняющего эффективного соотношения смогут создать необходимые условия для надлежащего исполнения обязанностей участников уголовного судопроизводства, а затем и проконтролировать ход и результаты такого исполнения.

Литература

Алексеев С. С. Структура советского права. М., 1975.

Петухов Е. Н. Теоретические основы концепции гарантированного исполнения уголовно-процессуальных обязанностей / Проблемы теории и практики исполнения уголовно-процессуальных обязанностей: сборник статей XX Международной научно-практической конференции «Уголовно-процессуальные и криминалистические чтения на Алтае». – Вып. XVIII / под ред. С. И. Давыдова, Е. Н. Петухова, В. В. Полякова. – Барнаул, 2022. – С. 33-46.

References

Alekseev, S. S. (1975). The structure of Soviet law. Moscow (in Russian).

Petukhov, E. N. (2022). Theoretical foundations of the concept of guaranteed execution of criminal procedural duties.

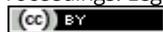
Problems of theory and practice of execution of criminal procedural duties: collection of articles of the XX International scientific and practical conference "Criminal procedural and criminalistic readings in Altai". Issue XVIII / edited by S. I.

Davydov, E. N. Petukhov, V. V. Polyakov, Barnaul, 33-46 (in Russian).

Citation:

Петухов Е. Н. Виды связей, возникающих в механизме обеспечения надлежащего исполнения обязанностей участников уголовного судопроизводства // Юрислингвистика. – 2023. – 27. – С. 68-70.

Petukhov E. N. (2023). Types of Legal Bonds Arising in the Mechanism of Ensuring the Proper Discharge of Duty by Participants in Criminal Proceedings. Legal Linguistics, 27, 68–70.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0. License

Актуализация статуса немецкого языка в условиях отсутствия категории государственного языка в законодательстве ФРГ

Е. И. Кожевникова

Пензенский государственный университет

ул. Красная, 40, 440000, Пенза, Россия. E-mail: katharina2178@mail.ru

Статья посвящена исследованию репрезентации статуса немецкого языка в законодательных текстах ФРГ федерального уровня в условиях отсутствия категории «государственный язык». Методология исследования основана на понимании номинативного аспекта речевой деятельности Е. С. Кубряковой, выделяющей два способа обозначения объектов: через номинацию и через предикацию. Целью исследования является определение того, какими основными функциями языковых выражений регламентируется роль немецкого языка в законодательстве (номинацией и/или предикацией) и какими языковыми средствами они реализуются. Задачи исследования: 1. Сделать выборку фрагментов нормативных правовых актов федерального уровня, относящихся к языковому законодательству. 2. Выделить номинации и/или предикации, используемые для актуализации ведущей роли немецкого языка. 3. Изучить структуру выделенных номинаций и/или предикаций. Материал исследования представлен фрагментами из Налогового и Коммерческого кодексов и следующих Законов: о судебной власти; об урегулировании потребительских споров; о нотариате; о правах лиц с ограниченными возможностями; о защите торговых марок; о ценных бумагах; о надзоре за страховыми компаниями; о пребывании на территории ФРГ. В теоретической части работы представлены определения категорий «государственный язык», «официальный язык», «номинация» и «предикация». Практическая часть работы посвящена анализу примеров из федерального законодательства. В заключении приводятся результаты исследования: ведущая роль немецкого языка в законодательстве ФРГ федерального уровня актуализируется посредством номинаций и предикаций; номинации репрезентированы как отдельными сложными словами, так и последовательностями слов, связанных между собой синтаксически; предикации представлены смысловыми глаголами в форме *Präsens Indikativ* (в придаточных условных предложениях), а также несколькими видами модальных конструкций.

Ключевые слова: номинация, предикация, государственный язык, официальный язык, статус языка.

Actualization of the German Language Status in the Absence of the State Language Category in the German Legislation

E. I. Kozhevnikova

Penza State University

40 Krasnaya St., 440000, Penza, Russia. E-mail: katharina2178@mail.ru

This article addresses the issue of the representation of the German language status in legislative texts of the Federal Republic of Germany in the absence of the category «state language». The research methodology is based on the E. S. Kubryakova's understanding of the nominative aspect of the speech activity, who distinguishes two ways of designating objects: both through nomination and predication. The aim of this paper is to determine main functions of linguistic expressions, which regulate the role of the German language in legislation (nomination and / or predication), and language means of their representation. Research objectives: 1) to make a selection of fragments of normative legal acts on the federal level related to language legislation; 2) to select the nominations and / or predications used to actualize the leading role of the German language; 3) to study the structure of selected nominations and / or predications. The material of this paper is presented by excerpts from the Fiscal code, Authentication law, Court constitution law, Law on the protection of brands and other marks, Law on alternative dispute resolution in consumer matters, Law on the residence, employment and integration of foreigners in Germany, Law on the supervision of insurance companies, Trading law, Disability equality act, Commercial

Code. In the theoretical part of the work, definitions of the categories «state language», «official language», «nomination» and «predication» are presented. The practical part of the paper addresses the analysis of excerpts from federal legislation. In conclusion, the results of the issue are presented: the leading role of the German language in the legislation of the Federal Republic of Germany is updated through nominations and predications; nominations are represented both by separate compound words and by sequences of words syntactically related to each other; predications are represented by semantic verbs in the form *Präsens Indikativ* (in conditional clauses) as well as several types of modal constructions.

Key words: nomination, predication, state language, official language, language status.

Введение

Каждое государство на законодательном уровне определяет язык (языки), используемые для коммуникации в официальных сферах, зачастую закрепляя за таким языком (языками) статус государственного.

На сегодняшний день в законодательстве ФРГ отсутствует категория «государственный язык», однако разработана законодательная инициатива по внесению соответствующей поправки в Конституцию и наделению немецкого языка статусом государственного [Ausarbeitung...], которая пока не ратифицирована.

Законодательство ФРГ федерального уровня отличается отсутствием как конституционного статуса немецкого языка, так и специализированных нормативных правовых актов в области языкового законодательства. Ведущая, первостепенная роль немецкого языка закрепляется в отдельных параграфах, регламентирующих обязательное употребление языка в официальных сферах. Всего таких упоминаний в законодательных текстах федерального уровня мы обнаружили свыше тысячи.

За основу исследования мы берем понимание номинативного аспекта речевой деятельности, предложенное Е. С. Кубряковой: «Средства языковой объективации личностных смыслов говорящего могут черпаться из двух универсальных сфер языка: синтаксиса и словаря. Первый предлагает правила вторичного означивания в рамках предикативных единиц, второй – сами единицы первичного означивания. <...> Синтаксис определяет модель предложения, характеризующуюся признаком предикативности <...>, либо признаком смысловой завершенности и отдельности» [Кубрякова 1986: 99]. Т. е. исследователь выделяет два способа обозначения объектов: через номинацию и через предикацию.

Цель нашего исследования – определить, какими основными функциями языковых выражений регламентируется ведущая роль немецкого языка в законодательстве ФРГ федерального уровня (номинацией и/или предикацией) и какими языковыми средствами они реализуются. Для этого необходимо решить следующие задачи: 1. Сделать выборку фрагментов нормативных правовых актов федерального уровня, относящихся к языковому законодательству. 2. Выделить номинации и предикации, используемые для актуализации ведущей роли немецкого языка. 3. Изучить структуру выделенных номинаций и предикаций.

Материал исследования представлен фрагментами из таких законодательных текстов, как Налоговый кодекс [Abgabenordnung...], Закон о судебной власти [Gerichtsverfassungsgesetz...], Закон об урегулировании потребительских споров [Gesetz über die alternative...], Закон о нотариате [Beurkundungsgesetz...], Закон о правах лиц с ограниченными возможностями [Gesetz zur...], Закон о защите торговых марок [Gesetz über den Schutz...], Закон о ценных бумагах [Gesetz über die Erstellung...], Закон о надзоре за страховыми компаниями [Gesetz über die Beaufsichtigung...], Закон о пребывании на территории ФРГ [Gesetz über den Aufenthalt...], Коммерческий кодекс [Handelsgesetzbuch...].

Теоретические основы исследования номинаций

В словаре социолингвистических терминов приводится следующее определение государственного языка (далее – ГЯ): «Язык, выполняющий интеграционную функцию в рамках данного государства в политической, социальной, экономической и культурной сферах, выступающий в качестве символа данного государства. Язык государственно-административных текстов, законов, распоряжений, обучения, массовой информации и др. <...>» [Словарь...: 47-48]. Таким образом, характерной особенностью государственного языка является его употребление во всех официальных сферах жизни общества.

Для российского законодательства категория государственного языка является основополагающей при проведении языковой политики государства, что закреплено в Конституции РФ [Конституция...], ФЗ «О государственном языке» [Федеральный Закон...], которые были рассмотрены нами ранее более подробно [Дубровская, Кожевникова 2020].

В западноевропейской социолингвистической традиции используются и другие номинации, например категория официального языка. Х. Клосс отмечает: «Если говорить об отдельных странах, картина выглядит более сложной, т. к. здесь мы встречаемся с дихотомией «государственный» и «официальный» язык. В Швейцарии четыре языка – немецкий, французский, итальянский, ретороманский – рассматриваются как государственные, но только первые три из них являются официальными» (*перевод с английского и немецкого здесь и далее мой – Е. К.*) [Kloss 1969: 25-26], т. е. наделение языков статусом официальных может быть использовано для актуализации ведущей роли того или иного языка.

Лексема «государственный язык» являет собой одну из номинаций, используемых для обозначения юридического статуса идиома в государстве. Языковой знак имеет две формы: внешнюю и внутреннюю. А. А. Гируцкий отмечает: «В лингвистике часто под планом выражения понимают только внешнюю (материальную) форму слова, а под планом содержания – значение слова, его смысл. В этом случае под внутренней формой слова понимают признак,

положенный в основу номинации при образовании значения слова» [Гируцкий 2003: 113]. В своей работе мы анализируем внешнюю форму языковых номинаций, в основу которых положен признак немецкого языка как языка общения в официальных сферах социального взаимодействия.

Е. С. Кубрякова выделяет два типа номинаций – класс слов в целом и класс производных и сложных слов – и отмечает: «Каждый тип единиц номинации характеризуется «своей» морфологией, отсюда возможное противопоставление морфологии флективной (для класса слов в целом) и морфологии деривационной (для класса слов производных и сложных слов)» [Кубрякова 1986: 99]. Этой классификации мы будем придерживаться в практической части работы.

Предикацию мы рассматриваем «как функцию предложения в целом, а ее показатели, «морфемы спряжения», – как принадлежность не глагола, а предложения» [Степанов 1990: 393]. В своей работе мы определяем структуру предикации и языковые средства, ее репрезентирующие.

Репрезентации роли немецкого языка: языковые средства

В результате исследования языкового материала, регламентирующего статус немецкого языка в официальных сферах, нами были выделены два способа актуализации его ведущей роли:

- номинация (как сложное слово и как последовательность слов);
- предикация.

Рассмотрим каждый из этих способов более подробно.

I.I Номинации – сложные существительные

Номинация **официальный язык (die Amtssprache)** употребляется в Налоговом кодексе:

(1) § 87 Amtssprache

1. Die Amtssprache ist deutsch.

2. Werden bei einer Finanzbehörde in einer fremden Sprache Anträge gestellt oder Eingaben, Belege, Urkunden oder sonstige Dokumente vorgelegt, kann die Finanzbehörde verlangen, dass unverzüglich eine Übersetzung vorgelegt wird. (§ 87 Abgabenordnung (AO))

Здесь ведущая роль немецкого языка актуализируется с помощью сложного существительного, имеющего два корня – *die Amtssprache*. В предложении прослеживается четкая тема-рематическая последовательность: официальный язык – это немецкий язык. Второй пункт примера также регламентирует ведущую роль немецкого языка, что репрезентирует обязательность предоставления перевода на немецкий язык документов, составленных на иностранных языках.

Язык судопроизводства (die Gerichtssprache) закреплен в Законе о судебной власти:

(2) Die Gerichtssprache ist deutsch. (§ 184 GVG)

Закон регламентирует статус немецкого языка как языка судопроизводства посредством номинации, актуализируемой сложным существительным, имеющим два корня (*die Gerichtssprache*).

Процессуальный язык (Verfahrenssprache) регламентируется в законе об урегулировании потребительских споров:

(3) § 12 Verfahrenssprache

1. Verfahrenssprache ist Deutsch. (§ 12 Verbraucherstreitbeilegungsgesetz – VSBG)

Номинация процессуального языка представлена как в заголовке, так и в первом пункте параграфа сложным существительным с двумя корнями *Verfahrenssprache*. В примере прослеживается четкая тема-рематическая последовательность: процессуальный язык – немецкий язык.

Язык документов (Urkundensprache) регламентируется в законе о нотариате:

(4) § 5 Urkundensprache

1. Urkunden werden in deutscher Sprache errichtet. (§ 5 Beurkundungsgesetz (BeurkG))

Номинация языка документов (нотариальных) представлена в заголовке параграфа сложным существительным с двумя корнями *Urkundensprache*. Роль именно немецкого языка как языка документов репрезентируется в первом пункте с помощью пассива действия смыслового глагола *errichten* в настоящем времени, лексема *Urkunden* играет роль подлежащего, а немецкий язык – роль обстоятельства в дательном падеже с предлогом (*in deutscher Sprache*).

Перейдем к рассмотрению номинаций, состоящих более чем из одного слова.

I.II Номинация – последовательность слов

С немецким языком жестов сопряжена категория **самостоятельного языка (eigenständige Sprache)**, употребляемая в законе о лицах с ограниченными возможностями:

(5) Die Deutsche Gebärdensprache ist als eigenständige Sprache anerkannt. (§ 6 Behindertengleichstellungsgesetz – BGG)

Пример посвящен регламентации статуса языка жестов как отдельного, самостоятельного языка. Во фрагменте прослеживается четкая тема-рематическая последовательность: немецкий язык жестов – самостоятельный язык (*die Deutsche Gebärdensprache – eigenständige Sprache*). Номинация представлена подчинительными словосочетаниями вида *прилагательное + существительное*.

Язык Ведомства по патентам и товарным знакам ФРГ и Федерального патентного суда (die Sprache vor dem Deutschen Patent- und Markenamt und vor dem Bundespatentgericht) регламентирован одноименным законом:

(6) Die Sprache vor dem Deutschen Patent- und Markenamt und vor dem Bundespatentgericht ist deutsch. Im übrigen finden die Vorschriften des Gerichtsverfassungsgesetzes über die Gerichtssprache Anwendung. (§ 93 Markengesetz – MarkenG)

Немецкий язык как язык отношений в сфере патентного права актуализируется номинацией *die Sprache vor dem Deutschen Patent- und Markenamt*, представленной сложноподчиненным словосочетанием вида *существительное (die Sprache) + предлог (vor) + прилагательное и существительное в дательном падеже (dem Deutschen Patent- und Markenamt)*. Во фрагменте прослеживается четкая тема-рематическая последовательность: язык ведомства по патентам и товарным знакам ФРГ и Федерального патентного суда – немецкий язык.

Категория **признанного языка (anerkannte Sprache)** употребляется в законе о ценных бумагах:

(7) *Anerkannte Sprache im Sinne des Artikels 27 der Verordnung (EU) 2017/1129 ist die deutsche Sprache. (§ 21 Wertpapierprospektgesetz – WpPG)*

Немецкий язык регламентируется как язык сферы эмиссии и хождения ценных бумаг, что актуализируется номинацией в форме подчинительного словосочетания вида *причастие прошедшего времени (anerkannte) + существительное (Sprache)*. Тема-рематическая последовательность здесь: признанный язык – немецкий язык.

Перейдем к рассмотрению актуализации статуса немецкого языка посредством предикаций.

II. Предикации

В Законе о надзоре за страховыми компаниями регламентируется ведущая роль немецкого языка как языка предоставления информации о пенсионном страховании:

(8) *Die nach diesem Abschnitt vorgeschriebenen Informationen über ein Altersversorgungssystem müssen 1. in deutscher Sprache gefasst sein <...>. (§ 234k Versicherungsaufsichtsgesetz – VAG)*

Роль немецкого языка как языка представления информации репрезентируется посредством дополнения в дательном падеже в предложении с предикатом в пассивном залоге модального глагола *müssen* (выражающего необходимость) и смыслового глагола *fassen* (**müssen in deutscher Sprache gefasst sein**), т. е. главенствующая роль немецкого языка актуализируется предикацией (пассивом модального глагола долженствования).

Владение немецким языком как обязательное условие для получения разрешения на бессрочное пребывание закреплено в Законе о пребывании на территории ФРГ:

(9) 1. *Die Niederlassungserlaubnis ist ein unbefristeter Aufenthaltstitel. <...>*

2. *Einem Ausländer ist die Niederlassungserlaubnis zu erteilen, wenn <...>*

7) *er über ausreichende Kenntnisse der deutschen Sprache verfügt <...>. (§ 9 Aufenthaltsgesetz – AufenthG)*

Немецкий язык как обязательное условие для получения бессрочного вида на жительство представлен придаточным условным предложением с союзом *wenn*, где выполняет роль дополнения в родительном падеже (*über die Kenntnisse der deutschen Sprache*). Обязательность владения немецким языком актуализируется посредством предиката в форме *Präsens Indikativ* смыслового глагола *verfügen* (**wenn die <...> Person verfügt**). Здесь ведущая роль немецкого языка актуализируется предикацией – придаточным условным предложением с предикатом в форме глагола *verfügen* в изъявительном наклонении в активном залоге настоящего времени.

Немецкий язык как язык финансовой отчетности представлен в Коммерческом кодексе:

(10) *Der Jahresabschluss ist in deutscher Sprache und in Euro aufzustellen. (§ 244 Handelsgesetzbuch)*

Актуализация немецкого языка как обязательного языка предоставления годового баланса организации осуществляется посредством предиката в форме модальной конструкции *sein + zu + Infinitiv* (выражающей «возможность или невозможность в более четкой, убедительной форме (имеет пассивное значение)» [Тагиль 2012: 199]) и смыслового глагола *aufstellen* в форме *Präsens Indikativ* (**ist in deutscher Sprache <...> aufzustellen**). Немецкий язык играет роль дополнения в дательном падеже.

Репрезентация немецкого языка как языка составления других форм бухгалтерской отчетности находит свое отражение и в другом параграфе Коммерческого кодекса:

1) *Die Mitglieder des vertretungsberechtigten Organs von Kapitalgesellschaften haben für die Gesellschaft folgende Unterlagen in deutscher Sprache offenzulegen:*

1. *den festgestellten oder gebilligten Jahresabschluss, den Lagebericht, die Erklärungen nach § 264 Absatz 2 Satz 3 und § 289 Absatz 1 Satz 5 und den Bestätigungsvermerk oder den Vermerk über dessen Versagung sowie*

2. *den Bericht des Aufsichtsrats und die nach § 161 des Aktiengesetzes vorgeschriebene Erklärung. (§ 325 Handelsgesetzbuch)*

Актуализация немецкого языка как обязательного языка составления бухгалтерской отчетности осуществляется предикатом в форме конструкции *haben + zu + Infinitiv* (имеющей «модальное (при этом активное) значение, выражает необходимость, принуждение, закон, при этом высказывание приобретает четкое, более убедительное значение» [Тагиль 2012: 199]) и смыслового глагола *offenlegen* (**haben <...> in deutscher Sprache offenzulegen**). Наименования видов обязательной отчетности представлены в виде однородных придаточных дополнительных предложений в винительном падеже.

Заключение

Основываясь на результатах проведенного исследования, можем сделать следующие выводы:

1. Ведущая роль немецкого языка в законодательстве ФРГ федерального уровня актуализируется посредством номинаций и предикаций.

2. Номинации репрезентированы как отдельными сложными словами (*Amtssprache, Gerichtssprache, Verfahrenssprache, Urkundensprache*), так и последовательностями слов, связанных между собой синтаксически (*eigenständige Sprache; die Sprache vor dem Deutschen Patent- und Markenamt und vor dem Bundespatentgericht; anerkannte Sprache*).

4. Предикации представлены смысловыми глаголами в форме *Präsens Indikativ* (в придаточных условных

предложениях), конструкциями *haben / sein + zu + Infinitiv* и конструкциями с модальным глаголом *müssen*. Перспективность исследования видится в дальнейшем изучении законодательных текстов, регламентирующих статус немецкого языка, с целью выявления других способов актуализации его статуса.

Литература

Гируцкий А. А. Введение в языкознание. М., 2003.

Дубровская Т. В., Кожевникова Е. И. Государственный язык, языковая ситуация и языковая политика: репрезентации в тексте Федерального закона «О государственном языке Российской Федерации» / Научный диалог. – 2020. – № 10. – С. 37-48.

Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 (с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020)). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/

Кубрякова Е. С. Номинативный аспект речевой деятельности. М., 1986.

Словарь социолингвистических терминов / отв. ред. В. Ю. Михальченко. М., 2006.

Степанов Ю. С. Предикация / Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. М., 1990. – С. 393-394.

Тагиль И. П. Грамматика немецкого языка. СПб., 2012.

ФЗ – О государственном языке Российской Федерации : Федеральный закон от 01.06.2005 № 53-ФЗ (последняя редакция). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_53749/

Abgabenordnung (AO). URL: [https://www.gesetze-im-internet.de/ao_1977/_87.html#:~:text=Abgabenordnung%20\(AO\),unverz%C3%BCglich%20eine%20%C3%9Cbersetzung%20vorgelegt%20wird.](https://www.gesetze-im-internet.de/ao_1977/_87.html#:~:text=Abgabenordnung%20(AO),unverz%C3%BCglich%20eine%20%C3%9Cbersetzung%20vorgelegt%20wird.)

Ausarbeitung. Sprache im Grundgesetz. 2. März 2006. URL: <https://www.bundestag.de/resource/blob/424326/4931dfaeefb45522c24c2a0842fb8569/wf-iii-064-06-pdf-data.pdf>

Beurkundungsgesetz (BeurkG). URL: https://www.gesetze-im-internet.de/keurkg/_5.html

Gerichtsverfassungsgesetz (GVG). URL: https://www.gesetze-im-internet.de/gvg/_184.html

Gesetz über den Schutz von Marken und sonstigen Kennzeichen (Markengesetz – MarkenG). URL: https://www.gesetze-im-internet.de/markeng/_93.html

Gesetz über die alternative Streitbeilegung in Verbrauchersachen (Verbraucherstreitbeilegungsgesetz – VSBG). URL: https://www.gesetze-im-internet.de/vsbg/_12.html

Gesetz über den Aufenthalt, die Erwerbstätigkeit und die Integration von Ausländern im Bundesgebiet 1) (Aufenthaltsgesetz – AufenthG). URL: https://www.gesetze-im-internet.de/aufenthg_2004/_9.html#:~:text=%C2%A7%209%20Niederlassungserlaubnis,%C2%A7%2047%20bleibt%20unber%C3%BChrt.

Gesetz über die Beaufsichtigung der Versicherungsunternehmen (Versicherungsaufsichtsgesetz – VAG). URL: https://www.gesetze-im-internet.de/vag_2016/_234k.html

Gesetz über die Erstellung, Billigung und Veröffentlichung des Prospekts, der beim öffentlichen Angebot von Wertpapieren oder bei der Zulassung von Wertpapieren zum Handel an einem organisierten Markt zu veröffentlichen ist (Wertpapierprospektgesetz – WpPG). URL: https://www.gesetze-im-internet.de/wppg/_21.html

Gesetz zur Gleichstellung von Menschen mit Behinderungen (Behindertengleichstellungsgesetz – BGG). URL: https://www.gesetze-im-internet.de/bgg/_6.html

Handelsgesetzbuch. URL: https://www.gesetze-im-internet.de/hgb/_244.html

Kloss H. Research possibilities on group bilingualism: a report. Quebec, 1969.

References

Abgabenordnung (AO). URL: [https://www.gesetze-im-internet.de/ao_1977/_87.html#:~:text=Abgabenordnung%20\(AO\),unverz%C3%BCglich%20eine%20%C3%9Cbersetzung%20vorgelegt%20wird](https://www.gesetze-im-internet.de/ao_1977/_87.html#:~:text=Abgabenordnung%20(AO),unverz%C3%BCglich%20eine%20%C3%9Cbersetzung%20vorgelegt%20wird) (in German).

Ausarbeitung. Sprache im Grundgesetz. 2. März 2006. URL: <https://www.bundestag.de/resource/blob/424326/4931dfaeefb45522c24c2a0842fb8569/wf-iii-064-06-pdf-data.pdf>

Beurkundungsgesetz (BeurkG). URL: https://www.gesetze-im-internet.de/keurkg/_5.html (in German).

Dictionary of sociolinguistic terms (2006). / ed. by V. Yu. Mihal'chenko. Moscow (in Russian).

Dubrovskaya, T. V., Kozhevnikova, E. I. (2020). State Language, Language Situation and Language Policy in Legislation: Representations in the Russian Federal Law «On the State Language of the Russian Federation». Nauchnyi dialog, 10, 37-48 (in Russian).

FL - On the state language of the Russian Federation: Federal Law of 06/01/2005 No. 53-FZ (last edition). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_53749/ (in Russian).

Gerichtsverfassungsgesetz (GVG). URL: https://www.gesetze-im-internet.de/gvg/_184.html (in German).

- Gesetz über den Aufenthalt, die Erwerbstätigkeit und die Integration von Ausländern im Bundesgebiet (Aufenthaltsgesetz – AufenthG). URL: https://www.gesetze-im-internet.de/aufenthg_2004/_9.html#:~:text=%C2%A7%209%20Niederlassungserlaubnis,%C2%A7%2047%20bleibt%20unber%C3%BChrt (in German).
- Gesetz über den Schutz von Marken und sonstigen Kennzeichen (Markengesetz – MarkenG). URL: https://www.gesetze-im-internet.de/markeng/_93.html (in German).
- Gesetz über die alternative Streitbeilegung in Verbrauchersachen (Verbraucherstreitbeilegungsgesetz – VSBG). URL: https://www.gesetze-im-internet.de/vsbg/_12.html (in German).
- Gesetz über die Beaufsichtigung der Versicherungsunternehmen (Versicherungsaufsichtsgesetz – VAG). URL: https://www.gesetze-im-internet.de/vag_2016/_234k.html (in German).
- Gesetz über die Erstellung, Billigung und Veröffentlichung des Prospekts, der beim öffentlichen Angebot von Wertpapieren oder bei der Zulassung von Wertpapieren zum Handel an einem organisierten Markt zu veröffentlichen ist (Wertpapierprospektgesetz – WpPG). URL: https://www.gesetze-im-internet.de/wppg/_21.html (in German).
- Gesetz zur Gleichstellung von Menschen mit Behinderungen (Behindertengleichstellungsgesetz – BGG). URL: https://www.gesetze-im-internet.de/bgg/_6.html (in German).
- Giruckij, A. A. (2003). Introduction to linguistics. Moscow (in Russian).
- Handelsgesetzbuch. URL: https://www.gesetze-im-internet.de/hgb/_244.html (in German).
- Kloss, H. (1969). Research possibilities on group bilingualism: a report. Quebec (in English).
- Kubryakova, E. S. (1986). Nominative aspect of speech activity. Moscow (in Russian).
- Stepanov, Ju. S. (1990). Predication / Linguistic Encyclopedic Dictionary / ed. by V. N. Jarceva. Pp. 393-394 (in Russian).
- Tagil', I. P. (2012). German grammar. St. Petersburg (in Russian).
- The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on 12/12/1993 (with amendments approved during the nationwide vote on 07.01.2020). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (in Russian)

Citation:

Кожевникова Е. И. Актуализация статуса немецкого языка в условиях отсутствия категории государственного языка в законодательстве ФРГ // Юрислингвистика. – 2023. – 27. – С. 71-76.

Kozhevnikova E. I. (2023). Actualization of the German Language Status in the Absence of the State Language Category in the German Legislation. *Legal Linguistics*, 27, 71–76.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0. License

Образ судьи в произведениях В. М. Шукшина

В. А. Скорев

*Сибирский институт бизнеса и информационных технологий
ул. 24 Северная, 196/1, 644116, Омск, Россия. Email: v.skorev@yandex.ru*

В статье рассматривается ряд произведений В. М. Шукшина, в которых фигурируют те или иные правовые коллизии, и присутствует для их разрешения судья. Целью исследования является обозначение отечественных традиций правосудия, институтов судебной власти, образа судьи как характерных для целостного мировоззрения человека, соответствующих национальной и правовой культуре и потому необходимых. На основании проведенного анализа автором сделан вывод о наличии проблемы малоизученности и недостаточной презентации правдивого образа судьи в современной отечественной литературе; привлекается внимание к изучаемому явлению.

Ключевые слова: художественный образ, осуждение, пороки, правовая культура, судья.

The Judge Figure in the Works of V. M. Shukshin

V. A. Skorev

*Siberian Institute of Business and Information Technologies
196/1, 24 Severnaya str., 644116, Omsk, Russia. Email: v.skorev@yandex.ru*

The article examines a number of works by V. M. Shukshin, in which certain legal conflicts appear, and a judge is present to resolve them. The purpose of the study is to identify domestic traditions of justice, judicial institutions, the judge figure as features of a holistic worldview of a person, typical of national and legal culture and, therefore, necessary. Based on the analysis, the author concludes that there is a problem of little-studied and insufficient presentation of the true-to-life figure of judge in modern Russian literature; attention is drawn to the phenomenon under study.

Key words: figure, condemnation, vice, legal culture, judge.

В декабре 2022 г. в России состоится X Всероссийский съезд судей. Это не просто юбилейное, это в большей части знаковое событие для органов судейского сообщества, правоохранительных органов в целом, всего российского общества. Среди вопросов, выносимых на обсуждение, – совершенствование судопроизводства и снижение бюрократии; гуманизация процесса; повышение престижа институтов судебной власти и суда присяжных; усиление этических требований к судьям. Эти ключевые направления называют даже очертаниями «правосудия будущего». В то же время необходимо помнить и о правовых традициях прошлого: традициях добросовестного и честного служения людям, обществу и государству. Переосмысление и защита таких традиций в настоящее время является одним из направлений государственной политики. Образы судей, художественные представления о судебной системе в целом по-прежнему остаются малоизученной частью отечественной литературы. Целью исследования является анализ образа судьи в произведениях алтайского писателя В. М. Шукшина. Предметом исследования явились произведения писателя, написанные в разные годы его творчества и опубликованные в различных изданиях.

Слово «суд», равно как и «судья», относится к категории архетипических, они являются для русской культурной и народной традиции одними из основополагающих. Без этих слов-категорий невозможно целостное мировоззрение и представление человека о себе и других, о своем месте в той или иной ситуации и мире в целом. В числе других таких категорий – Жизнь и Смерть, Человек и Любовь, Правда и Истина, Справедливость. Как обоснованно отмечено В. М. Русаковым, совокупность архетипов образует опыт предшествующих поколений, который наследуется новыми поколениями. Архетипы лежат в основе мифов, сновидений, символики художественного творчества [Русаков 2010]. «Суд» является одним из ключевых понятий не только русской культуры, правовой культуры, но и литературной традиции.

В основном, обращаясь к образам судей в отечественной литературе, следует отметить, что великие классики ее не могли обойти эту тему стороной. В своих произведениях образам судей уделяли большое внимание Н. И. Карамзин,

Л. Н. Толстой, М. Е. Салтыков-Щедрин. Во многом это связано с судебной реформой второй половины XIX века, введением институтов мирового судьи, присяжных заседателей, судебных приставов.

При написании предлагаемой статьи автор отнюдь не преследовал цель просто подвергнуть всестороннему анализу известные произведения писателя, ставшего народным и творившего спустя столетие. Прежде всего, имелось намерение показать неординарное, абсолютно нестандартное отношение писателя к своим героям, не всегда принимаемым (зачастую – осуждаемым) общественным мнением и окружающим социумом. Герои произведений зачастую странны, в чем-то юродивы, они ни на кого не похожи и выпадают из обыденной жизни.

Практически все произведения В. М. Шукшина – социальная драма, даже иногда бедствие. Писатель, режиссер, актер, сценарист постоянно доказывает обществу аксиому, которая всем давно известна, но никем не поддерживается: «В каждом человеке есть что-то хорошее, каждый заслуживает уважительного к нему отношения со стороны окружающих».

К его творчеству невозможно относиться без души, без эмоций и переживаний, поскольку он сам настолько любил, остро и волнительно переживал за своих героев, словно они его родные первенцы, требующие чуткого отношения, участия и постоянной, неусыпной опеки. Рассказы В. Шукшина – трагедии прощания отдельного человека с погружающимся в прошлое укладом жизни и связанными с ним привычками. Еще более сложно и противоречиво, и в деревне, и в городе, происходит установление нового уклада, новых отношений, вбирающих в себя нормы и черты современной жизни. Этот процесс имеет значительный, в конечном итоге общечеловеческий смысл. Неминуемость исчезновения существующих привычных отношений, изменения их в процессе общественно-исторических преобразований и технического прогресса для Шукшина закономерны.

Современный тому историческому периоду город привлекает колоссальную массу сельского населения, для которого этот процесс связан с неизбежными потерями существующих у них деревенских навыков, привычного семейного уклада, трудовых традиций. Для Василия Макаровича процесс оттока населения из сельской местности – личная трагедия. Он понимает, что в городе гораздо больше возможности для самореализации личности, но и осознает, что деревенский житель теряется в мегаполисе, срачивается с ним, становится его молекулой, мельчайшей пылинкой.

Шукшин демонстрирует и такие же неизбежные отрицательные явления нравственного порядка, которые сопровождают смену старого уклада новым порядком. Изображая замысловатое переплетение смешного и драматического, писатель предостерегает читателя и зрителя от поверхностного отношения к происходящему, от бездумного смеха, насмехательства.

Яркий тому пример – режиссерская и актерская работа Шукшина в киноповести «Калина красная». Осуждаемый всеми, никем не принимаемый бывший заключенный оказывается ранимым и чутким созданием. Он разговаривает с березами, называя их «сестричками», искренне любит землю и все, что с ней связано. Шукшин заставляет читателя полюбить, проникнуться всем сердцем к своему герою, который, казалось бы, не заслуживает ни уважения, ни соучастия, ни сострадания только потому, что он «асоциальный тип». И как можно его не полюбить! Этого побитого жизнью 40-летнего человека, который вырвался в город и желает «праздника», «разврата», предлагая официанту из ресторана «взлашматить» деньги, «заработанные на Севере». Да, он пьет, гуляет, угощает совершенно незнакомых людей шампанским и коньяком, нарядившись в потертый старый халат. Но сколько в нем ласки по отношению к еще мало знакомой, но уже любимой и желанной женщине, согласившейся с ним – зеком – встретиться и пригласившей его к себе в дом. Как много нежных слов Егор находит, обращаясь к Любе! Не каждый интеллигент, прошедший университетскую подготовку, знает подобные выражения и способен на такие чувства. И он без труда вызывает и у зрителя, и у читателя искреннюю и устойчивую симпатию [Русаков 2010]. Мы знаем, что Горе судим, за воровство, отсидел очередной срок и освобожден по его отбытию. «Видишь ли, малыш, если бы я жил три жизни, я бы одну просидел в тюрьме, другую – отдал тебе, а третью прожил бы сам – как хочу», – объясняет Егор таксисту. Но ни разу в его мыслях не встречается негативной оценки вынесенного ему однажды судебного приговора; в таком случае можно предположить, что приговор суда был персонально для него справедливым и обоснованным.

Следует заметить, что было весьма отважным шагом писателя именно в таком ракурсе представлять своих персонажей в 60-х и 70-х годах XX века. Смелые и нравоучительные рассказы и повести Шукшина были неким вызовом. С одной стороны, страну ожидало движение вперед, а с другой – Шукшин через чувства и переживания своих персонажей горько тосковал по уходящей в небытие настоящей и прошлой привычной жизни. Кроме того, писатель еще и демонстрировал самые лучшие человеческие качества у тех, кто не успевал или не хотел успевать приспособиться к новым требованиям и новой культуре.

Каждый рассказ Шукшина – своеобразный суд над лицемерием, ханжеством, недалекостью и высокомерием. К этому образу судьи, совестного суда, Шукшин обратился в «Калине красной». В красном углу – Николай-угодник, а прямо – подслеповатая старуха Куделиха. Этот суд вошел в сердце и жег медленным огнем душу. Этот судья открыл для героя и для читателя «чувство пути».

В. М. Шукшин далеко не детективных дел мастер, чтобы описывать показательные судебные заседания или «публичные порки», он судит иначе, и судьи его в основном не облачены в мантии. В большинстве своем сами герои Шукшина, являясь «чудиками», по-иному украшают мир, привносят в него идеи примирения с существующей действительностью и происходящим в стране, находят нестандартные варианты диалога и взаимодействия с окружающей их реальностью.

Лишь одно произведение писателя так и называется «Суд», но главные действующие лица в нем не представители соответствующих органов правосудия, а народ и сам автор произведения.

В этом рассказе Шукшин снова «судит» людские пороки. Совсем обыденный, часто происходящий в деревнях конфликт вынудил пострадавшего Ефима Валикова обратиться в суд по причине поджога новой бани соседкой Гребенщиковой. Автор всеми литературными средствами показывает читателю, что Ефим совершенно не скандальный человек. «Мне этот суд нужен... как собаке пятая нога». Конфликт развязала соседка своим бессовестным поведением: «Самовозгорание. И все!» [Шукшин URL]. Этим она довела всех, даже страхового агента, который настоял на суде. Само судебное заседание носило выездной характер («Суд выехал из района по другому случаю, более тяжелому, а заодно решили пристегнуть и это дело, погорельское. Судили в сельсовете... Шел Ефим на суд, как курва с котелком, - нервничал»). Судья представлен в образе молодого, но усталого мужчины («Отчего они так устают? Неужели судить трудно?»), жителя райцентра. Судья стороны слушал внимательно, кивал, предлагал сторонам примириться, встав в итоге на сторону Ефима. С таким справедливым решением Ефим согласился, называл судью справедливым, фронтовиком и ученым головой. По совету жены решил отблагодарить судью добрым кусом ядерного, запашистого сала с мяском и радовался, что судья тоже будет довольным. Но выгнал судья Ефима из сельсовета. Выгнал, и сам вышел. И крепко хлопнул дверью. Но предупредил, чтобы сало Ефим завернул и ушел побыстрей. Так и судья стал героем произведения, но с другим характером, с другим отношением к происходящему. Как и во всех произведениях автора, идет непримиримая борьба добра и зла. Свой нравственный выбор приходится делать Ефиму до суда, в ходе судебного разбирательства, а также по его окончании и при внепроцессуальной встрече с судьей.

Рассказ ценен и тем, что показывает работу судебной системы 70-х годов, влияние в ней общественного мнения, практику выездных судебных заседаний.

Эту ценность автор подчеркивает в рассказе «Мой зять украл машину дров!». Судебное заседание носило воспитательный характер («Суд был бурный. Он проходил в клубе – показательный»). Сельчане были на стороне Вени, «протестовали», обсуждали, защищали от предлагавшего Венке три года «представительного мужчины» – прокурора. Венка же «никогда на судах не бывал... Судья для него – судья». Автор не указывает, кто был судьей, мужчина или женщина, мы не знаем его возраста, манеры вести процесс. Но судья учел общественное мнение и «Вене вынесли приговор: два года условно». Трагичность последующих событий рассказа связана, конечно, с поведением в судебном заседании прокурора, но тем не менее приговор суда об условном осуждении был воспринят как справедливый и «за Веню радовались».

Представлены в произведениях В. М. Шукшина и судебные заседания с участием народных заседателей. Например, в рассказе «Как Андрей Иванович Куринков, ювелир, получил 15 суток». «... Ночь Андрей Иванович провел в вырезвители. Утром еще кое-как крепился, а когда их, человек двенадцать, повезли в закрытой машине в суд, сильно затосковал...». Судили три женщины, в понедельник, а по понедельникам, видимо, суд был более строгим, потому что «кто был тут не первый раз, выходили из комнаты, где вершился суд, изумленные. На вопрос «Сколько вломили?» - только махали рукой: - Под завязку». Хотя герой и пытался вести себя смело, просил «давать ему пятнадцать суток и разойтись, как в море корабли», все же строгий и серьезный взгляд женщины-судьи его пугал. Но строгость наказания за хулиганство в виде пятнадцати суток административного ареста для героя компенсировалась равным отношением судей ко всем хулиганам по понедельникам, когда назначали наказание по максимуму.

Судебное заседание с участием народных заседателей происходит и в повести «А поутру они проснулись». «И грянул суд. Судили три строгие женщины. Они сидели за столом, одна, похоже, главная, – в центре, две – по бокам, пожилая и молодая».

Следует отметить еще одну очень важную деталь, характеризующую все рассказы и повести В. М. Шукшина. Речь идет о «странных людях» или «чудиках». Без них практически ни один сюжет у писателя не складывается. Выше нами уже упоминалось то обстоятельство, что Шукшин почти не дает портретов своих героев, не рассказывает подробно об их прошлом, с ними, как правило, ничего особенного не происходит. Но Василий Макарович в своих произведениях стремится заставить читателя полюбить именно их, этих странных, «не от мира сего» людей, очаровавшись их простотой и непосредственностью. Писатель хорошо понимает, что на жизненном пути каждому из нас, к сожалению, встречаются не одни лишь «светлые души», борьба добра со злом остается напряженной. Именно в этой борьбе и участвуют шукшинские герои.

По замыслу автора они иногда вовсе не знают, за что борются, не понимают своей странности и чуждости, но тем не менее настойчиво продолжают вести свою бескровную борьбу. Зачастую эта борьба смешна, но обязательно каждый раз приводит читателя к значимым выводам. Вместе с тем любое судебное заседание, встречающееся у них на пути, не имеет и тени сатиры, это значимое событие в жизни героев и окружающего их общества и мироустройства.

В неумении преподнести и выразить себя, в том числе в проходящих судебных заседаниях, встречах с представителями судебной власти, во внешне смешном бунте простого человека, в его неподдельно искренней растерянности и доверчивости Шукшин показывает духовное содержание, отчаяние людей, не умеющих противостоять житейской злобе, необоснованному «наезду» и агрессивности. Следует заметить, что ни в одном из произведений особенные персонажи вовсе не идеализированы, но, несмотря на это, каждый его герой становится как бы родным для читателя.

Не сложно заметить, что В. М. Шукшин каждого из своих персонажей делает по-своему значимым. Несмотря на то, что писатель порой иронично посмеивается над главными героями своих произведений, он весьма уважительно, с почтением к ним относится. Встречающиеся в произведениях образы судей в целом помогают автору раскрыть героев, они также гуманны и человеколюбивы, соединены с народом и его отдельными героями. Происходящие судебные процессы и заседания, как правило, открыты, отношения с участниками судебных разбирательств

уважительные, выносимые решения справедливы. Читатель, в свою очередь, не надевая мантии, принимает посыл автора и передаваемые им нравственные ценности, человеколюбие и уважение человеческого достоинства, разделяет их и только после этого оценивает действия героев, примеряет возникающие оценки к той или иной, уже своей жизненной ситуации.

Литература

Русаков В. М. Архетипические категории (концепты) в дискурсе травелога / Дискурс-Пи. - 2010. - №1-2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/arhetipicheskie-kategorii-kontsepty-v-diskurse-traveloga>

Шукшин В. М. Калина красная. URL: <https://azbyka.ru/fiction/kalina-krasnaya/>.

Шукшин В. М. Суд. URL: <https://libking.ru/>

Шукшин В. М. Сельские жители. Рассказы. М., 1963.

References

Rusakov, V. M. (2010). Archetypal categories (concepts) in the discourse of travelogue. Discourse-Pi, 1-2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/arhetipicheskie-kategorii-kontsepty-v-diskurse-traveloga> (in Russian).

Shukshin, V. M. Kalina krasnaya. URL: <https://azbyka.ru/fiction/kalina-krasnaya/> (in Russian).

Shukshin, V. M. Court. Electronic resource. URL: <https://libking.ru/> (in Russian).

Shukshin, V. M. (1963). Rural residents. Stories. Moscow (in Russian).

Citation:

Скорев В. А. Образ судьи в произведениях В.М. Шукшина // Юрислингвистика. – 2023. – 27. – С. 77-80.

Skorev V. A. (2023). The Judge Figure in the Works of V.M. Shukshin. Legal Linguistics, 27, 77-80.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0. License

Речевая культура в профессиональной деятельности юриста: методические приемы обучения юридическому письму

С. В. Доронина

*Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
(Алтайский филиал)*

ул. Партизанская 187, 656008, Барнаул, Россия. E-mail: doroninasv73@mail.ru

В статье представлен опыт преподавания курса «Основы юридического письма» студентам направления «Юриспруденция». В основу преподавания положен анализ грамматических и речевых ошибок, допускаемых составителями текстов различных юрисдикционных жанров. Предпринятый функционально-направленный подход к обучению позволил установить, что трудности, испытываемые пишущими, зависят от типа речи порождаемого текста (повествование, рассуждение, описание). Таким образом, учебные задания курса разделены на три группы. Первая направлена на освоение правил построения грамматических моделей, присущих официально-деловой речи (именные, полупредикативные и пассивные конструкции). Вторая нацелена на освоение эффективных способов повествования об обстоятельствах правонарушения, формируя навыки составления протоколов допроса. Третья группа упражнений решает задачу освоения моделей рассуждения о причинно-следственной связи фактов и соотношении события правонарушения с правовыми нормами. Данный навык необходим при вынесении постановлений, приговоров, составлении судебных актов и пр. Отмечено, что описание как тип речи встречается при составлении протоколов осмотра предметов (документов) и обуславливает преимущественно речевые ошибки, связанные с отбором лексических средств.

Ключевые слова: официально-деловой стиль, юрисдикционный подстиль, язык права, тип речи, методика обучения русскому языку.

Speech Culture in the Professional Activities of a Lawyer: Methodological Techniques for Teaching Legal Writing

S. V. Doronina

Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation (Altai branch)

187 Partizanskaya Street, 656008, Barnaul, Russia. E-mail: doroninasv73@mail.ru

The article describes the experience of teaching the course "Fundamentals of Legal Writing" to students of the training program "Jurisprudence". The teaching is based on the analysis of grammatical errors made by compilers of texts of jurisdictional genres. The undertaken functional approach to learning made it possible to establish that, depending on the type of speech generated (narration, reasoning, description), writers experience various difficulties. Thus, the learning tasks of the course are divided into three groups. The first is aimed at mastering the rules for constructing grammatical models inherent to official business speech (nominal, semi-predicative and passive constructions). The second is aimed at mastering effective ways of narrating about the circumstances of the offense. The skills being formed are focused on compiling interrogation protocols. The third group of exercises is aimed at mastering models of reasoning about the causal relationship of facts and the relationship between the event of an offense and legal norms. This skill is necessary when issuing decisions, sentences, judicial acts, etc. It is noted that the description as a type of speech is found in drawing up protocols of inspecting objects or documents and accounts for mainly speech errors associated with the selection of lexical means.

Key words: official business style, jurisdictional substyle, the language of law, type of speech, methodology of teaching Russian language.

Владение грамотной письменной речью является одной из наиболее важных профессиональных компетенций будущего юриста. Многочисленные программы, учебные пособия и даже дистанционные курсы, направленные на организацию такой подготовки, в соответствии с заложенным в них главным методическим принципом могут быть условно разделены на две большие группы. Первую, наиболее многочисленную группу составляют методические разработки, последовательно отражающие системно-структурный подход к описанию языка и разъясняющие как общие принципы, так и наиболее трудные правила употребления языковых единиц разных языковых уровней. Методические пособия такого типа содержат свод правил, организованный по уровням языка, и упражнения для освоения этих правил (наиболее известный и авторитетный пример такого пособия – [Рахманин 1997]), либо перечень стилистически окрашенных языковых средств различных языковых страт (например [Леонтьева 2019]). Такой подход весьма эффективен для повышения общего уровня культуры речи юриста, безусловно, необходимого в его дальнейшей профессиональной жизни. Эффективное обучение студента по такой программе требует готовности к длительной учебной деятельности, которая продолжится и после окончания учебного заведения.

Второй подход можно назвать функциональным. При таком подходе разработке методики обучения предшествует наблюдение за разными видами профессиональной речевой деятельности (а вернее, за ее продуктами – текстами разных юрисдикционных жанров). Сама методика нацелена на освоение эффективных алгоритмов достижения коммуникативной цели (создания документов разных видов) и устранение наиболее частотных погрешностей, возникающих в ходе такой работы. Несомненным достоинством второго подхода является то, что в процессе коммуникативно-речевого тренинга учащийся не остается один на один с вопросом о том, какой набор из широкой палитры речевых средств ему стоит предпочесть для решения конкретной коммуникативной задачи, что безусловно повышает мотивацию учащегося к освоению знаний. Кроме того, для учащегося открывается более короткая образовательная траектория: за несколько учебных занятий он получает не только знания, но и практические навыки, применение которых сделает его профессионально успешным. Безусловно, такой подход имеет и существенный недочет: он порождает избыточную стандартизацию речевой деятельности, поскольку пишущий, следуя готовым образцам, не использует широкие возможности языка для самостоятельного построения оригинального текста.

Функционально-направленное обучение целесообразно проводить в режиме тренингов, рассматривая конкретные виды речевой деятельности на примере правовых документов определенных жанров. Вторая задача, которую решает функционально ориентированный курс, состоит в изучении наиболее сложных вопросов грамматики, которые порождают наибольшее количество ошибок в профессиональной сфере в данное время. Безусловно, такой подход к преподаванию требует предварительного достаточно глубокого погружения преподавателя-филолога в ту сферу профессиональной коммуникации, которая выступает «заказчиком» образовательной услуги. В основу курса, представляемого в данной работе, положены исследования языка документов, составляемых помощниками судей судов Алтайского края (протоколы судебных заседаний, судебные решения), следователями Следственного комитета (протоколы допросов, постановления), специалистами отдела по работе с обращениями граждан УМВД РФ по Алтайскому краю (ответы на запросы граждан).

Учебный лингвистический курс для будущих юристов предполагает работу с текстами, принадлежащими юрисдикционному подстилю официально-делового стиля речи. Их стилистические признаки хорошо изучены и более или менее однообразно представлены в научных источниках. В частности, считается, что юридическим текстам присущи точность, строгость и сдержанность изложения, констативность и предписательность, официальность, стандартизированность, краткость [Жеребило 2010, Колтунова 2005, Ивакина 1997, Губаева 2010 и мн. др.]. Задача обучающегося – овладеть лексико-грамматическими правилами, позволяющими создать текст, который обладает всеми названными признаками. Таким образом, первый раздел учебного курса должен быть посвящен выработке навыков владения книжно-письменной речью, главными признаками которой являются деагентивность и именной характер грамматических структур. Для решения данной задачи эффективно работает принцип противопоставления книжно-письменных стилей (к которым, помимо официально-делового, относится и научный) и устно-разговорной речи, глагольной по своему характеру.

Функционально-направленный курс, по нашему мнению, должен включать два типа учебных заданий: упражнения, ориентированные на наблюдение за способами построения полипредикативных синтаксических конструкций в текстах юрисдикционных жанров, и трансформационные упражнения на конструирование стилистически окрашенных синтаксических конструкций по заданным моделям. Например, в контексте

Решением и. о. Рыбинского городского прокурора от 8 апреля 2020 года определение заместителя Рыбинского городского прокурора от 20 марта 2020 года об отказе в возбуждении дела об административном правонарушении, предусмотренном ч. 1 ст. 5.61 Кодекса об административных правонарушениях Российской Федерации, в отношении ФИО1 оставлено без изменения [URL].

обнаруживаются именные конструкции *решением прокурора, отказ в возбуждении дела, предусмотренном КоАП РФ*, выраженные с помощью отглагольных существительных и причастного оборота, за счет чего оказывается возможным построение распространенного предложения с одной грамматической основой *определение оставлено*. За наблюдениями следуют упражнения, требующие трансформации связного текста нейтральной стилистической окраски в юридический текст путем использования полипредикативных конструкций с одной грамматической

основой. Например, составить правовой документ из текста нейтрального стиля, сообщающего о следующих событиях: (1) ФИО1 оскорбил ФИО2; (2) ФИО2 написал заявление в полицию, чтобы она возбудила дело об административном правонарушении, (3) которое предусмотрено частью 1 статьи 5.61 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях. Следующим этапом обучения является написание фрагмента правового текста по предложенной фабуле, в котором необходимо не только использовать данный стилиобразующий прием, но и выбрать оптимальное членение текста на предложения, так чтобы избыточное количество второстепенных членов в конструкции не являлось препятствием к пониманию. Пример такой погрешности видим в следующем контексте:

**при организации коллективной охоты ответственное за ее проведение лицо обязано составить фамильный список участников коллективной охоты установленного Алтайкрайохотуправлением образца, заверенного печатью райохотнадзора или охотпользователя, одновременно являющегося и листком инструктажа о безопасности производства охоты, с указанием даты проведения охоты, вида охотничьего животного и номера разрешения на его добычу, а также номеров охотничьих билетов и разрешений на охотничье оружие у участников охоты [URL].*

При изучении стилиобразующих черт юрисдикционных текстов мы также обращаем внимание учащихся на деагентивный характер речи, требующий навыка построения пассивных конструкций. Ср.:

Поскольку в Ваших билетах для проезда в общественном городском транспорте (автобусе) не указаны все вышеперечисленные реквизиты, отделом пенсионного обслуживания ЦФО был подготовлен запрос в адрес Главного центра специальных перевозок МВД России о правомерности оплаты проезда автобусом.

Как известно, пассивные конструкции могут быть построены с помощью трех грамматических форм: страдательных причастий настоящего и прошедшего времени и возвратного глагола в личной форме. Выбор формы зависит от выражаемых значений вида и времени: *решение принимается* – *решение неоднократно принималось* – *решение было принято*. При этом формы возвратных глаголов способны выражать не только значение пассивного залога, но и лексико-грамматическое косвенно-возвратное значение. Поэтому лексемы *направляться, представляться, отмечаться, возвращаться, готовиться, защищаться* и пр. в контексте, содержащем одушевленный субъект, порождают двусмысленность. Ср.:

письма направляются – страдательный залог;

группа направляется – возможно как значение пассивного залога, так и косвенно-возвратное значение активного действия.

Особенно часто двусмысленность возникает в конструкциях дополнительной предикативности, когда от возвратного глагола образуется причастие: *группа, направляющаяся...; клиент, защищающийся...* Во избежание возникновения двусмысленных конструкций мы намеренно упрощаем систему средств выражения пассивного залога, предлагая студентам избегать употребления причастных форм, образованных от возвратных глаголов. Данную рекомендацию мы закрепляем упражнениями трансформационного типа: *пациент направляется на обследование при наличии полиса ОМС – пациент, направляемый (не *направляющийся) на обследование, обязан предоставить полис ОМС.*

Большую практическую и теоретическую проблему представляет вопрос о включенности специалиста-филолога в обучение студентов направления «Юриспруденция» различным жанрам официально-деловой речи. Поскольку содержание и композиционная структура большинства юрисдикционных документов регламентированы нормативно-правовыми актами различных уровней, лексический состав и терминология документов также определяются характером фиксируемой ими правовой коллизии, главной задачей преподавателя-лингвиста становится организация речевого тренинга, формирующего навык построения цельного, связного текста, который отвечает коммуникативным задачам и имеет необходимую стилистическую окраску.

Жанры юрисдикционного подстиля официально-деловой речи весьма многообразны и описываются разными способами. Наиболее известна схема внутрестилевой дифференциации, соответствующая трехчленному делению государственной власти: 1) сфера законодательства – законодательный подстиль; 2) сфера правосудия – юрисдикционный подстиль; 3) сфера управления – административный подстиль [Жеребило 2009: 245]. По мнению автора, подстили определяются сферой функционирования документа и различаются в первую очередь особым лексическим составом.

Другие классификации описывают юрисдикционные жанры, исходя из их конституирующих признаков, – формы речи (устная/письменная), речевой цели (информирование/волеизъявление) и социального статуса говорящего. В большинстве исследований выделяются три группы речевых жанров: волеизъявления субъекта с более высоким социальным статусом в адрес субъекта, статус которого ниже (называемые в работах предписаниями), волеизъявления лица с более низким социальным статусом в адрес более значимого субъекта (называемые ходатайствами), информирования (именуемые осведомлениями) [Дускаева, Протопопова 2014: 152; Петрова 2013: 85]. С нашей точки зрения, такой способ описания жанров более информативен для организации учебного курса, поскольку в зависимости от формы речи и избираемой речевой цели в текстах меняется синтаксис изложения и, следовательно, виды допускаемых пишущими речевых погрешностей. По причинам, упомянутым выше, в основу обучения мы кладем не понятие жанра, а категорию типа речи (повествование, рассуждение и описание). Во-первых, потому что тип речи в большей степени определяет языковое своеобразие юридического текста, а во-вторых, потому что современные юрисдикционные жанры часто используют несколько типов речи в разных комбинациях (наиболее ярким примером могут служить решения суда, в которых встречаются все три типа речи в разных композиционных частях текстов). Подход, ориентированный на обучение разным типам речи, показывает высокую эффективность,

поскольку, помимо традиционных вопросов грамматики, позволяет обсудить со студентами и специфические вопросы стилистики юридического текста.

Повествование о событии преступления встречается в протоколах допросов и производных от них документах (постановлениях, судебных решениях). При этом перед лицом, проводящим допрос, стоит задача перевода устной речи допрашиваемого в письменную, что требует радикальной синтаксической перестройки текста. Если борьба с разговорностью не завершается успехом, то протокол приобретает черты телеграфного стиля, включающие множество простых нераспространенных предложений без выраженной логической связи между ними. Ср.:

**На третий день он предложил Саше снова залезть на участок и похитить металл, он взял несколько труб. Когда они шли на металлоприемку к Клопову, по пути встретили Валентину Михайловну, маму Саши. Они сказали, что идут на металлоприемку, та пошла с ними, и попросила Клопова принять металл, так как он принадлежит ей. Они сдали металл, за сколько, не помнит, деньги разделили. Конкретно, в какой день, что они сдавали из металла, не помнит [URL].*

Следовательно, обучение фиксации событий нацелено на устранение монотонности повествования за счет употребления именных выражений, использования дополнительной предикативности и актуализации логических отношений между семантическими частями текста. Например, так можно исправить грамматические погрешности повествования с помощью указанных выше средств:

**Был вечер. Они вышли на улицу, прошли к указанному месту на соседнюю улицу [URL]. – Дождавшись наступления вечера, они прошли на соседнюю улицу к указанному месту.*

**На третий день он предложил Саше снова залезть на участок и похитить металл, он взял несколько труб [URL]. – На третий день по предложению ФИО они с Сашей вновь проникли на участок и вынесли оттуда несколько металлических труб.*

С помощью специальных упражнений мы стараемся продемонстрировать возможности логического членения текста путем выражения менее значимых эпизодов события с помощью полупредикативных конструкций и придаточных предложений. О необходимости такой работы свидетельствуют многочисленные неудачные ответы студентов, выполнявших учебное задание по составлению протокола допроса подозреваемого:

**(1) Он был в возбужденном состоянии и сильно ударил в дверь ногой. Видимо, замок в двери был не полностью заперт, потому что дверь открылась.*

**(2) Подойдя к дому, подозреваемый никого не нашел. После чего ударил ногой в дверь, она открылась.*

**(3) Он был в возбужденном состоянии, ударяв при этом ногой дверь. Видимо, замок в двери был не полностью заперт, и дверь открылась.*

В ответах (1) и (2) попытки свертывания менее значимых пропозиций контекста отсутствуют, что делает текст невыразительным, монотонным. В предложении (3), также неудачном, с помощью полупредикативной конструкции *ударяв ногой в дверь* выражен ключевой момент события – действие, позволившее подозреваемому проникнуть в квартиру, а функцию сказуемого выполняют глагольные формы, сообщающие о второстепенных событиях (*замок был не заперт, дверь открылась*). Тем самым фокус повествования смещается с главных событий на второстепенные. В наиболее успешном варианте правки (4) с помощью личной формы глагола сообщается об осуществленном правонарушении, а причины, способствовавшие этому, выражены с помощью причастного и деепричастного оборотов:

(4) Гражданин К. выбил плохо закрытую дверь ногой, находясь в состоянии аффекта.

Профессиональная установка юристов на максимально подробную фиксацию обстоятельств преступления часто проявляется в стремлении описать все детали события внутри одного предложения. При этом для сообщения об эпизодах правонарушения в их хронологической последовательности грамматические конструкции выбираются спонтанно, без учета их коммуникативной значимости. Ср.:

**Придя на участок, он похитил трубу примерно 2 м и несколько таких же листов 1х0,5 м, а Саша похитил сетку-рабицу с уголками, которые они снова сдали на металлоприемку Клопову, получив деньги, которые разделили [URL].*

В данном предложении последовательность действий *похитить – сдать – получить деньги – разделить* выражается с помощью чередующихся определительных придаточных и деепричастных оборотов, казалось бы, типичных для официальной речи. Однако неумелое использование этих стилистических средств порождает внутри одного предложения сразу две грамматические ошибки: контактное расположение существительного и союзного слова, создающее неоправданную грамматическую связь (*с уголками, которые* вместо *несколько листов и сетку, которые*), и недопустимое присоединение придаточного определительного к деепричастному обороту. В юридических документах можно встретить различные, порой непредсказуемые комбинации грамматических недочетов, которые не устраняются исключительно с помощью грамматических упражнений на материале отдельных предложений, а требуют длительной работы над стилем текста. Поэтому начинающим авторам мы даем общую рекомендацию строить предложения не слишком большой длины, так чтобы их структура легко могла быть проверена самим пишущим. Например, представленное выше предложение может быть исправлено путем разбиения на два более простых:

Проникнув на участок, он похитил трубу длиной около 2 м и несколько листов 1х0,5 м, а Саша похитил сетку-рабицу с уголками. Похищенное имущество они снова сдали в металлоприемку Клопову и разделили между собой полученные деньги.

Постановлениям, приговорам, судебным актам и прочим документам, содержащим волеизъявления, присущи следующие языковые особенности. Все они имеют цитатный характер, поскольку включают распространенные

фрагменты нормативных документов, положенных в основу решения. Данные тексты составлены из сложноподчиненных предложений, выражающих разные типы синтаксической связи, преимущественно целевую и причинно-следственную. Наконец, в силу высоких требований к точности и информативности изложения данные предложения имеют значительную синтаксическую глубину, то есть представляют собой длинные цепочки синтагм, соединенных подчинительными связями, что является следствием речевой компрессии – стремления к максимальной информативности текста при максимальной лаконичности изложения [Колтунова 2005, Кушнерук 1999, Рахманин 1997, Маркова 2018]. Ср.:

Однако, в период времени с ДД.ММ.ГГГГ по ДД.ММ.ГГГГ, П.А.Н., находясь на территории <адрес предприятия>, занимая должность начальника участка <адрес участка> вследствие недобросовестного и небрежного отношения к службе, выразившегося в нежелании посещать лесосеку, находящуюся в труднодоступном, удаленном месте, не предвидя возможность наступления общественно опасных последствий своего бездействия в виде существенного нарушения прав и законных интересов ГКУ СО <название предприятия>, а также охраняемых законом интересов общества и государства, хотя в силу уровня образования и профессионального опыта, при необходимой внимательности и предусмотрительности должен был и мог предвидеть эти последствия, имея при этом реальную возможность и необходимые средства, не осуществил лично и не поручил подчиненным сотрудникам осуществить выезд на место рубки лесных насаждений, расположенных в делянке 1 лесосеки 1 выдела 12 квартала СТО <адрес>, для контроля хода выполнения работ и для учета заготовленной древесины до ее вывоза из леса, не обеспечив тем самым выполнение условий вышеуказанных договоров, и вышеуказанные свои должностные обязанности [URL].

Соблюдение указанных, по сути противоположных требований к речи требует определенного мастерства, вырабатываемого практикой. Так, приведенный отрывок является простым предложением, имеющим одну грамматическую основу «П.А.Н. <...> не осуществил и не поручил осуществить». Остальные пропозиции, содержащиеся в предложении, выражены причастными и деепричастными оборотами и отглагольными именами существительными с зависимыми словами. По нашим наблюдениям, грамматические погрешности в таких конструкциях обычно возникают при выражении синтаксической связи между синтагмами и при выборе порядка их линейного расположения в предложении. Ошибки эти индивидуальны и обусловлены «нерасчлененностью речевых представлений» [Пешковский 1930] – неспособностью пишущего четко выразить грамматическую структуру синтаксически сложного выражения. Ср.:

**Потерпевший ФИО1 ознакомился с материалами данного уголовного дела, снимал копии документов, к расследуемому уголовному делу №Х, возбужденному по признакам преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 105 УК РФ, по факту умышленного причинения смерти ФИО2 отношения не имеют, так как оно возбуждено по признакам преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 293 УК РФ по заявлению ФИО1 о халатных действиях сотрудников УМВД России по Рязанской области и филиала по Советскому округу г. Рязани ФКУ УИИ УФСИН России по Рязанской области, повлекшее гибель его супруги – ФИО2 и производством не соединено [URL].*

Для понимания смысла таких небрежно сконструированных высказываний читающему иногда приходится приложить немало усилий для установления синтаксических связей между логическими частями. В частности, в представленном примере, вероятнее всего, идет речь о материалах двух уголовных дел Х и Y, с одним из которых ознакомился потерпевший ФИО1. Причем эти материалы не имеют отношения ко второму делу, поскольку, несмотря на смежные фабулы преступлений, дела не были объединены в одно производство. Данный смысл можно прояснить, внося в контекст следующие минимальные исправления (выделим их полужирным шрифтом):

*Потерпевший ФИО1 ознакомился с материалами **данного** уголовного дела №Y, снимал копии с документов, **которые** к расследуемому уголовному делу №Х, возбужденному по признакам преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 105 УК РФ, по факту умышленного причинения смерти ФИО2, отношения не имеют, так как **оно**-Уголовное дело №Y возбуждено по признакам преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 293 УК РФ, по заявлению ФИО1 о халатных действиях сотрудников УМВД России по Рязанской области и филиала по Советскому округу г. Рязани ФКУ УИИ УФСИН России по Рязанской области, **повлекших** гибель его супруги – ФИО2, и **производством** не **объединено в одно производство с делом №Х**.*

Таким образом, главной задачей при работе со сложноподчиненными конструкциями, используемыми в правовых документах, является самоконтроль за использованием анафорических, дейктических элементов текста, за выбором средств выражения подчинительной связи, включая падежные формы дистантно расположенных имен, и порядком слов. Для этой работы эффективным является метод построения древовидных синтаксических схем простых и сложных предложений (см. также об этом [Губаева 2010: 90]):

потерпевший ознакомился с делом №Y,

снимал копии с документов,

↓
которые к делу №Х не имеют отношения,

↓
так как

дело №Y возбуждено и не объединено с делом №Х

Рис. 1

Как правило, мы настойчиво предлагаем выполнять упражнение на построение синтаксических схем на материале, предлагаемом преподавателем, самостоятельно найденном учащимися в юридическом дискурсе, и, наконец, на этапе самопроверки при построении собственных текстов, поскольку, как показывают наблюдения, грамматические и стилистические погрешности порождает именно неумение пишущего видеть структуру предложения.

Описание как тип речи встречается при составлении протоколов осмотра предметов (документов) и порождает преимущественно речевые ошибки, связанные с отбором лексических средств. Трудности, которые нам удалось наблюдать в данном типе документов, не могут быть устранены с помощью словарей литературного языка, к которым обычно направляют учащихся традиционные пособия по культуре речи. Проблемы пишущего связаны с правильным употреблением профессиональной и терминологической лексики из не-юридических предметных областей. В зависимости от сферы приложения правовых знаний, следователям, прокурорам и судьям приходится использовать названия технических средств, термины экономики, лингвистики, медицины, IT-сферы и мн. др. При возникновении трудностей в составлении описаний сложных объектов мы рекомендуем обращаться не к филологам, а к судебным экспертам соответствующего профиля.

Использованные материалы:

Решение № 30-1-351/2021 от 24 августа 2021 г. по делу № 30-1-351/2021 <https://sudact.ru/regular/doc/SL9ltBV8cYZU/>

Приговор № 1-141/2020 от 16 октября 2020 г. по делу № 1-141/2020

<https://sudact.ru/regular/doc/Q6n69SOmYUbv/>

Приговор № 1-107/2021 от 30 июля 2021 г. по делу № 1-107/2021 <https://sudact.ru/regular/doc/n798aRylGzLo/>

Апелляционное постановление № 22К-1074/2020 от 22 декабря 2020 г. по делу № 3/10-96/2020 <https://sudact.ru/regular/doc/oAPM5gRGYfdQ/>

Литература

Губаева Т. В. Русский язык в судебных актах. Научно-практическое пособие. М., 2010.

Дускаева Л. Р., Протопопова О. В. Жанры официально-делового стиля / Эффективное речевое общение (базовые компетенции). Словарь-справочник. Электронное издание. Под ред. А. П. Сковородникова. Красноярск, 2014. – С. 150-153.

Жеребило Т. В. Словарь лингвистических терминов. Назрань, 2010.

Ивакина Н. Н. Профессиональная речь юриста. М., 1997.

Колтунова М. В. Деловое общение: нормы, риторика, этикет. Учеб. пособие. М., 2005.

Кушнерук С. П. Документная лингвистика (русский деловой текст): учеб. пособие. Волгоград, 1999.

Леонтьева Т. В. Документная лингвистика. М., 2019.

Малышев А. А. Некоторые проблемы языка и стиля процессуальных документов / Вестник Высшего арбитражного суда Российской Федерации. – 2000. – № 6. – С. 116-122.

Маркова В. А. К вопросу о составе стилистических черт официально-делового стиля / Филология и человек. 2018 – №1. – С. 62-73.

Петрова Л. И. Особенности редактирования официальной литературы / Труды БГТУ. – 2013. – №8. – С. 82-85.

Пешковский А. М. Вопросы методики родного языка, лингвистики и стилистики. М.; Л., 1930.

Прайд О. Ю. Язык закона: вопросы стилистической квалификации / Litera. – 2019. – № 2. – С. 68-77.

Рахманин Л. В. Стилистика деловой речи и редактирование служебных документов. М., 1997.

Шугрина Е. С. Техника юридического письма. М., 2000.

Язык и стиль судебных документов. СПб., 2003.

References

Duskaeva, L. R., Protopopova, O. V. (2014). Genres of officially-business style. Effective verbal communication (basic competencies). Dictionary reference. Electronic edition. Ed. A. P. Skovorodnikov, 150-153 (in Russian).

Gubaeva, T. V. (2010). Russian language in judicial acts. Scientific and practical guide (in Russian).

Ivakina, N. N. (1997). Professional speech of a lawyer (in Russian).

Koltunova, M. V. (2005). Business communication: norms, rhetoric, etiquette. Textbook (in Russian).

Kushneruk, S. P. (1999). Documentary linguistics (russian business text): textbook (in Russian).

Language and style of court documents. (2003) (in Russian).

Leontyeva, T. V. (2019). Document linguistics (in Russian).

Malyshev, A. A. (2000). Some problems of the language and style of procedural documents. Bulletin of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation, 6, 116-122 (in Russian).

Markova, V. A. (2018). To the question of the official business style's features. Philology and man, 1, 62-73 (in Russian).

Petrova, L. I. (2013). Features of the official literature editing. Proceedings of BSTU, 8, 82-85 (in Russian).

Peshkovsky, A. M. (1930). Questions of the methodology of the native language, linguistics and stylistics (in Russian).

Pradid, O. Yu. (2019). The Language of the Law: Questions of Stylistic Qualification. Litera, 2, 68-77 (in Russian).

Rakhmanin, L. V. (1997). Stylistics of business speech and official documents editing (in Russian).

Shugrina, E. S. (2000). Legal writing technique (in Russian).

Zherebilo, T. V. (2010). Dictionary of linguistic terms (in Russian).

Citation:

Доронина С. В. Речевая культура в профессиональной деятельности юриста: методические приемы обучения юридическому письму // Юрислингвистика. – 2023. – 27. – С. 81-87.

Doronina S. V. (2023). Speech Culture in the Professional Activities of a Lawyer: Methodological Techniques for Teaching Legal Writing. Legal Linguistics, 27, 81-87.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0. License

Неприличная форма коммерческих наименований

А. В. Акинина

Независимый эксперт-лингвист (самозанятая)

ул. Ленина, 125, 356000, Ставропольский край, г. Новоалександровск, Россия. E-mail: akinina21@mail.ru

Статья посвящена рассмотрению термина «неприличная форма» в приложении к области лингвистической экспертизы коммерческих наименований. В российской правовой системе отсутствует толкование понятия «противоречие общественным интересам, принципам гуманности и морали», хотя и в международном, и в российском законодательстве, затрагивающем вопросы защиты интеллектуальной собственности (и коммерческих наименований в частности), это понятие закреплено и является, в частности, одним из оснований для отказа в государственной регистрации товарного знака / знака обслуживания. В статье предлагается включить в сложившийся в юрислингвистической практике объем понятия «неприличная форма» и вектор противоречия общественным интересам, принципам гуманности и морали при решении практических вопросов экспертизы интеллектуальной собственности (в частности, лингвистической части такой экспертизы).

Ключевые слова: лингвистическая экспертиза, товарный знак, неприличная форма, принципы гуманности и морали.

Indecent Form of Trade Names

A. V. Akinina

Independent linguist expert (self-employed),

125 Lenin St., 356000, Stavropol Krai, Novoalexandrovsk, Russia. E-mail: akinina21@mail.ru

The article concentrates on the consideration of the term "indecent form" referring to linguistic expertise of trade names. There is no interpretation of the concept of "contradiction to public interests, principles of humanity and moral" in the Russian legal system, although in both international and Russian law affecting the protection of intellectual property (and trade names in particular), this concept is enshrined and works as one of the grounds for refusal of state registration of a trademark/service mark. The article proposes to include the notion of contradiction to public interests, principles of humanity and morality into the scope of concept of "indecent form" recognized in legal linguistic practice when solving practical issues of intellectual property expertise (in particular, the linguistic part of such expertise).

Key words: forensic linguistics, trademark, indecent form, principles of humanity and morality.

В отечественной судебной лингвистике в соответствии с законодательными нормами установилось толкование понятия неприличности сугубо через термин «неприличная форма выражения». Этот термин относится к категории дел об оскорблении, поскольку неприличная форма выражения является квалифицирующим признаком (с января 2021 года – наряду с признаком «иной формы, противоречащей нормам морали и нравственности») для оскорбления как состава правонарушения. Соответственно, установление наличия неприличной формы является одним из ключевых моментов для судебной квалификации высказывания как оскорбительного; установление ее, следовательно, является основной задачей лингвиста-эксперта по делам тех категорий, которые связаны с составом оскорбления.

Для юридического и лингвоэкспертного сообщества привычно, что в ареал дел, по которым понятие «неприличная форма выражения» является рабочим, входят дела следующих категорий:

- по оскорблению (ст. 5.61 КоАП «Оскорбление»),
- по оскорблению представителя власти (ст. 319 УК РФ «Оскорбление представителя власти»),
- по оскорблению военнослужащего (ст. 336 УК РФ «Оскорбление военнослужащего»),
- по оскорблению судьи либо участников судебного разбирательства (ст. 297 УК РФ «Неуважение к суду»),

- по делам о защите чести и достоинства, если субъективное мнение говорящего выражено в оскорбительной форме (ст. 152 ГК РФ «Защита чести, достоинства и деловой репутации»; п. 9 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24 февраля 2005 г. № 3 «О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц»; п. 20 Обзора практики рассмотрения судами дел по спорам о защите чести, достоинства и деловой репутации, утвержденного Президиумом Верховного Суда РФ 16.03.2016).

На наш взгляд, само понятие «неприличной формы выражения», не получившее исчерпывающего толкования в российском законодательстве, было полно и содержательно истолковано в методическом пособии «Судебная лингвистическая экспертиза по делам об оскорблении» за авторством сотрудников РФЦСЭ при Минюсте России Т. М. Изотовой, В. О. Кузнецова и А. М. Плотниковой. В указанном пособии значит следующее: «В юриспруденции не любая циничная и противоречащая общественным нормам, правилам поведения в обществе форма унижительного обращения с человеком является неприличной, а только та, которая отражает высокую степень циничности и противоречия правилам и нормам поведения в обществе... С лингвистической точки зрения данное ограничение в квалификации неприличной формы связано с наличием в оскорбительном высказывании определенной лексики и фразеологии» [Судебная лингвистическая экспертиза... 2016: 45-46]. А именно лексики табуированной, именуемой в лингвистической науке обценной лексикой.

В соответствии с указанной методикой под обценной лексикой нужно понимать лексику двух слоев: «1) матизмы (матерная лексика) 2) вульгаризмы (лексика, не являющаяся собственно матом, но примыкающая к нему, пограничная по своей семантике и речевому употреблению)» [Судебная лингвистическая экспертиза... 2016: 47]. Первая группа обычно маркируется в словарях пометами «нецензурное», «обценное», «табу», а вторая – пометами «вульгарное», «вульгарно-просторечное», «неприличное». По мнению авторов методики, состав вульгарной лексики национально специфичен (то есть у каждого народа свое представление о том, что является вульгарным); для русского языка вульгаризмами являются лексемы, относящиеся к «телесному низу» – грубой лексике из сексуальной сферы (например, *тр...хаться*, *др...чить*) и сферы естественных выделений (например, *ср...ть*, *сс...ть*, *говно*).

Таким образом, говоря о неприличной форме, мы должны относить к имеющим ее выражениям/высказываниям матизмы и вульгаризмы, по семантике относящиеся к телесному низу (сексуальной и экскреторной сфере).

Если расширять понятие оскорбительного до несоответствия (протворечия) «общественным нормам морали и нравственности», как это предполагается Федеральным законом от 30.12.2020 № 513-ФЗ, нам представляется целесообразным использовать классификацию инвективной лексики, предложенную в начале 2000-х годов экспертным сообществом, и в первую очередь Гильдией лингвистов-экспертов по документационным и информационным спорам и учеными из Сибирской ассоциации лингвистов-экспертов. Эта обширная классификация разрядов инвективной лексики, которые «в определенных контекстах употребления могут носить в адресации к тому или иному лицу оскорбительный для данного лица характер» [Россинская, Галяшина 2014: 348], включает 10 разрядов и подробно описана в комплексной работе Е. Р. Россинской и Е. И. Галяшиной «Настольная книга судьи: судебная экспертиза». Указанная классификация активно использовалась с начала 2000-х годов и примерно до середины 2010-х, отдельными экспертами и специалистами используется и сейчас.

Эта классификация была разработана еще в конце 1990-х годов экспертами Гильдии лингвистов-экспертов по документационным и информационным спорам (ГЛЭДИС) и первоначально приводилась в малоизвестной сегодня книге «Понятие чести, достоинства, оскорбления и ненормативности в текстах права и средств массовой информации» (М.: Фонд защиты гласности, 1997), а позднее была перепечатана в знаменитом сборнике «Цена слова», а также в фундаментальной книге Е. Р. Россинской и Е. И. Галяшиной «Настольная книга судьи: судебная экспертиза». Классификация включает следующие разряды:

1. Слова и выражения, с самого начала обозначающие антиобщественную, социально осуждаемую деятельность: бандит, жулик, мошенник (в книге «Настольная книга судьи» в этот раздел в качестве примеров добавлено и слово «проститутка»).
2. Слова с ярко выраженной негативной окраской, составляющей основной смысл их употребления: двурушник, расист, враг народа (в книге «Настольная книга судьи» в этот раздел в качестве примеров добавлены и слова «предатель», «пиночет»).
3. Названия профессий, употребляемые в переносном значении: палач, мясник.
4. Зоосемантические метафоры, отсылающие к названиям животных: кобель, кобыла, свинья.
5. Глаголы с «осуждающей» семантикой или даже с прямой негативной оценкой: украсть, хапнуть.
6. Слова, содержащие в своем значении негативную, причем весьма экспрессивную оценку чьей-либо личности: гадина (в книге «Настольная книга судьи» в этот раздел в качестве примеров добавлены и слова «негодяй», «мерзавец», «хам»).
7. Эвфемизмы для слов 1-го разряда, сохраняющие их оценочный (резко негативный) характер: женщина легкого поведения, путана, интердевочка.
8. Окказиональные (специально создаваемые) каламбурные образования, направленные на унижение или оскорбление адресата: коммунаки, дерьмократы, прихватизация.
9. Нецензурные слова в качестве характеристики лица.
10. Сравнения с одиозными историческими и литературными персонажами: Пиночет, Гитлер.

Примечательно, что в новейшем учебном пособии Е. И. Галяшиной «Судебная лингвистическая экспертиза» (2021) указанная классификация не приводится; лишь отмечено, что «с лингвистической точки зрения понятие

«неприличная форма» связано с использованием в речи грубой, бранной, вульгарной, табуированной и обценной (в широком смысле) лексики» [Галашина 2021: 289].

Теперь обратимся к вопросу, вынесенному в качестве темы настоящей публикации. Безусловно, введение в статью об оскорблении поправок относительно «иной формы», увязывающей понятие оскорбления с нормами морали, почти безгранично расширяет поле деятельности эксперта-лингвиста, поскольку размыкает сам объект исследования. Неудивительно, что указанная новелла была принята экспертным сообществом «болезненно» [Марков 2021: 680]. Между тем подобное расширение экспертного понятия расширяет и возможности лингвиста-эксперта относительно исследования новых для судебной лингвистики объектов, например таких, как средства индивидуализации (товарные знаки, коммерческие обозначения и иные объекты).

Хотя вслед за М.Е. Новичихиной мы не рассматриваем понятие «коммерческая номинация» как родовое по отношению к понятиям «товарный знак», «фирменное наименование» и т. д., тем не менее между ними есть определенные точки соприкосновения, связанные с тем, что «важнейшей функцией коммерческого названия становится его способность различения и индивидуализации торгового учреждения, услуги или товара» [Новичихина 2018: 8]. Соответственно, выделенные М. Е. Новичихиной функциональные, семантические, экспрессивные и иные особенности объектов коммерческой номинации (лингвистического понятия) можно приложить к рассмотрению товарного знака (юридическое понятие) как одного из основных средств индивидуализации в современной деловой среде и правовом поле. Это соотнесение (без уподобления) становится возможным на основе сходства функционала, поскольку и «товарные знаки представляют собой средства индивидуализации, которые являются обозначениями, служащими соответственно для индивидуализации товаров или работ, услуг юридических лиц и индивидуальных предпринимателей» [Руководство-2020: 40].

Примечательно, что среди оснований для отказа в регистрации товарного знака (знака обслуживания) в Гражданском кодексе РФ предусмотрено следующее:

«3. Не допускается государственная регистрация в качестве товарных знаков обозначений, представляющих собой или содержащих элементы:

1) являющиеся ложными или способными ввести в заблуждение потребителя относительно товара либо его изготовителя;

2) противоречащие общественным интересам, принципам гуманности и морали» (ст. 1483 ГК РФ).

Как известно, четвертая часть Гражданского кодекса РФ была введена в 2008 году и на тот момент уже содержала указанное основание о противоречии общественным интересам, принципам гуманности и морали, поскольку основные положения параграфа 2 главы 76 части четвертой ГК РФ «Права на средства индивидуализации юридических лиц, товаров, работ, услуг и предприятий» были сформулированы на основе Парижской конвенции об охране промышленной собственности 1883 года, содержащей в статье 6-quinquies следующее положение:

«В. Товарные знаки, подпадающие под действие настоящей статьи, могут быть отклонены при регистрации или признаны недействительными лишь в следующих случаях: <...> если знаки противоречат морали или публичному порядку и, в особенности, если они могут ввести в заблуждение общественность. Подразумевается, что знак не может рассматриваться как противоречащий публичному порядку по той единственной причине, что он не соответствует какому-либо положению законодательства о знаках, за исключением случая, когда само это положение касается публичного порядка» [Парижская конвенция... URL].

Таким образом, новелла относительно «иной формы, противоречащей общественным нормам морали и нравственности», расширяющая рамки законодательства РФ об оскорблении, одновременно вписывает понятие оскорбления с его квалифицирующими признаками в давнюю европейскую правовую традицию в области товарных знаков и иных средств индивидуализации. Соответственно, на обнаружившемся пересечении указанных двух сфер (судебная лингвистическая экспертиза по делам об оскорблении и экспертиза средств индивидуализации, в частности, экспертиза товарного знака) нам представляется целесообразным использовать унифицированный инструментарий и общее поле экспертных понятий (по В. О. Кузнецову).

Это представляется тем более целесообразным и разумным, что признаки противоречия обозначений общественным интересам и принципам гуманности и морали даже в руководствах для экспертов Роспатента не раскрыты. Так, в Руководстве по экспертизе товарных знаков 2016 года в разделе 2 имеется пункт 4.2 «Обозначения, представляющие собой или содержащие элементы, противоречащие общественным интересам, принципам гуманности и морали». Содержащиеся в нем рекомендации для экспертов весьма расплывчаты:

«Под общественными интересами подразумевается публичный порядок, основы правопорядка.

Принципы гуманности – это основополагающие идеи в области реализации человеческих интересов и ценностей, например, принцип равенства, принцип справедливости, провозглашение человека, его прав и свобод высшей ценностью.

Принципы морали – это моральные требования, выраженные наиболее обобщенно, например гуманизм, патриотизм, гражданственность. Принципы морали выражают выработанные в моральном сознании общества требования, касающиеся нравственной сущности человека, его назначения, смысла его жизни и характера взаимоотношений между людьми.

В этой связи к обозначениям, противоречащим общественным интересам, принципам гуманности и морали, можно отнести обозначения, представляющие или включающие слова, выражения, изображения, объемные и другие обозначения или их комбинации, которые как сами по себе, так и в случае их использования в качестве товарных знаков противоречат правовым основам общественного порядка и (или) могут вызвать возмущение членов общества

на основе общепринятых норм морали» [Руководство-2016: 187-188].

Отсутствие четких критериев разграничения морального и аморального может породить волюнтаризм в принятии экспертных решений о регистрации заявленного обозначения, что наглядно показали несколько громких дел последних лет в отношении регистрации спорных товарных знаков в РФ. Так, предприниматель из Йошкар-Олы несколько лет получал отказы от Роспатента в регистрации товарного знака «Йошкин кот» на том основании, что эксперты усматривали в нем фонетическое и семантическое сходство со словосочетанием «Ёшкин кот», которое рассматривали как бранное. Только при обращении в высшую в России инстанцию – Суд по интеллектуальным правам – предприниматель смог зарегистрировать знак в марте 2022 года (Решение Суда по интеллектуальным правам от 15 февраля 2022 г. по делу N СИП-1093/2021).

Товарный знак

**ЙОШКИН
КОТ**

Свидетельство:

№ 860166

действует до
1 декабря 2027

[Источник](#)

Дата регистрации:

28 марта 2022

Заявка: [№ 2017751231](#)

Дата подачи: 1 декабря 2017

Приоритет: 1 декабря 2017

Правообладатель: [Одинцов Николай Александрович, 424000, Республика Марий Эл, г. Йошкар-Ола, пр-д Профсоюзный, 4А \(RU\)](#)

МКТУ: [21](#), [28](#), [29](#), [30](#), [32](#), [33](#), [35](#), [38](#), [39](#), [43](#)

мясо, рыба, птица и дичь; мясные экстракты; овощи и фрукты консервированные, сушеные и подвергнутые тепловой обработке; желе, варенье, компоты; яйца, молоко и молочные продукты; масла и жиры пищевые; айвар [консервированный перец]; алоэ древовидное, приготовленное для употребления в пищу; альгинаты для кулинарных целей; анчоусы; арахис обработанный; белки для кулинарных целей; белок яичный; бобы консервированные; бобы соевые консервированные для употребления в пищу; бульоны; варенье имбирное; ветчина; вещества жировые для изготовления пищевых жиров; водоросли морские обжаренные; гнезда птички съедобные; горох консервированный; грибы консервированные; желатин; желе мясное; желе пищевое; желе фруктовое; желток яичный; жир кокосовый; жир костный пищевой; жир свиной пищевой; жиры животные пищевые; закуски легкие на основе фруктов; изделия колбасные; изюм; икра; икра рыб обработанная; йогурт; капуста квашеная; кефир [напиток молочный]; клей рыбий пищевой; клемы [неживые]; коктейли молочные; колбаса кровяная; консервы мясные; консервы

Другой показательный в этом отношении пример – регистрация товарного знака «Ёбидоёби» для названия сети ресторанов японской кухни и услуги курьерской доставки продуктов питания:

Международный товарный знак

Номер международной регистрации:

№ 1570442

регистрация до
9 октября 2030

[Источник](#)

Дата международной регистрации:

9 октября 2020

Базовая заявка: № 90221526 US от
29 сентября 2020

Правообладатель: [Zimen Konstantin](#)

Адрес: 3501 Jack Northrop Ave, suite#AUO286 Hawthorne CA 90250 (US)

Адрес для переписки:

МКТУ: [39](#), [40](#), [43](#)

Food preparation.

По многочисленным публикациям в прессе известно, что правообладатель знака на протяжении нескольких лет становился объектом жалоб от жителей различных российских городов, где имеются рестораны сети, а также систематически получал отказы от Роспатента в регистрации товарного знака на основании несоответствия обозначения нормам морали. Незирая на это, товарный знак «Ёбидоёби» в октябре 2020 года был зарегистрирован по Мадридской системе международной регистрации, которая предполагает пакетную регистрацию обозначения в ряде стран одновременно, в том числе и в России. Знак зарегистрирован по 39, 40 и 43 классам МКТУ за номером международной регистрации № 1570442. Самое любопытное в кейсе «Ёбидоёби» то, что в российских судах правообладатель знака до сих пор не может доказать соответствие наименования российскому законодательству, о чем красноречиво свидетельствует решение Арбитражного суда Волгоградской области (АС Волгоградской области) от 21 марта 2022 г. по делу № А12-35564/2021. Сутью данного судебного разбирательства было обращение ООО «Ёбидоёби» в управление ФАС по Волгоградской области с жалобой на признание наружной рекламы ненадлежащей, в том числе признание слова «Ёбидоёби» бранным, а слова «Кунили», именующего набор из нескольких видов суши, непристойным.

Наличие конкретных лингвистических критериев (прежде всего семантических) отнесения конкретных выражений к неприличным и аморальным (противоречащим нормам морали) могло бы способствовать устранению разночтений как в практике государственной регистрации товарных знаков и знаков обслуживания (и в связанной с этой процедурой экспертной деятельностью), так и в судопроизводстве.

Таким образом, целесообразность распространения правовых (и экспертных) понятий «неприличная форма выражения» и «иная форма, противоречащая общественным нормам морали и нравственности», подробно разработанных в практике судебной лингвистической экспертизы по делам об оскорблении, на область коммерческой номинации, в частности, на экспертизу товарных знаков и знаков обслуживания, представляется нам в сложившихся условиях острой необходимостью.

Литература

Галяшина Е. И. Судебная лингвистическая экспертиза: учебник. М., 2021.

Кузнецов В. О. К вопросу об экспертных понятиях в судебной лингвистической экспертизе / Теория и практика судебной экспертизы. - 2020. - Т. 15, № 1. - С. 29-41. <https://doi.org/10.30764/1819-2785-2020-1-29-41>

Марков В. И. «...или иной противоречащей нормам морали и нравственности форме». К вопросу об эффективности лингвистической экспертизы / Ученые записки Новгородского государственного университета. - 2021. - №6. - С. 680-683. [https://doi.org/10.34680/2411-7951.2021.6\(39\).680-683](https://doi.org/10.34680/2411-7951.2021.6(39).680-683)

Новичихина М. Е. Коммерческая номинация: теория и практика. Воронеж, 2018.

Судебная лингвистическая экспертиза по делам об оскорблении / Изотова Т. М., Кузнецов В. О., Плотникова А. М. М., 2016.

Парижская конвенция по охране промышленной собственности от 20 марта 1883 года, пересмотренная в Брюсселе 14 декабря 1900 г., в Вашингтоне 2 июня 1911 г., в Гааге 6 ноября 1925 г., в Лондоне 2 июня 1934 г., в Лиссабоне 31 октября 1958 г. и в Стокгольме 14 июля 1967 г. и измененная 2 октября 1979 г. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5111/.

Россинская Е. Р., Галяшина Е. И. Настольная книга судьи. Судебная экспертиза. М., 2014.

Решение Арбитражного суда Волгоградской области (АС Волгоградской области) от 21 марта 2022 г. по делу № А12-35564/2021. URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/i2N01hDdd2Wb/>.

Решение Суда по интеллектуальным правам от 15 февраля 2022 г. по делу N СИП-1093/2021. Суд признал недействительным решение Роспатента, принятое по результатам рассмотрения возражения на решение об отказе в государственной регистрации товарного знака, и обязал ответчика предоставить правовую охрану обозначению, поскольку из решения административного органа не усматривается какое-либо обоснование вывода о том, что регистрация данного обозначения в качестве товарного знака может создать препятствия для добросовестной деятельности других хозяйствующих субъектов. URL: <http://ipcsmagazine.ru/news/6201-news4754>.

Руководство-2016 – Руководство по экспертизе товарных знаков в Федеральной службе по интеллектуальной собственности. М., 2016.

Руководство-2020 – Руководство по осуществлению административных процедур и действий в рамках предоставления государственной услуги по государственной регистрации товарного знака, знака обслуживания, коллективного знака и выдаче свидетельств на товарный знак, знак обслуживания, коллективный знак, их дубликатов. М., 2020.

References

Galyashina, E. I. (2021). Forensic linguistic expertise: textbook. Moscow (in Russian).

[\(https://doi.org/10.34680/2411-7951.2021.6\(39\)\)](https://doi.org/10.34680/2411-7951.2021.6(39)) (in Russian).

Judicial linguistic expertise in cases of insult / Izotova, T. M., Kuznetsov, V. O., Plotnikova, A. M. (2016). Moscow (in

Russian).

Kuznetsov, V. O. (2020). On the issue of expert concepts in forensic linguistic expertise. Theory and practice of forensic examination, 15, 1, 29-41. <https://doi.org/10.30764/1819-2785-2020-1-29-41> (in Russian).

Manual-2016 – Manual on the examination of trademarks in the Federal Service for Intellectual Property. (2016). Moscow (in Russian).

Manual-2020 – Guidelines for the implementation of administrative procedures and actions within the framework of the provision of public services for the state registration of a trademark, service mark, collective mark and the issuance of certificates for a trademark, service mark, collective mark, their duplicates. (2020). Moscow (in Russian).

Markov, V. I. (2021). "... or another form contrary to the norms of morality and morality." On the question of the effectiveness of linguistic expertise. Scientific notes of the Novgorod State University, 6, 680-683.

Novichikhina, M. E. (2018). Commercial nomination: theory and practice. Voronezh (in Russian).

Rossinskaya, E. R., Galyashina, E. I. (2014). The judge's handbook. Forensic examination. Moscow (in Russian).

The decision of the Arbitration Court of the Volgograd region (AC of the Volgograd region) dated March 21, 2022 in case no. A12-35564/2021. Available from: <https://sudact.ru/arbitral/doc/i2N01hDdd2Wb/> (in Russian).

The decision of the Intellectual Property Rights Court of February 15, 2022 in the case N SIP-1093/2021. The court invalidated the decision of Rospatent, adopted based on the results of consideration of the objection to the decision to refuse state registration of a trademark, and obliged the defendant to provide legal protection to the designation, since the decision of the administrative body does not provide any justification for the conclusion that the registration of this designation as a trademark may create obstacles to the bona fide activities of other economic entities subjects. Available from: <http://ipcmagazine.ru/news/6201-news4754> (in Russian).

The Paris Convention for the Protection of Industrial Property of March 20, 1883, revised in Brussels on December 14, 1900, in Washington on June 2, 1911, in The Hague on November 6, 1925, in London on June 2, 1934, in Lisbon on October 31, 1958 and in Stockholm on July 14, 1967 and amended on October 2, 1979. Available from: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5111/ (in Russian).

Citation:

Акинина А. В. Неприличная форма коммерческих наименований // Юрислингвистика. – 2023. – 27. – С. 88-93.

Akinina A. V. (2023). Indecent Form of Trade Names. Legal Linguistics, 27, 88-93.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0. License

Способы автоматизации сравнительного анализа текстов при выявлении признаков плагиата в экспертизах по делам о нарушении авторских и смежных прав

П. Е. Белова

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», ул. Б. Печерская д.25/12, 603155, Нижний Новгород, Россия; Центр экспертизы и оценки «ЕСИН», Нижний Новгород, Москва, Россия. E-mail: belova-polina@mail.ru

В рамках лингвистической экспертизы по делам о нарушении авторских и смежных прав в отношении речевых произведений перед экспертами все чаще ставится вопрос о сравнении нескольких текстов и поиске в них полнотекстовых, частичных и иных (лексических, грамматических, семантических и пр.) совпадений, а также об определении величины данных совпадений. Сравнение документов вручную, как правило, занимает много времени, особенно если материалами исследования выступают многостраничные тексты. В данной статье предложены возможные пути автоматизации и усовершенствования этой работы путем использования специальных онлайн-сервисов сравнения документов: Copyscape, Embedika Compare, Draftable Online, «Сравнить тексты», Copyleaks Text Compare Tool. Приведенный перечень инструментов для сравнения текстов составлен автором статьи исходя из опыта их использования в экспертной практике. Для каждого из сервисов в статье указаны его достоинства и недостатки, а также описаны алгоритм работы и особенности представления результатов сравнения. Одни инструменты обладают простым функционалом и отображают, сколько слов совпало, показывают процент уникальности сравниваемых текстов, другие имеют более продвинутую аналитику сравнения и помимо процента совпадений и количества одинаковых слов определяют типы сходств фрагментов текста, выделяя среди них идентичные (полнотекстовые), похожие (с минимальными изменениями) и перефразированные. Тем не менее, полученные результаты сравнения текстовых файлов все равно требуют от эксперта их проверки и проведения дальнейшего лингвистического исследования с интерпретацией установленных совпадений и определением их типа, особенно это касается лексических, грамматических, семантических, синтаксических совпадений.

Ключевые слова: лингвистическая экспертиза, плагиат, текстовые заимствования, сравнение текстов.

Methods for Automated Comparative Analysis of Texts when Detecting Signs of Plagiarism in Expert Case Examinations of Copyright and Related Rights Infringement

P. E. Belova

National Research University "Higher School of Economics", 25/12, Bolshaya Pecherskaya Street, 603155, Nizhny Novgorod, Russia; LLC "Expertise and Estimate Center "ESIN", Nizhny Novgorod, Moscow, Russia. E-mail: belova-polina@mail.ru

Within the framework of linguistic expertise on cases of copyright and related rights infringement experts are increasingly faced with the challenge of comparing several texts and searching for full-text, partial and other (lexical, grammatical, semantic, etc.) coincidences in them, as well as determining the values of these coincidences. Comparing documents manually takes a lot of time, especially if the research materials are multi-page texts. This article suggests possible ways to automate and improve this work by using special online document comparison tools: "Copyscape", "Embedika Compare", "Draftable Online", "Compare texts", "Copyleaks Text Compare Tool". The given list of tools for comparing texts is compiled by

the article author based on the experience of using them in expert practice. For each of the services, the article indicates its advantages and disadvantages, as well as describes the algorithm of operation and features of the presentation of comparison results. Some tools have simple functionality and display how many words matched, show the percentage of uniqueness of the compared texts, others have more advanced comparison analytics and, in addition to the percentage of matches and the number of identical words, determine the types of similarities of text fragments, highlighting among them identical (full-text), similar (with minimal changes) and paraphrased. Nevertheless, the obtained results of comparing text files still require their expert verification and further linguistic research with the interpretation of the established coincidences and the definition of their type, especially with regard to lexical, grammatical, semantic, syntactic coincidences.

Key words: forensic linguistics, plagiarism, text borrowings, text comparison.

В настоящее время в юридической среде активно обсуждается тема защиты авторских и смежных прав, которые возникают у создателей произведений науки, литературы или искусства или у исполнителей, создателей фонограмм, баз данных, организаций эфирного и кабельного вещания, публикаторов произведений, обнародованных после их перехода в общественное достояние. Статья 44 Конституции РФ гарантирует каждому гражданину свободу литературного, художественного, научного, технического и других видов творчества, а также защиту его интеллектуальной собственности. Появление подобных объектов требует от автора задействования его творческих способностей и личных качеств, а также вложения времени и материальных ресурсов. Однако нередко бывают случаи незаконного использования чужой-либо интеллектуальной собственности сторонними лицами. За нарушение авторских и смежных прав предусмотрены различные меры ответственности, которые зависят от степени тяжести, размера нанесенного ущерба и регулируются множеством нормативно-правовых актов, а также кодексами РФ: Гражданским (часть 4 ГК РФ глава 70 «Авторское право» и глава 71 «Права, смежные с авторскими» ГК РФ), Административным (часть 1 статьи 7.12 «Нарушение авторских и смежных прав, изобретательских и патентных прав» КоАП РФ) и Уголовным (статья 146 УК РФ «Нарушение авторских и смежных прав»).

Незаконное использование творческих произведений может происходить по-разному. Одной из форм нарушения авторских прав является плагиат, под которым понимается «умышленное присвоение авторства на чужое произведение науки, литературы или искусства» [Жаворонков 2013: 88]. При этом, как отмечает Т. С. Садова, в исследовательской лингвистической и юридической литературе до сих пор отсутствует четкая дефиниция данного понятия, а также существуют «различные варианты терминологического обозначения этого явления в документах различной стилистической принадлежности» [Садова 2019: 184]. Плагиат может заключаться в копировании какого-либо произведения (как полностью, так и частично) и выдаче его за свое или его незаконной публикации под своим именем или без указания соавторов. Ответственность за плагиат наступает в том случае, если доказан умысел действия человека, что устанавливает суд, а также обнаружено наличие в спорном произведении фактов прямого заимствования формы выражения идей, смыслов и сюжетов, что можно выявить в рамках экспертизы, при этом сами идеи, методы, способы, в соответствии с пунктом 4 статьи 6 Закона РФ «Об авторском праве и смежных правах», авторским правом не охраняются. Круг объектов в экспертизах по делам о нарушении авторских и смежных прав достаточно широк. Ими могут быть предметы искусства, рекламные слоганы, программные коды, графические изображения, аудиовизуальные файлы – музыка, видео, в связи с чем подобные исследования зачастую проводятся комплексно, с привлечением специалистов из разных научных областей.

Все чаще объектами лингвистической экспертизы по выявлению признаков плагиата становятся речевые произведения (как устные, так и письменные): любые документы, экспертные заключения, протоколы судебных заседаний, содержание интернет-страниц, блогов, учебные программы, сценарии, переводы, художественные тексты, тексты песен и др. Особенно востребованным стало выявление признаков плагиата в произведениях научной сферы: статьях, ВКР, кандидатских и докторских диссертациях. Свободный доступ к большому количеству баз данных, электронных библиотек стал причиной некорректного использования в научных работах частей чужих текстов без указания ссылки на источник. Данный факт не только задевает честь и достоинство автора украденного произведения, но и приводит к тому, что из чужого произведения извлекаются материальные блага. В случае обнаружения автором сходств своего произведения с каким-либо еще, изданным позднее и не имеющим отсылки на его ранее появившийся труд, он вправе обратиться в суд для защиты своих авторских прав и в качестве доказательной базы предоставить заключение.

Для решения задач по выявлению признаков плагиата перед экспертом-лингвистом могут быть поставлены различные вопросы (приведем некоторые из них):

- какие фрагменты текста «В» использованы в тексте «А»?
- является ли текст «А» оригинальным или в нем имеются признаки использования, редактирования и/или иной переработки фрагментов текстов «В», «С»?
- соблюдены ли при цитировании следующего высказывания [дословно приводится высказывание и имя его автора] правила цитирования, существующие в русском языке?
- имеются ли в предоставленном для исследования тексте «А» признаки компиляции текстов «В» и «С»?
- имеются ли полнотекстовые и иные (лексические, грамматические, семантические и пр.) совпадения в содержании текста «А» и текста «В»? Каков процент или иная относительная величина этих совпадений?

В данной статье особое внимание уделено последнему вопросу «Имеются ли дословные текстовые и иные совпадения в содержании текста «А» и текста «В»?», который может быть поставлен перед экспертом-лингвистом,

и предложены варианты автоматизации работы с текстами, проводимой в ходе исследования. Так, при ответе на данный вопрос необходимо сравнить предоставленные тексты и установить наличие в них полнотекстовых совпадений, то есть текстовых фрагментов, полностью совпадающих в словесном, грамматическом, пунктуационном оформлении; частичных совпадений, то есть сходных в содержательном плане текстовых фрагментов, но при этом имеющих незначительные отличия, не затрагивающие семантику предложений (сюда относятся случаи синонимичной замены слов, изменения их грамматической формы, написания, перестановки слов в предложении, удаления или добавления знаков препинания, нумерации, пробелов, союзов), и иных (лексических, грамматических, семантических и пр.) совпадений. Последние представляют собой сходства в лексической структуре, грамматическом, семантическом, синтаксическом оформлении, а также, например, в абзацном делении или шрифтовом варьировании.

Анализ экспертом предоставленного материала проходит в несколько этапов: сравнение двух текстов начинается с определения «тематики текстов, их композиции, фактологической информации» [Кузнецов, Крюк 2019: 20], затем выявляются совпадения, определяется их тип (полнотекстовые, частичные, лексические, грамматические, семантические и пр.) и дается комментарий эксперта. В заключение проводится «оценка совокупности выявленных совпадений и различий» [Кузнецов, Крюк 2019: 20] и устанавливается их процент, то есть анализ происходит на качественном и количественном уровне. Сравнение документов вручную занимает много времени, особенно если материалами исследования выступают многостраничные тексты (диссертации, сценарии, книги). Эксперту необходимо сначала ознакомиться со спорным текстом, потом с текстом, из которого, вероятно, были сделаны заимствования, установить наличие/отсутствие в них совпадений. В случае их выявления найти, в каких разделах они имеются, и только потом предложение за предложением, абзац за абзацем начинать анализировать тексты на предмет особенностей совпадения фрагментов. Применение такого алгоритма действий возможно представить при анализе 2-3 текстов, но, когда на исследование предоставляют десятки текстов, процесс анализа становится трудоемким и возможен риск пропуска значимых фрагментов текста.

Процесс сравнения содержимого файлов для выявления сходств и отличий можно автоматизировать и тем самым сократить сроки производства экспертизы. Существует несколько вариантов усовершенствования этой работы. А. А. Бойцов, А. А. Кулешова, А. М. Лизоркин в статье «Новый подход к сравнительному анализу текстов в рамках комплексной компьютерно-технической и лингвистической экспертизы» предлагают привлечь к производству экспертизы, помимо эксперта-лингвиста, эксперта в области информационных компьютерных технологий. На первом этапе исследования при помощи программного кода, написанного экспертом компьютерно-технической лаборатории, будет осуществлен «автоматизированный поиск совпадающих или частично совпадающих фрагментов» [Бойцов, Кулешова, Лизоркин 2018: 49]. На втором этапе будет проводиться лингвистическое исследование, «в рамках которого осуществится непосредственно анализ найденных в ходе первого этапа совпадающих абзацев, а именно категоризация найденных абзацев по семантическим и формальным характеристикам» [Бойцов, Кулешова, Лизоркин 2018: 49]. Затем будет дана оценка уникальности сравниваемых текстов. Данный подход нам, как и авторам статьи, видится перспективным, позволяющим оптимизировать работу эксперта-лингвиста, однако для негосударственных экспертов, которым недоступны разрабатываемые в ведомственных экспертных учреждениях России – РФЦСЭ Минюста, ЭКЦ МВД, СК, иных ведомствах – программные коды, он будет ресурсозатратным, поскольку потребует привлечения специалиста из другой области для разработки такого инструмента.

Вторым способом автоматизации этапа проверки текстов на сходство является использование специальных сервисов сравнения документов, о которых и пойдет речь далее. Но сначала несколько слов об одной из популярных систем обнаружения текстовых заимствований «Антиплагиат» (<https://www.antiplagiat.ru/>), которая активно применяется в научных и образовательных организациях. Большим преимуществом данной системы является процентный подход, заключающийся в предоставлении пользователю информации о количестве заимствований в загружаемом тексте, о наличии в нем самоцитирования и цитирования, а также отображение списка источников, из которых были сделаны заимствования. Казалось бы, такая система может полностью заменить труд человека, но, несмотря на постоянные усовершенствования ее алгоритмов, она еще не стала столь совершенной, чтобы давать качественную экспертную оценку правомерности и корректности обнаруженных заимствований. Каждый случай текстового заимствования все равно должен быть проанализирован экспертом, чтобы определить, являлось ли оно добросовестным или недобросовестным самоцитированием, правомерным корректным или некорректным заимствованием, неправомерным заимствованием или же вообще не являлось заимствованием [Беленькая, Стрелкова, Филиппова, Чехович 2021: 15].

«Антиплагиат» распознает случаи перестановки абзацев, предложений, слов в предложениях, синонимичной замены, работает с большими объемами текстов и т. д. Однако при работе с этой системой возникают сложности с правильностью распознавания цитат и ссылок на источники. Кроме того, существуют такие способы переработки текста, как рерайт (изложение исходного текстового материала своими словами с сохранением смысла) или ручной перевод иностранных источников, которые автоматизированная система может и не распознать. Возможны и технические способы видоизменения текста, например, замена букв русского алфавита на греческие. Сервис «Антиплагиат» успешно применяется для анализа одного спорного текста, поскольку в дальнейшем он сам предоставит пользователю данные об источниках, из которых были сделаны заимствования. При ответе же на вопрос о наличии в анализируемых текстах полнотекстовых и иных совпадений эксперту уже предоставлены материалы для сравнения, и задача эксперта заключается не в том, чтобы найти другие возможные источники, откуда были взяты

заимствования, а сводится к попарному сравнению текстов. Такая функция сравнения файлов на сходство в системе «Антиплагиат» еще не внедрена, в связи с чем возникает необходимость поиска других онлайн-сервисов, которые справились бы с этой задачей.

Конечно, для сравнения содержимого двух файлов можно воспользоваться возможностями MS Word, используя для этого программное обеспечение Microsoft Office. Однако документы в формате *.doc или *.docx на исследование предоставляются редко, чаще эксперты работают с pdf-файлами, поэтому поставленную задачу можно решить быстрее с помощью специальных онлайн-сервисов с удобным интерфейсом. Существуют созданные российскими и зарубежными разработчиками платные и бесплатные инструменты для сравнения текстов, при этом вторые иногда работают не хуже первых. Приведенный далее перечень онлайн-инструментов для сравнения текстов составлен автором статьи исходя из опыта их использования в экспертной практике, содержит личную оценку автора и не является исчерпывающим.

Самым простым бесплатным инструментом сравнения текстов или веб-страниц является сервис Copyscape (<https://www.copyscape.com/compare.php>). Он показывает, сколько слов совпало в сравниваемых текстах, помещенных в текстовое поле, и процент их уникальности относительно друг друга. Среди недостатков данного сервиса следует отметить невозможность загрузки для сравнения каких-либо файлов, отсутствие анализа текста на предмет внесения в него изменений (удаление, добавление), а также англоязычный интерфейс.

Если на исследование были предоставлены документы объемом менее 40 страниц, то для их сравнения подойдет бесплатный российский сервис Embedika Compare (<https://compare.embedika.ru/>). После обработки загруженных файлов в различных форматах (PDF, DOC, DOCX) инструмент подсвечивает отличия: что добавлено (зеленый маркер), изменено (оранжевый) и удалено (красный), при этом полнотекстовые совпадения остаются без цветного выделения. Кроме того, сервис сохраняет исходное форматирование файлов, не разбивает строки и абзацы, умеет анализировать таблицы и программный код. Его достоинствами являются удобный русскоязычный интерфейс и инструменты навигации, доступ без регистрации, режим обучения новых пользователей, разработчики также гарантируют безопасность и конфиденциальность данных. Загружаемые файлы нигде не хранятся и автоматически удаляются после закрытия вкладки в браузере. Недостатком работы сервиса является невозможность обработки больших объемов текстов (свыше 40 страниц), отсутствие процентного отображения количества совпадений и ограниченное количество поддерживаемых форматов файлов.

Сходным алгоритмом сравнения документов обладает онлайн-сервис Draftable Online (<https://draftable.com/compare/>). Он позволяет провести параллельное сравнение старой и новой версии файлов в форматах PDF, DOC, DOCX, DOCM, RTF, PPT, PPTX, PPTM, TXT с последующим выделением фрагментов различным цветом: красным будет выделен удаленный текст, зеленым – добавленный текст, сиреневым – переработанный текст, полученный в результате комбинации текстов из двух файлов. Текст, полностью совпадающий в обоих документах, цветом не выделяется. Достоинством данного онлайн-инструмента является возможность сравнения разных типов файлов (например, DOC и PDF), бесплатное и безопасное использование, а также наличие версии для рабочего стола. К недостаткам стоит отнести некорректную работу сервиса при загрузке материала свыше 100 страниц и отсутствие процентного отображения количества совпадений.

Незначительное отличие от описанных выше инструментов имеет онлайн-сервис «Сравнить тексты» от «Панда-копирайтинг» (<https://petr-panda.ru/sravnitviteksty/>). Он дает возможность вставить текст непосредственно в текстовое поле или загрузить для сравнения файлы в форматах TXT, DOCX, XLS, XLSX, ODS, ODT, XML, после обработки материалов выделяет цветом изменения (удаления, добавления), которые произошли при переработке оригинального текста, а также, в отличие от двух предыдущих инструментов, показывает общий объем совпадений и различий и количество общих и различных символов. После загрузки тексты удаляются из буфера обмена через 15 минут, тем самым обеспечивается безопасность сравнения. Недостатком сервиса является невозможность загрузки текстовых файлов объемом более 100 страниц.

Для решения задачи по выявлению в текстах полнотекстовых и иных совпадений, на наш взгляд, наиболее результативно показал себя бесплатный инструмент Copyleaks Text Compare Tool, доступный на сайте <https://app.copyleaks.com/text-compare>. Его функционал позволяет сравнивать необработанные тексты, предварительно добавив их на панель сравнения, файлы разных типов (HTML, TXT, PDF, DOC, DOCX, RTF, XML, PPT, PPTX, ODT, CHM, EPUB, ODP, PPSX), а также онлайн-контент, размещенный на URL-адресе. Инструмент сохраняет исходное форматирование документов, его разбивку на абзацы и строки, а также умеет сравнивать таблицы внутри текстов. После загрузки материалов и обработки данных на экране отразится отчет, представляющий в процентном виде типы сходств фрагментов, обнаруженных в ходе сравнения текстов: идентичные (identical) – точное совпадение текстов; похожие (similar) – тексты имеют незначительные изменения; перефразированные (paraphrased) – тексты сходны по смыслу, но имеют различное лексическое оформление. Кроме того, все обнаруженные фрагменты, содержащие какие-либо совпадения, будут промаркированы разными цветами. На сайте также предусмотрена возможность сохранения отчета о результатах сравнения на выбранный пользователем срок. Среди недостатков стоит отметить англоязычный интерфейс сайта, а также ограничение на ежедневное количество бесплатных сравнений.

Таким образом, проведенный анализ онлайн-инструментов для сравнения текстов показал, что большинство из них (Copyscape, Embedika Compare, Draftable Online, «Сравнить тексты») созданы в первую очередь в помощь редакторам, копирайтерам, владельцам сайтов, юристам для быстрого обнаружения внесенных в текст изменений. Путем цветного маркирования на экране отображаются удаленные, измененные и добавленные фрагменты текста. Среди

недостатков перечисленных сервисов отметим ограниченный объем загружаемых файлов (инструменты хорошо подходят для сравнения юридических документов), а в некоторых случаях отсутствие процентного отображения количества совпадений. Наиболее продвинутой аналитикой сравнения текстов предлагает сервис CopyLeaks Text Compare Tool. Помимо процента совпадений и количества одинаковых слов он определяет типы сходств фрагментов текста, выделяя среди них идентичные (полнотекстовые), похожие (с минимальными изменениями) и перефразированные. Функционал данного инструмента является наиболее подходящим для упрощения и автоматизации поставленной перед экспертом задачи по выявлению полнотекстовых и частичных совпадений и подсчета их количества в процентах. Однако не стоит забывать, что полученные результаты сравнения текстовых файлов требуют от эксперта их проверки и проведения дальнейшего лингвистического исследования с интерпретацией установленных совпадений и определением их типа.

Тем не менее ни один из приведенных онлайн-инструментов на данный момент не решает вопрос с выявлением в сравниваемых текстах иных (лексических, грамматических, семантических, синтаксических) совпадений. Так, при анализе текстов могут встретиться предложения, близкие по смыслу, но имеющие отличия в лексико-грамматическом и синтаксическом оформлении или же предложения, сходные в содержательном плане и по большей части в лексическом наполнении, но отличающиеся грамматическим и синтаксическим оформлением, в связи с чем необходимо поставить вопрос о разработке инструмента, который бы справился с этой задачей и упростил процесс поиска в сравниваемых материалах иных видов совпадений. При этом данный инструмент должен принимать на вход файлы различных форматов, в том числе документы большого объема, иметь удобный русскоязычный интерфейс, обеспечивать неограниченное количество загрузок файлов, безопасность их хранения и получение отчета по результатам сравнения.

Литература

Бойцов А. А., Кулешова А. А., Лизоркин А. М. Новый подход к сравнительному анализу текстов в рамках комплексной компьютерно-технической и лингвистической экспертизы / Теория и практика судебной экспертизы. – 2018. – Том 13. – № 3. – С. 47-52. DOI: <https://doi.org/10.30764/1819-2785-2018-13-3-47-52>.

Жаворонков В. А. Особенности назначения судебных экспертиз при расследовании плагиата / Вестник Волгоградской академии МВД России. – 2013. – № 3 (26). – С. 88-92.

Конституция Российской Федерации, статья 44. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/

Кузнецов В. О., Крюк Е. К. Разграничение компетенций эксперта-лингвиста и эксперта-автороведа при исследовании объектов авторского права и объектов смежных прав / Теория и практика судебной экспертизы. – 2019. – Том 14. – № 3. – С. 15-25. DOI: <https://doi.org/10.30764/1819-2785-2019-14-3-15-25>.

Методические рекомендации по экспертной оценке оригинальности текстов диссертаций в системе «Антиплагиат» / О. С. Беленькая, И. Б. Стрелкова, О. А. Филиппова, Ю. В. Чехович. СПб, 2021.

Садова Т. С. Текстовые заимствования (плагиат) как предмет лингвистической экспертизы / Acta Linguistica Petropolitana. – 2019. – Vol. 15.1. – С. 184-194. DOI: <https://doi.org/10.30842/alp2306573715109>.

References

Boitsov, A. A., Kuleshova, A. A., Lizorkin, A. M. (2018). A New Approach to Forensic Text Comparison in the Framework of Integrated Computer Science and Linguistics Investigation. *Theory and Practice of Forensic Science*, 13(3), 47-52. DOI: <https://doi.org/10.30764/1819-2785-2018-13-3-47-52> (in Russian).

Constitution of the Russian Federation, article 44. Available from:

http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (in Russian).

Kuznetsov, V. O., Kryuk, E. K. (2019). Demarcating a Linguistic Expert's and an Authorship Investigator's Competencies When Examining Copyright and Related Rights Objects. *Theory and Practice of Forensic Science*. 14(3), 15-25. DOI: <https://doi.org/10.30764/1819-2785-2019-14-3-15-25> (in Russian).

Methodological recommendations on the expert assessment of the originality of the texts of dissertations in the "Antiplagiat" system (2021). / O. S. Belenkaya, I. B. Strelkova, O. A. Filippova, Yu. V. Chekhov. St. Petersburg (in Russian).

Sadova, T. S. (2019). Textual borrowing (plagiarism) as a matter of linguistic expertise. *Acta Linguistica Petropolitana*, 15.1, 184-194. DOI: <https://doi.org/10.30842/alp2306573715109> (in Russian).

Zhavoronkov, V. A. (2013). Peculiarities of Assigning Forensic Examinations When Investigating Plagiarism. *Volgograd Academy of the Russian Internal Affairs Ministry's Digest*, 3 (26), 88-92 (in Russian).

Citation:

Белова П. Е. Способы автоматизации сравнительного анализа текстов при выявлении признаков плагиата в экспертизах по делам о нарушении авторских и смежных прав // Юрислингвистика. – 2023. – 27. – С. 94-98.

Belova P. E. (2023). Methods for Automated Comparative Analysis of Texts when Detecting Signs of Plagiarism in Expert Case Examinations of Copyright and Related Rights Infringement. *Legal Linguistics*, 27, 94-98.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0. License

Диалог как текст, содержащий эмодиконы: юрислингвистический аспект рассмотрения¹

Я. А. Дударева¹, Н. Н. Шпильная²

¹Кемеровский государственный университет

улица Красная, 6, 650000, Кемерово, Россия. E-mail: dudareva-yana@yandex.ru

²Алтайский государственный педагогический университет

улица Молодежная, 55, 656031, Барнаул, Россия. E-mail: venata85@mail.ru

Статья посвящена рассмотрению диалогов, содержащих эмодиконы, которые стали материалами разнообразных судебных процессов. Рассмотрены ключевые для юридической лингвистики проблемы, связанные с функционированием в современной электронной коммуникации текстов, содержащих эмодиконы: вербализация эмодиконов, в том числе онлайн-вербализация с помощью специализированных эмодзи-переводчиков, их интерпретация и лексикографирование. На основе рассмотренных судебных случаев также сформулирована проблема сходства между текстом, включающим в свой состав эмодиконы, и вербализованным текстом, не содержащим пиктограммы. На основе анализа текстов-пиктограмм, а также сообщений, содержащих эмодиконы, сделан вывод, что сходство между текстом с пиктографическими элементами и текстом, в составе которого не имеются эмодиконы, может быть представлено в разной степени. Возможно три варианта: 1) наличие полного сходства (тождества) между текстом, содержащим эмодиконы, и текстом, представляющим собой его точную вербализацию; 2) наличие частичного сходства между текстом с эмодиконами и текстом без пиктографических элементов; 3) отсутствие сходства между текстом с эмодиконами и текстом без пиктографических элементов. Степень сходства между текстами обусловлена явлениями полисемии, омонимии и синонимии. Появление у эмодикона новых значений приводит к развитию синонимии между пиктограммами, и в конечном итоге к синонимии текстов сообщений. Омонимия эмодиконов может быть обусловлена культурологически, а также может быть связана с расширением и сужением коммуникативного контекста ситуации с позиции адресанта и адресата сообщения. Между текстом, содержащим эмодиконы, и текстом, в составе которого эмодиконы отсутствуют, может наблюдаться диктумное сходство (тождество), но при этом сопровождающееся модусными отличиями. Таким образом, степень сходства между текстом, содержащим эмодиконы, и вербализованным текстом обусловлена как онтологически, то есть самим использованием знаков, которым свойственно наличие многоплановых отношений, так и гносеологически, то есть зависит от социальных, психологических черт, особенностей и установок лиц, вступающих в коммуникацию.

Ключевые слова: судебная семиотика, лингвистическая экспертиза текста, эмодикон, электронная коммуникация.

Dialogue as Text Containing Emoticons: Jurislinguistic Approach

Ya. A. Dudareva¹, N. N. Shpilnaya²

¹Kemerovo State University

6 Krasnaya St., 650000, Kemerovo, Russia. E-mail: dudareva-yana@yandex.ru

²Altai State Pedagogical University

55 Molodezhnaya St., 656031, Barnaul, Russia. E-mail: venata85@mail.ru

The article considers dialogues containing emoticons, which have become case materials of various lawsuits. The key problems for legal linguistics related to the functioning of texts containing emoticons in modern electronic communication

¹ Работа подготовлена при поддержке гранта Президента РФ для молодых ученых - докторов наук МД - 3824.2021.2

are considered: verbalization of emoticons, including online verbalization with the help of specialized emoji-translators, and their interpretation and lexicography. Basing on the considered court cases, the problem of similarity between the text, which includes emoticons, and the verbalized text, which does not contain pictograms, is also formulated. Basing on the analysis of pictogram texts, as well as messages containing emoticons, it has been concluded that the similarity between text with pictographic elements and text that does not contain emoticons can be represented to various degree. Three options are possible: 1) the presence of complete similarity (identity) between the text containing emoticons and the text, which is its exact verbalization; 2) the presence of partial similarity between text with emoticons and text without pictographic elements; 3) lack of similarity between text with emoticons and text without pictographic elements. The degree of similarity between texts arises from the phenomena of polysemy, homonymy and synonymy. The appearance of new meanings in the emoticon leads to the development of synonymy between pictograms, and ultimately to the synonymy of message texts. The homonymy of emoticons can be culture determined, and can also be associated with the broadening and narrowing of the communicative context of the situation from the position of the addresser and addressee of the message. Between the text containing emoticons and the text in which there are no emoticons, there may be a dictum similarity (identity), but at the same time accompanied by mode differences. Thus, the degree of similarity between a text containing emoticons and a verbalized text is determined both ontologically, i.e. by the very use of signs, which are characterized by the presence of multifaceted relationships, and epistemologically, i.e. depends on the social, psychological traits, characteristics and attitudes of persons entering into communication.

Key words: forensic semiotics, text linguistic expertise, emoticon, electronic communication.

Введение в проблематику

Развитие современной коммуникации закономерно приводит к тому, что диалог как текст, содержащий разнообразные эмодзи, все чаще становится материалом для проведения лингвистической экспертизы.

В настоящей статье мы используем понятие эмодзи в широком значении, понимая под эмодзи разнообразие пиктограммы, функционирующие в электронной коммуникации, «включая ... сложные картинки (эмодзи) с элементами художественного плана для графического изображения эмоции, замещающей ее текстовое выражение, выражения концепции или идеи без использования слов» [Галяшина 2022: 45].

Эмодзи существенно расширили сферу своего функционирования по сравнению с той, какой изначально ее видели разработчики. В настоящее время они используются не только как знаки-дублиеры или усилители для выражения эмоционально-психологического состояния участника коммуникации [Пигина 2013: 144] и не только как пиктограммы, позволяющие «экономить время и ресурсы в процессе виртуальной коммуникации» [Крылов 2017: 50], но и как «коммуникативная интернет-технология, которая позволяет ускорять обмен политической информацией и побуждать граждан к участию в политических событиях» [Войнов 2016: 103]. Эмодзи также могут являться сообщением о преступных намерениях граждан, в связи с чем российские и зарубежные исследователи единодушны во мнении, что современные пиктограммы требуют особого внимания как с собственно научных позиций, так и со стороны судебной и следственной практики.

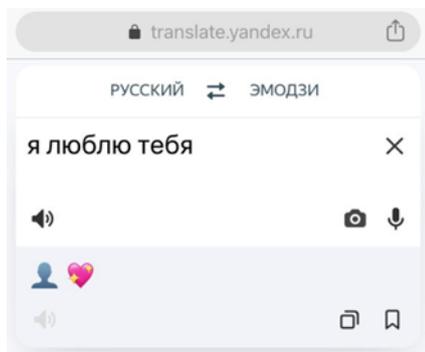
Авторы российского методического пособия, посвященного семантическим исследованиям в судебной лингвистической экспертизе, выделили многочисленные функции эмодзи, среди которых «нивелирование значения, выраженного вербальными знаками», «манипулирование ходом диалога» и др. [Плотникова, Кузнецов, Саженин 2018: 17-19]. Е. И. Галяшиной дополнен перечень вышеприведенных функций эмодзи за счет включения функций «усиление воздействующего эффекта вербального компонента текста; смыслового дополнения, приращения смысла вербальной составляющей текста; свертки текста; имитации и/или маскировки эмоционального состояния автора сообщения; «провокации» (побуждения) адресата на определенную реакцию; воздействие на эмоциональное состояние реципиента и др.» [Галяшина 2022: 46], что также свидетельствует о способности эмодзи быть средством реализации преступных намерений. Полифункциональность эмодзи, его функционирование в качестве знака, способного передать, дополнить, модифицировать или в значительной степени изменить текстовое сообщение, приводит Е. И. Галяшину к мысли о рассмотрении семиотики эмодзи в судебной лингвистической экспертизе, а Марселя Данези, исследователя из Университета Торонто, к выделению нового исследовательского направления «Криминалистика эмодзи» [Danesi 2021: URL].

Поскольку в область юридической лингвистики входят разнообразные категории дел, то научные исследования, посвященные изучению эмодзи, существенно обогащают теорию и методологию судебной лингвистики и автороведения. Так, весьма многообещающими являются научные работы, посвященные рассмотрению эмодзи как «маркеров авторства». Каролин Марко на основе исследования эмодзи, которыми пользуются мужчины и женщины разных возрастов в социальной сети «Инстаграм», убедительно продемонстрировала, что анализ эмодзи «является ценным дополнением к методам анализа авторства» [Marko 2021: URL], поскольку эмодзи позволяют определить возраст, пол, личностные черты, регион проживания человека.

Также одним из актуальных аспектов изучения эмодзи в юрислингвистическом аспекте является их рассмотрение как маркеров агрессивности электронного дискурса. Как показало исследование А. Матулевской и Д. Гвяздовича, в киберзапугивании могут использоваться как эмодзи, которые изначально выражают негативные и опасные эмоции и идеи (например, пистолет или злое лицо), так и те, которые являются позитивно окрашенными, но, попадая в отрицательно оцениваемый контекст, становятся маркерами поддержки агрессивно настроенных пользователей [Matulewska, Gwiazdowicz 2020: URL].

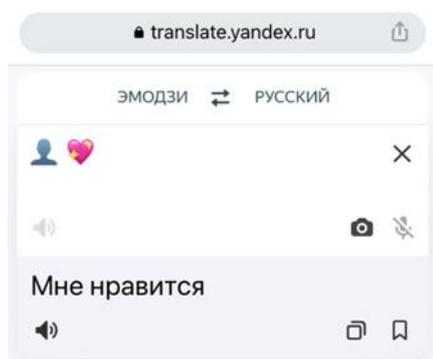
Эмотиконы как новый исследовательский материал ставят перед лингвистами проблемы их вербализации, интерпретации и лексикографирования. Рассуждая о трудностях интерпретации эмотиконов, Майкл А. Кристал отмечает, что текст онлайн-коммуникации может быть двусмысленным, и именно эмотикон способен внести ясность в понимание сообщения. В связи с этим исследователь придерживается мнения, что «юристы слишком поспешили рассматривать текст и эмодзи как единое целое, в то время как их следовало бы рассматривать по отдельности» [Crystal, Ververs, Khan 2021: URL].

Проблема вербализации эмотиконов интересует не только собственно лингвистов, но и специалистов в области программирования, которые разработали онлайн-переводчики, в том числе с русского языка на язык эмодзи. К примеру, Яндекс. Переводчик для фразы «Я люблю тебя» дает следующий эмодзи-перевод:

Полученный результат не полностью соответствует пропозициональной структуре предложения: имеется пиктограмма-субъект, который испытывает эмоцию; имеется выражение действия «любить» в виде пиктограммы «сердце»; отсутствует пиктограмма, выражающая субъекта, которого любят.

Обратный перевод, то есть в направлении от полученной комбинации эмодзи к ее вербализации, приводит к фразе «мне нравится», что логично с учетом двух переводимых символов, но предложение, полученное в ходе обратного перевода, не совпадает с первоначальной фразой «я люблю тебя».

Местоимение «тебя», заложенное изначально и утраченное при эмодзи-переводе, не появилось в результате обратного перевода, в связи с чем приходится признать, что на настоящий момент онлайн-вербализация не всегда справляется с правильным выражением пропозиционального содержания предложений. Однако отметим, что сотрудничество лингвистов и программистов может дать высокие результаты, в связи с чем успехи направления транслятивная лингвистика, выделенного Н. Д. Голевым, окажутся востребованными и для юридической лингвистики.

В юридической лингвистике точная передача диктума и модуса при вербализации эмодзи является особенно значимой. В связи с тем, что коммуникация представляет собой творческий процесс выражения и понимания мысли, наиболее сложной проблемой для лингвоэкспертологии становится интерпретация окказиональных эмотиконов: «... установление смыслового значения окказиональных (не конвенциональных) эмотиконов и иных изобразительных средств, дополняющих или сопровождающих вербальный состав текста интернет-коммуникации; особую проблему составляет понимание скрытых смыслов, выражаемых окказиональными авторскими эмотиконами и иными пиктограммами» [Галяшина 2022: 47].

В связи с проблемой адекватной вербализации эмотиконов мы отмечаем также проблему определения сходства между текстом, содержащим эмотиконы, и текстом, состоящим исключительно из вербальных знаков. Поскольку понятие «сходство» является градуальным, то между вербальным текстом и текстом с эмотиконами может быть разная степень близости. Степень близости текстов, содержащих и не содержащих эмотиконы, их диктумно-модусное сходство/различие обусловлено явлениями синонимии, полисемии и омонимии знаков.

Диалоги, содержащие эмотиконы, в современной коммуникации и в судебной практике

Тексты-пиктограммы активно функционируют в современной интернет-коммуникации. Весьма распространены разного рода загадки, тексты для изучающих иностранные языки, составленные исключительно с использованием

эмодзи. К примеру, создатели ребусов предлагают по комбинации знаков отгадать фильм, решить несложную математическую задачу или прочитать целый графический текст:

Фильм «Бриллиантовая рука»

Фильм «Семь стариков и одна девушка»

Фильм «Карнавальная ночь»

Помимо развлекательных или учебных целей, комбинации эмодзи могут использоваться для невербального выражения преступных намерений. В СМИ освещаются ситуации оскорбления, заключения контрактов и выражение угроз, связанные с использованием эмодзи. Так, Стивен Харрисон приводит из реальной судебной практики следующую комбинацию символов, которая использовалась для выражения преступного намерения по нападению на гражданина, адресата сообщения [Harrison 2019: URL]:

Во Франции 22-летний мужчина получил трехмесячное заключение за отправленную пиктограмму «пистолет» своей бывшей девушке. Суд посчитал это выражением реальной угрозы: «суд постановил, что эмодзи с пистолетом переводится как угроза смерти в виде изображения» [Docrat, Kaschula 2020: URL]. На основе сообщения, содержащего имя человека и эмодзи в виде лица с крестиками вместо глаз, суд в Америке принял решение о преднамеренном убийстве, а не о случайной смерти, как об этом утверждал обвиняемый.

Судебная практика показывает, что одни и те же пиктограммы могут по-разному интерпретироваться отправителем и получателем сообщения, то есть за одним и тем же знаком могут стоять разные пропозиции, наличие которых обусловлено омонимией знака. Это может быть связано с межкультурными различиями. К примеру, для многих стран знак «рука с поднятым большим пальцем» является выражением одобрения, показателем того, что все в порядке, а в некоторых других странах этот же знак является оскорбительным.

Отправитель и получатель сообщения также могут акцентировать внимание на разных аспектах коммуникативной ситуации, в результате чего один и тот же графический знак будет иметь разное вербальное содержание для каждой из сторон. Смоделируем ситуацию: гражданин в ответ на просьбу прислать договор, получает от менеджера документ и в ответном сообщении отправляет ему пиктограмму «рука с поднятым большим пальцем». С учетом общего коммуникативного контекста использованная пиктограмма может быть графическим эквивалентом вербальных конструкций типа «получил договор», «принято», «спасибо». Этот же знак может означать согласие с условиями договора, его подписание, если на это имеется указание в ходе предшествующей коммуникации. Так, суды США при рассмотрении конфликтных ситуаций приходили к выводам о том, что пиктограммы «рука с поднятым большим пальцем», «рукопожатие» и даже знак «очки» являлись выразителями намерения заключить договоры.

Йоханнес дю Плесси, юрист компании Risk Benefit Solutions, которая специализируется на страховании и рисках, отмечает, что «если вы ведете переговоры о трудовом договоре с помощью SMS или мгновенного сообщения и создаете впечатление позитивности или принятия, то вы можете быть привлечены к ответственности за потерю дохода работодателя, если затем нарушите этот контракт. Общение с использованием смайликов позволяет пользователей мгновенных сообщений легко привлечь к ответственности за ущерб, поэтому не подвергайте себя риску, отправляя сообщения, которые могут создать у получателя неправильное впечатление или убеждение в том, что юридический договор был заключен» [Govender 2017: URL].

В зарубежной судебной практике в качестве первого дела, которое было рассмотрено на материале текста, содержащего эмодзи, описывается ситуация, произошедшая в Израиле, связанная с арендой квартиры. Арендодатель получил сообщение следующего содержания: «Доброе утро. Заинтересованы в доме. Только нужно обсудить детали. Когда Вам будет удобно?». С эмодзи сообщение выглядело следующим образом [Судебно-экспертное агентство 2020: URL]:

Заключение

Приведенные в настоящей статье примеры ярко демонстрируют актуальность для современной юридической лингвистики проблем вербализации, интерпретации и лексикографирования эмодиконов. На основе анализа текстов, являющихся фрагментами онлайн-диалогов, мы приходим к выводу о том, что сходство между текстом, содержащим эмодиконы и текстом, в составе которого эмодиконы отсутствуют, может быть представлено в разной степени: 1) полное сходство (тождество), которое возможно в случаях однозначности вербализации и интерпретации текста с эмодиконами; 2) наличие частичного сходства в случае множественной, но при этом сходной, синонимичной вербализации и интерпретации сообщения с эмодиконами адресантом и адресатом; 3) отсутствие сходства в случае множественной, но при этом принципиально различной вербализации и интерпретации сообщения с эмодиконами адресантом и адресатом сообщения. Степень сходства между текстами обусловлена, с одной стороны, отношениями полисемии, омонимии и синонимии знаков, с другой стороны, социо- и психолингвистическими особенностями адресанта и адресата, участвующих в коммуникации.

Литература

- Без персиков и баклажанов: Facebook банит за «сексуальные» эмодзи. 2019. URL: https://news.rambler.ru/internet/43077436/?utm_content=news_media&utm_medium=read_more&utm_source=copylink
- Войнов Д. А. «Эмодзи» как технология политической коммуникации в Интернете. 2016. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/emodzi-kak-tehnologiya-politicheskoy-kommunikatsii-v-internete/viewer>
- Галяшина Е. И. Семиотика эмодиконов и анимационных картинок в аспекте судебной лингвистической экспертизы / Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). – Москва, 2022. – №2. – С. 41-48.
- Крылов Ю. В. Семантика эмодзи в виртуальном диалоге / Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования. – Омск, 2017. – №2 (15). – С. 50-52.
- Пигина Е. С. Смайлик как элемент эмоционального воздействия в организации общения в сети интернет / Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов, 2013. – № 11 (29): в 2-х ч. Ч. II. – С. 144-146.
- Семантические исследования в судебной лингвистической экспертизе : методическое пособие / А. М. Плотникова, В. О. Кузнецов, И. И. Саженин [и др.]; под ред. С. А. Смирновой. Москва, 2018.
- Судебно-экспертное агентство. Эмодзи в лингвистической экспертизе. 2020. URL: <https://sudagent.ru/publications/emodzi-v-lingvisticheskoy-ekspertize/>
- Crystal M. A., Ververs B., Khan M. The faces of justice: a study of the interpretation of emoji messages in the court process. 2021. URL: https://www.researchgate.net/publication/349937369_The_faces_of_justice_a_study_of_the_interpretation_of_emoji_messages_in_the_court_process
- Danesi M. The Law and Emojis: Emoji Forensics. 2021. URL: https://www.researchgate.net/publication/353421780_The_Law_and_Emojis_Emoji_Forensics
- Docrat Z., Kaschula R.H. Forensic linguists explore how emojis can be used as evidence in court. 2020. URL: <https://theconversation.com/forensic-linguists-explore-how-emojis-can-be-used-as-evidence-in-court-133462>
- Govender S. Those smiley face or thumbs up emojis could land you in legal hot water. 2017. URL: <https://www.timeslive.co.za/news/south-africa/2017-10-01-those-smiley-face-or-thumbs-up-emojis-could-land-you-in-legal-hot-water/>
- Harrison S. How Emojis Have Invaded the Courtroom. 2019. URL: <https://slate.com/technology/2019/11/emoji-court-cases-crime-free-speech-contract-law.html>
- Marko K. Exploring the Distinctiveness of Emoji Use for Digital Authorship Analysis. 2021. URL: https://www.researchgate.net/publication/349027349_Exploring_the_Distinctiveness_of_Emoji_Use_for_Digital_Authorship_Analysis
- Matulewska A., Gwiazdowicz D.J. Cyberbullying in Poland: a case study of aggressive messages with emojis targeted at the community of hunters in urbanized society. 2020. URL: https://www.researchgate.net/publication/340654518_Cyberbullying_in_Poland_a_case_study_of_aggressive_messages_with_emojis_targeted_at_the_community_of_hunters_in_urbanized_society

References

- Crystal, M. A., Ververs, B., Khan, M. (2021). The faces of justice: a study of the interpretation of emoji messages in the court process. Available from: https://www.researchgate.net/publication/349937369_The_faces_of_justice_a_study_of_the_interpretation_of_emoji_messages_in_the_court_process (in English).
- Danesi, M. (2021). The Law and Emojis: Emoji Forensics. Available from: https://www.researchgate.net/publication/353421780_The_Law_and_Emojis_Emoji_Forensics (in English).
- Docrat, Z., Kaschula, R.H. (2020). Forensic linguists explore how emojis can be used as evidence in court. Available from: <https://theconversation.com/forensic-linguists-explore-how-emojis-can-be-used-as-evidence-in-court-133462> (in English).

- Forensic expert agency. Emoji in linguistic expertise (2020). Available from: <https://sudagent.ru/publications/emodzi-v-lingvisticheskoy-ekspertize/> (in Russian).
- Galyashina, E.I. (2022). Semiotics of emoticons and animated pictures in the aspect of forensic linguistic expertise. Bulletin of the O. E. Kutafin University (MSLA), 2, 41-48 (in Russian).
- Govender, S. (2017). Those smiley face or thumbs up emojis could land you in legal hot water. Available from: <https://www.timeslive.co.za/news/south-africa/2017-10-01-those-smiley-face-or-thumbs-up-emojis-could-land-you-in-legal-hot-water/> (in English).
- Harrison, S. (2019). How Emojis Have Invaded the Courtroom. Available from: <https://slate.com/technology/2019/11/emoji-court-cases-crime-free-speech-contract-law.html> (in English).
- Krylov, Yu. V. (2017). Emoji semantics in virtual dialogue. Bulletin of the Omsk State Pedagogical University. Humanitarian research, 2 (15), 50-52 (in Russian).
- Marko, K. (2021). Exploring the Distinctiveness of Emoji Use for Digital Authorship Analysis. Available from: https://www.researchgate.net/publication/349027349_Exploring_the_Distinctiveness_of_Emoji_Use_for_Digital_Authorship_Analysis (in English).
- Matulewska, A., Gwiazdowicz, D. J. (2020). Cyberbullying in Poland: a case study of aggressive messages with emojis targeted at the community of hunters in urbanized society. Available from: https://www.researchgate.net/publication/340654518_Cyberbullying_in_Poland_a_case_study_of_aggressive_messages_with_emojis_targeted_at_the_community_of_hunters_in_urbanized_society (in English).
- No peaches and eggplant: Facebook bans for "sexy" emojis (2019). Available from: https://news.rambler.ru/internet/43077436/?utm_content=news_media&utm_medium=read_more&utm_source=copylink (in Russian).
- Pigina, E. S. (2013). Smiley as an element of emotional impact in the organization of communication on the Internet. Philological sciences. Questions of theory and practice, 11 (29), Part II, 144-146 (in Russian).
- Semantic research in forensic linguistic expertise: methodological guide (2018). Plotnikova, A. M., Kuznetsov, V. O., Sazhenin, I. I. [and others]; ed. Smirnova, S. A., 136 (in Russian).
- Voynov, D. A. (2016). "Emoji" as a technology of political communication on the Internet. Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/emodzi-kak-tehnologiya-politicheskoy-kommunikatsii-v-internete/viewer> (in Russian).

Citation:

Дударева Я. А., Шпильная Н. Н. Диалог как текст, содержащий эмодиконы: юрислингвистический аспект рассмотрения // Юрислингвистика. – 2023. – 27. – С. 99-105.

Dudareva Ya.A., Shpilnaya N.N. (2023). Dialogue as Text Containing Emoticons: Jurislinguistic Approach. Legal Linguistics, 27, 99-105.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0. License

Методика определения меры сходства между объектами речеведческих экспертиз

С. И. Красса

*Ассоциация «Центр независимой экспертизы "Спектр"»
Ставрополь, Россия. E-mail: skrassa@mail.ru*

В статье описываются исследовательские процедуры с целью определения меры сходства между объектами речеведческих экспертиз. Предлагаемая методика основывается на сочетании качественных и количественных методов, а также применении компьютерного инструментария. Основной задачей данного исследования является описание способов получения максимально надежных результатов, которые могут быть проверены другим специалистом. Для проведения исследования выделяются три множества: исходный объект (спорный текст), объект, сопоставляемый с исходным, и объект-конструкт, включающий в себя характеристики, общие для исходного и сопоставляемого множеств. В качестве объектов могут быть протоколы допроса, тексты, проверяемые на наличие плагиата, наименования товарных знаков, газетные публикации, другие речевые продукты. Качественные процедуры предполагают выделение характеристик, описывающих объекты, тогда как количественные процедуры позволяют проводить нормализацию параметров, выявленных в объектах. Выделение характеристик проводится экспертным путем, с опорой на принятые в лингвистике классификации. Анализ текстов с идентичным содержанием проводится путем выделения тождественных фрагментов и подсчета их объемов. Анализ сходства словесных наименований проводится на базе фонетических, графических, семантических и ассоциативных параметров. Анализ текстов на возможное авторство проводится с помощью лексических, морфологических и синтаксических данных. На основе полученных численных показателей проводится вычисление коэффициентов сходства. Характеристики, которые предполагают ответ «да/нет», маркируются единицей при положительном ответе и нулем при отрицательном. Характеристики, имеющие числовое значение, сопоставляются с использованием коэффициентов корреляции и признаются идентичными при значении 0,7 и выше. Проведение цифровых аналитических процедур по возможности основывается на использовании компьютерных сервисов. Полученные числовые данные представляют собой коэффициенты Жаккара, Серенсена, Кульчинского и Отиаи, среди которых первый всегда ниже трех последующих, демонстрирующих относительную стабильность.

Ключевые слова: лингвистическая экспертиза, автороведческая экспертиза, сходство текстов, тождество текстов.

The Procedure of Determining Degree of Similarity between Objects in Linguistic Examinations

S. I. Krassa

*Association "The Independent Expertise Center " Spektr "
Stavropol, Russia. E-mail: skrassa@mail.ru*

The article describes the research procedures for determining the degree of similarity between the objects of linguistic examination. The procedure is based on the combination of qualitative and quantitative methods and the use of computer tools. The main objective of this study is to describe ways of obtaining the most reliable results, which can be verified. For carrying out of research three sets are allocated: initial object, object compared with initial, and object-construct, which includes the characteristics common for the compared sets. The objects may be interrogation protocols, texts checked for plagiarism, trademark names, newspaper publications and other. Qualitative procedures imply singling out characteristics describing objects, while quantitative procedures allow normalization of parameters identified in the objects. The extraction of characteristics is carried out by expertise, relying on the classifications accepted in linguistics. The analysis of texts with identical content is carried out by selecting identical fragments and estimating their volumes. The analysis of the similarity of trademarks is carried out on the basis of phonetic, graphic, semantic and associative parameters. The analysis of texts for

possible authorship is carried out with the help of lexical, morphological and syntactic data. On the basis of the obtained numerical indicators, similarity coefficients are calculated. Characteristics that involve a selection of a yes/no answer are marked with 1 for a positive answer and zero for a negative one. Characteristics that have a numerical expression are compared using correlation coefficients and are recognized as identical when the value is 0.7 or higher. Numeric analytical procedures are generally based on the use of computer services. The numeric data obtained are represented by the coefficients of Jaccard, Sørensen, Kulczynski and Ochiai.

Key words: linguistic examination, authorship examination, similarity of texts, identity of texts.

Рассматривая отношения гуманитарных и естественных наук, N. Christakis отмечал: гуманитарии не поступают так, как это делают представители естественных наук, заявляя об исследовании области до «разумного уровня определенности», чтобы затем перейти к иным рубежам [Christakis 2015]. На наш взгляд, «уровнем определенности» для некоторых речеведческих экспертиз является, в частности, установление сходства между языковыми объектами на основе сочетания воспроизводимых качественных и количественных методов.

В судебно-экспертной практике нередко встречается анализ протоколов допроса, «значительная часть которых выполнена “под копирку” и имеет аналогичные ошибки. Такие экспертные задачи смыкаются в определенной мере с автороведческой экспертизой, в том смысле, что выясняется, кто автор текста – свидетель (потерпевший, подозреваемый) или следователь (дознатель) – лицо, составлявшее протокол» [Красса 2018: 82]. В подобных исследованиях обычно ставятся задачи выявления в текстах идентичных (тождественных) фрагментов, а также аналогичных ошибок. Сходной задачей является установление процента идентичности судебного решения (приговора) и обвинительного заключения, а также иных экспертных действий с целью демонстрации текстовых заимствований.

Для решения указанных задач используется метод сопоставительного анализа в его разновидности корректорской считки (сличения) [Новожилова 2021], а также статистический анализ. Для ответа на второй вопрос применяется метод эрративного анализа (выявления ошибок и их интерпретации). Идентичные (тождественные) фрагменты имеют такое же лексическое содержание и грамматические формы, написание и пунктуацию и, следовательно, одинаковое смысловое содержание [Красса 2019: 82]. В данном случае мы уходим от разграничения «полностью совпадающие / частично совпадающие фрагменты» [Бойцов, Кулешова, Лизоркин 2018].

Проведенное сопоставление (сличение) текстов (например, протоколов опроса, допроса и т. п.) оформляется, как правило, в таблицах. Совпадающие части текстов разбиваются на фрагменты и нумеруются. Затем проводится подсчет объема фрагментов с помощью стандартной офисной программы Microsoft Word, сервис «Статистика» (количество слов, знаков без пробелов). Различающиеся части анализируемых фрагментов выделяются для наглядности фоном.

Частично эту работу можно возложить на компьютерные сервисы, например Copyscape [<https://www.copyscape.com/compare.php>], Embedica [<https://compare.embedika.ru>], Draftable [<https://draftable.com/compare/>], Панда-Копирайтинг [<https://petr-panda.ru/sravnitviteksty/>], Copyleaks [<https://app.copyleaks.com/text-compare>] (см. обзор этих программ в выступлении П. Е. Беловой на Всероссийской научно-практической конференции «Юридическая лингвистика: языковые аспекты права», Барнаул, 14 октября 2022 г.).

Использование указанных программ помогает специалисту в выделении идентичных фрагментов сопоставляемых текстов, а также подсчете слов и знаков. Вместе с тем это не снимает ответственности с эксперта за результаты исследования и их интерпретацию (см. о проблеме «черного ящика» в судебных делах по автороведению [Красса 2020]). В тех случаях, когда программы открывают свои алгоритмы, также остаются вопросы. Например, в одной из программ «расчет числового параметра степени совпадения сравниваемых абзацев производится на основании вычисления расстояния Левенштейна» [Бойцов, Кулешова, Лизоркин 2018: 49], что, на наш взгляд, математически вполне оправданно. В то же время в итоговую формулу расчета процента совпадения включены по два коэффициента (в числитель и знаменатель). Эти коэффициенты «подобраны эмпирически (на основании репрезентативных выборок из результатов сравнительных анализов текстов небольших объемов по ранее проведенным экспертным исследованиям)» [Бойцов, Кулешова, Лизоркин 2018: 49]. Такой подход априори ставит вопросы относительно объективности названных коэффициентов, прозрачности их получения и возможности их экстраполяции на иные тексты.

В результате анализа текстов (вручную или с помощью компьютерных программ) в распоряжении эксперта оказываются 3 текста: текст А – исходный в том или ином отношении (например, более ранний по дате создания), текст В, который сопоставляется с исходным, и текст С, содержащий фрагменты, общие с текстами А и В. Далее проводится подсчет объема каждого их текстов. Например (данные взяты из реального исследования), если объем текста А – 26743 знака без пробелов, объем текста В – 15104 знаков, текста С – 12907 знаков, то эксперт отвечает примерно таким образом: «В текстах А и В имеются идентичные (тождественные) фрагменты, доля которых составляет 56 % в тексте А и 85 % в тексте В». Возможна также формулировка: «56 % из текста А входит в текст В и составляет в последнем около 85 % от его объема». Доля общего текста разная из-за различия в объемах текстов, представленных на исследование.

Чтобы избежать двойственности обозначения общей доли в исследуемых текстах, следует использовать коэффициенты сходства. Сходство – «отношение, родственное равенству. При наличии у пары объектов хотя бы

одного общего признака можно говорить о С. объектов этой пары. Ввиду многообразия признаков на одной паре могут индуцироваться разные отношения С., а ввиду повторяемости признаков – одно отношение С. на разных парах [Сходство 1983: 666].

Для выявления меры сходства могут использоваться коэффициенты, например коэффициент Жаккара. Это первый известный коэффициент сходства, который в различных модификациях и записях активно используется для решения статистических задач. Формула данного коэффициента $K_{ж} = C/(A+B-C)$. Для приведенного выше примера значение коэффициента равно 0,45. Однако это не единственный коэффициент сходства, причем его значения, как позывает наша практика, ниже других аналогичных коэффициентов: так, в данном кейсе коэффициент Серенсена $K_{с} = 2C/(A+B) = 0,62$; коэффициент Кульчинского $K_{к} = C/2*(1/A+1/B) = 0,67$; коэффициент Отиаи $K_{о} = C/\sqrt{AB} = 0,64$.

При других показателях объема (размера) текстов коэффициенты (кроме коэффициента Жаккара) демонстрируют более близкие друг к другу значения. Например, при показателях в количестве слов $A = 813$, $B = 833$, $C = 823$ коэффициенты следующие: $K_{с} = 0,84$, $K_{к} = 0,85$, $K_{о} = 0,85$. Вероятно, стабильность названных выше трех коэффициентов зависит от соотношения объемов исследуемых текстов (эти объемы не должны значительно отличаться друг от друга), а также от размера доли общего текста в них.

Эрративный анализ показывает аналогичные ошибки в исследуемых текстах. При всем несистемном характере этого явления, указание на одни и те же ошибки представляет собой весьма весомый аргумент тождественности фрагментов исследуемых текстов. Часто среди таких ошибок имеет место отсутствие необходимых знаков препинания между частями сложного предложения, внутри осложненного предложения, грамматические ошибки в употреблении падежных форм (в частности, с предлогами *благодаря*, *согласно*, *вопреки*), отдельные орфографические и иные ошибки и описки.

Следующим кейсом установления меры сходства между объектами является сопоставительное исследование наименований товарных знаков. Методика данного исследования описана в [Новичихина, Стернин 2013], ее недостатки и пути их преодоления представлены в [Радбиль, Красса 2022]. Анализ сходства словесных наименований А и В проводится на основе исследования фонетических, графических, семантических и ассоциативных параметров.

В фонетическом анализе вначале приводится фонетическая транскрипция исследуемых слов, затем проводится сопоставление каждого из звуков на основе фонетико-фонологических характеристик. Названные характеристики могут быть не только артикуляционными: ряд, подъем, лабиализованность (а также ударность, если нет отдельного супrasegmentного анализа) для гласных, способ, место, сонорность, палатализованность для согласных, но и акустическими. Причем акустические характеристики представляются более удобными в данном случае, во-первых, в силу их универсальности (для гласных и согласных), во-вторых, в силу их дихотомичности.

Если в предыдущем кейсе числовые значения имеют естественный, не условный характер (объем текста измеряем тем или иным способом), то в данном случае необходима нормализация качественных параметров, которая проводится следующим образом. Звукам наименования А (см. [Радбиль, Красса 2022]) присваивается значение единицы (1) по каждому из параметров; звукам наименования В также 1 при совпадении характеристик и 0 при их различии. Например, звук [л] в одинаковой позиции в слове А и В (ALDBIO и ALBEA) описывается как вокальный, неконсонантный, низкий, компактный, недиезный, небемольный, непрерывный, нерезкий, звонкий, и каждой характеристике присваивается по 1 для каждого слова. Звуки [л] и [и] совпадают в характеристиках «вокальный, неконсонантный, небемольный, непрерывный, нерезкий, звонкий» и получают по 1 баллу. Характеристики «высокий, компактный, недиезный» отличают [и], поэтому данный звук за них ничего не получает (или получает по нулю), тогда как звук [л] за корреляты названных характеристик (низкий, диффузный, диезный) получает по единице. Множество А формируется путем сложения баллов (единиц), которыми положительно маркируются звуки слова А; множество В формируется путем сложения баллов (единиц), которыми положительно (так же, как и слова А) маркируются звуки слова В в сравнении со словом А.

Для выявления сходства необходимо еще одно множество – С, оно формируется путем сложения баллов, которыми положительно маркируются звуки слова В в сравнении со словом А – также по одному баллу за признак. Так, для исследуемых наименований со значениями $A = 45$, $B = 44$, $C = 35$ получаем следующие коэффициенты: $K_{ж} = 0,65$, $K_{с} = 0,79$, $K_{к} = 0,79$, $K_{о} = 0,79$. Как и в предыдущем кейсе, коэффициент Жаккара ниже, остальные коэффициенты стабильны или одинаковые. На них и следует опираться эксперту при формулировании выводов. В интерпретации данных квантитативного анализа рекомендуется исходить из значений корреляции, принятых в статистике: $0,2 < r \leq 0,5$ слабая корреляция; $0,5 < r \leq 0,7$ средняя корреляция; $0,7 < r \leq 0,9$ сильная корреляция; $0,9 < r \leq 1$ очень сильная корреляция. Следовательно, коэффициент 0,79 следует рассматривать в качестве индикатора сильного сходства.

Интересно, что фонетический артикуляционный анализ для пары тех же слов дает иные значения коэффициентов: $K_{ж} = 0,5$; $K_{с} = 0,67$; $K_{к} = 0,68$; $K_{о} = 0,67$. По этим данным степень сходства средняя. Различные подходы к анализу фонетических параметров слова открывают возможность исследования меры близости слов иными метриками.

Следующий вид анализа – графический, который также имеет два аспекта. Первый – в определенной мере общие характеристики, не связанные со значением отдельных графических знаков. Это такие характеристики, как тип письма (фонография/идеография), алфавит (кириллица/латиница), графема (буква/диграф), прописная или строчная, шрифт (курсив, полужирный, буквица). Второй аспект связан со значением конкретной графемы и с парным сопоставлением каждой из них: гласная или согласная графема, обозначает звук (не обозначает звука или два звука, имеет иные графические функции – например, обозначение мягкости предшествующего согласного), какую именно фонему обозначает. Для описываемых слов получаются следующие значения коэффициентов $K_{ж} = 0,77$; $K_{с} = 0,87$; $K_{к} = 0,87$; $K_{о} = 0,87$. По этим данным степень графического сходства высокая.

Семантическая параметризация фантазийных наименований представляет определенные трудности ввиду непрозрачности их семантики в отличие от значения узуальных слов. В данном случае было предложено два блока «Морфемика/словообразование» (членимость, производность, морфемное (словообразовательное) строение) и «Лексика» (значение, компоненты семантики, этимология). По результатам анализа указанных выше фантазийных наименований получаем следующие коэффициенты: $K_j = 0,5$; $K_c = 0,67$; $K_k = 0,75$; $K_o = 0,71$. По приведенным данным степень сходства средняя.

И, наконец, завершает линейку сопоставления двух наименований фоносемантический анализ. Данный вид анализа часто вызывает скепсис в филологических кругах. Очевидно, это связано с позицией по отношению к фоносемантике в целом. Тем не менее полагаем, что в случае с неявной, затемненной, неоднозначной семантикой наименований фоносемантические ассоциации важны. Фоносемантический анализ представляет собой валидный, научно обоснованный метод исследования одного из аспектов лингвистической экспертизы товарного знака.

В работе [Новичихина, Стернин 2013] имеет место описание такого анализа применительно к названиям HELMAR и HELMAN. Однако авторы не указали компьютерную программу, с помощью которой они выполняли этот анализ, алгоритм анализа в программе. Судя по представленным результатам, это программа Diatone, монополярная шкала, алгоритм А. П. Журавлева.

Коэффициент фоносемантического сходства (формулировка авторов пособия) определяется следующим образом. Для названий с тождественным количеством фоносемантических признаков он определяется как отношение числа совпадающих фоносемантических признаков к общему числу признаков, выраженное в процентах. Для единиц, имеющих нетождественное количество фоносемантических признаков, коэффициент фоносемантического сходства определяется как удвоенное отношение числа совпадающих фоносемантических признаков к общему числу признаков в обоих сопоставляемых элементах, выраженное в процентах. В этих формулировках вызывает вопросы, во-первых, «тождественное количество фоносемантических признаков»: одинаковое число признаков или число одинаковых признаков? Если у сопоставляемых слов, как отмечается в пособии, по 16 тождественных фоносемантических признаков, то коэффициент фоносемантического сходства будет единица, или 100 %. По мнению авторов пособия, КФС для HELMAR и HELMAN будет $32/34 = 94 \%$, то есть они используют коэффициент Серенсена.

Между тем реальная картина признаков данных слов несколько иная. Признаки МЕДЛЕННЫЙ, КОРОТКИЙ выделяются у слова HELMAN, однако не указываются для слова HELMAR, хотя, по данным той же программы, присутствуют в его фоносемантической структуре практически с теми же показателями, что и в слове HELMAN. Кроме того, и в том и в другом слове есть характеристика МЕДЛИТЕЛЬНЫЙ, не отраженная в анализе в данном пособии. В таком случае все коэффициенты будут равны единице.

Чтобы избежать отмеченных недостатков, необходимо, указав программу, тип шкалы и алгоритм, выделить пары идентичных признаков. Так, для пары ALBEA/ALDBIO это ХОРОШИЙ, СВЕТЛЫЙ, ЛЕГКИЙ, ВЕСЕЛЫЙ, БЕЗОПАСНЫЙ, ЯРКИЙ, ОКРУГЛЫЙ, РАДОСТНЫЙ. ГРОМКИЙ, ДОБРЫЙ отмечены только для первого слова, тогда как ПРОСТОЙ, ГЛАДКИЙ – для второго. Корреляция числовых показателей для пар ХОРОШИЙ ... ДОБРЫЙ колеблется в пределах 0,97 – 0,99, то есть это идентичные показатели. Следовательно, для данной пары наименований $A = 10$, $B = 10$, $C = 8$. В таком случае $K_j = 0,66$; $K_c = 0,8$; $K_k = 0,8$; $K_o = 0,8$. По приведенным данным степень сходства высокая.

Таким образом, с максимально достижимой в современной науке степенью точности и объективности можно утверждать, что в характеризуемой паре наименований высокая степень фонетического (акустического), графического и фоносемантического (ассоциативного) сходства и средняя степень фонетического (артикуляционного) и семантического сходства.

Наконец, установление меры сходства между объектами может быть проведено в рамках экспертизы, которая классификационно относится к автороведческой, однако мы не видим сколь-нибудь значимых ее отличий от лингвистической – по крайней мере в характере анализа, результаты которого приводятся ниже. В качестве объектов рассматриваются два текста из одного номера газеты: один подается как написанный от имени газеты, тогда как второй – письмо читателя в газету. Проблема в двух текстах поднимается одна и та же. Объем первого текста составляет примерно 0,78–0,8 от объема второго текста.

Выделяются лексический, морфологический и синтаксический блоки признаков. В лексический входят длина слова (в знаках), длина слова (в слогах), индекс лексического разнообразия. Затем проводится сопоставление признаков. Например, если длина слова в слогах в тексте А – 2,89, а в тексте В – 2,81, то корреляция этих показателей 0,97 и они рассматриваются как очень близкие; при этом по одному баллу присваивается тексту А, тексту В и тексту С – конструктору, объединяющему в себе общие характеристики А и В.

В морфологический блок вводятся коэффициенты предметности (отношение суммы существительных и местоимений к сумме прилагательных и глаголов), качественности (отношение суммы прилагательных и наречий к сумме глаголов и существительных), активности (отношение суммы глаголов и глагольных форм к количеству слов в тексте), динамизма (отношение суммы глаголов и глагольных форм к сумме существительных, прилагательных и местоимений) [Радбиль, Маркина 2019]. Как представляется, данные коэффициенты довольно полно покрывают морфологическую картину текста, в том числе в аспекте соотношения морфологических категорий, характеризующих стиль автора.

В синтаксический блок входят длина предложения, коэффициент связности текста (отношение суммы предлогов и союзов к числу предложений), число предложений с гипотаксисом и с паратаксисом, индекс туманности Ганнинга (уровень удобочитаемости текста).

В нашем случае были получены следующие результаты: коэффициент Жаккара 0,92, коэффициент Серенсена 0,96, коэффициент Кульчинского 0,96, коэффициент Отиаи 0,96. Специалисты по автороведению полагают, что при значениях коэффициентов больше 0,87 тексты следует рассматривать как принадлежащие одному автору.

Таким образом, установление меры сходства между объектами в речеведческих экспертизах проводится на основе сочетания качественных и количественных методов. Для этого выделяются исходный объект, объект, сопоставляемый с исходным, и объект-конструкт, включающий в себя характеристики, общие для исходного и сопоставляемого объектов. Рассматриваются протоколы допроса, наименования товарных знаков, газетные тексты. Качественные процедуры предполагают выделение характеристик, адекватно описывающих объект, тогда как количественные процедуры позволяют проводить нормализацию данных характеристик в объектах. На основе полученных численных показателей проводится вычисление коэффициентов сходства.

Литература

- Christakis N. A.* Let's Shake Up the Social Sciences / *New York Times. Sunday Review.* July 19, 2013. URL: <http://www.nytimes.com/2013/07/21/opinion/sunday/lets-shake-up-the-social-sciences.html>.
- Бойцов А. А., Кулешова А. А., Лизоркин А. М.* Новый подход к сравнительному анализу текстов в рамках комплексной компьютерно-технической и лингвистической экспертизы / *Теория и практика судебной экспертизы.* – 2018. Том 13. № 3. – С. 47-52.
- Красса С. И.* Первый круглый стол по практикам и стандартам судебного автороведческого анализа (обзор 1) / *Политическая лингвистика.* – 2020. – № 6 (84). – С. 174-187.
- Красса С. И.* Рамки судебной лингвистической экспертизы / *Язык. Текст. Дискурс: Научный альманах Ставропольского отделения РАЛК / Под ред. проф. Г.Н. Манаенко.* Выпуск 17. – Ставрополь, 2018. – С. 49-88.
- Новичихина М. Е., Стернин И. А.* Экспертиза товарного знака: учебное пособие. Воронеж, 2013.
- Новожилова Е. В.* Корректорская считка (сличение) как метод судебного речеведения / *Теория и практика судебной экспертизы в современных условиях: материалы VIII научно-практ. конф. Москва, 28-29 января 2021 г.* – С. 233-235.
- Радбиль Т. Б., Красса С. И.* Методика лингвоэкспертного сопоставительного исследования фантазийных наименований товарных знаков: новые решения / *Национальные и международные тенденции и перспективы развития судебной экспертизы: сборник докладов Научно-практической конференции с международным участием, г. Нижний Новгород, 19-20 мая 2022 г.* – С. 210-218.
- Радбиль Т. Б., Маркина М. В.* Вероятностно-статистические модели в производстве автороведческой экспертизы русскоязычных текстов / *Политическая лингвистика.* – 2019. – № 2 (74). – С. 156-166.
- Сходство / Философский энциклопедический словарь.* М. Гл. редакция: Л. Ф. Ильичёв, П. Н. Федосеев, С. М. Ковалёв, В. Г. Панов. 1983.

References

- Boytsov, A. A., Kuleshova, A. A., Lizorkin, A. M. (2018) New approach to the comparative analysis of texts in the framework of complex computer-technical and linguistic examination. Theory and practice of forensic examination, 13, 3, 47-52 (in Russian).
- Krassa, S. I. (2018). The framework of forensic linguistic examination. Language. Text. Discourse. Scientific almanac of Stavropol branch of RALC, 17, 49-88, Stavropol (in Russian).
- Krassa, S. I. (2020). First round table on the practices and standards of forensic authorship analysis (review 1). Political Linguistics, 6 (84), 174-187 (in Russian).
- Novichikhina, M. E., Sternin, I. A. (2013). Examination of a trademark. Textbook, Voronezh (in Russian).
- Novozhilova, E. V. (2021). Corrective reading (comparison) as a method of forensic speech science. Theory and practice of forensic examination in modern conditions. Materials of VIII scientific-practical conf. Moscow, 28-29 January 2021, 233-235 (in Russian).
- Radbil, T. B., Krassa, S. I. (2022). Technique of linguistic-expert comparative study of fantasy trademark names: new solutions. National and international tendencies and prospects of forensic examination. Collection of reports of scientific-practical conference with international participation, Nizhny Novgorod, 19-20 May 2022, 210-218 (in Russian).
- Radbil, T. B., Markina, M. V. (2019). Probabilistic-statistical models in the production of author's attribution of Russian-language texts. Political Linguistics, 2 (74), 156-166. DOI 10.26170/pl19-02-18 (in Russian).
- Similarity. (1983). Philosophical Encyclopedic Dictionary. Moscow, Editors-in-chief: L. F. Ilyichev, P. N. Fedoseev, S. M. Kovalev, V. G. Panov (in Russian).

Citation:

Красса С. И. Методика установления меры сходства между объектами речеведческих экспертиз // Юрислингвистика. – 2023. – 27. – С. 106-110.

Krassa S. I. (2023). The Procedure of Determining Degree of Similarity between Objects in Linguistic Examinations. Legal Linguistics, 27, 106-110.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0. License

Особенности оценки заключения судебной лингвистической экспертизы в уголовном судопроизводстве

Н. П. Папоян

*Южно-Уральский государственный университет (НИУ)
пр. Ленина, 76, 454080, Челябинск, Россия. E-mail: natalia@papoyan.net*

Статья посвящена исследованию особенностей оценки судебной лингвистической экспертизы в уголовном судопроизводстве. С каждым годом возрастает интерес к судебной лингвистической экспертизе. Это обусловлено внесением дополнений в УК РФ в виде статей 207.3, 284.2; постоянным ростом преступлений экстремистской направленности; появлением случаев вынесения приговоров по уголовным делам на основании лингвистических экспертиз, проведенных некомпетентными экспертами, и т.п. В связи с этим проблема оценки судебной лингвистической экспертизы достаточно актуальна и требует незамедлительного и именно практического решения. В статье рассматриваются особенности оценки судебной лингвистической экспертизы с позиции разных субъектов оценки, процесса формирования их внутреннего убеждения и вариантов финального решения. Считаем, что одним из важных этапов решения поставленной задачи является определение формальных параметров оценки заключения эксперта. Такие параметры позволят субъектам оценки сформировать внутреннее убеждение относительно принятия заключения лингвистической экспертизы в качестве доказательства. Дополнительно к существующим в науке рекомендациям оценки заключения эксперта применительно к судебной лингвистической экспертизе необходимо основательно оценивать компетентность эксперта-лингвиста, объект экспертизы, список терминов, литературы и т. п. Полагаем, что формальные критерии оценки судебной лингвистической экспертизы способствуют более объективной оценке заключения эксперта, что особенно актуально для субъектов оценки, впервые встречающих лингвистическую экспертизу в следственной или судебной практике.

Ключевые слова: судебная лингвистическая экспертиза, оценка заключения эксперта, уголовный процесс.

Forensic Linguistic Expertise: Specifics of Evaluation in Criminal Proceedings

N. P. Papoyan

*South Ural State University
76 Lenin St., 454080, Chelyabinsk, Russia. E-mail: natalia@papoyan.net*

The paper is about the research of the forensic linguistic expertise evaluation in criminal proceedings. The interest for forensic linguistic expertise grows yearly. This is conditioned by the introduction of additions to the Russian Criminal Code represented by articles 207.3, 284.2; by the constant growth of extremist crimes; by instances of forensic examinations made by incompetent linguists, etc. In this regard, the problem of evaluation of forensic linguistic expertise is quite relevant and requires an immediate and practical solution in particular. The article discusses the peculiarities of forensic linguistic expertise evaluation from the perspective of different subjects of evaluation, the process of forming their inner conviction and options for the final decision. We believe that one of the important stages of solving this problem is to determine the formal parameters of the expert opinion evaluation. These parameters will allow the subjects of evaluation to form an inner conviction regarding the acceptance of the conclusion of linguistic expertise as evidence. In addition to the existing recommendations for forensic linguistic examination, it is necessary to thoroughly assess the competence of the expert, the object of the examination, the list of terms, literature, etc. We believe that the formal criteria of forensic linguistic examination evaluation contribute to a more objective evaluation of the forensic examination, which is especially relevant for the subjects of evaluation who meet the linguistic examination for the first time in the investigative or judicial practice.

Key words: forensic linguistic examination, the evaluation of the forensic linguistic examination, criminal proceedings.

Судебная лингвистическая экспертиза в настоящее время приобретает все большее значение, в том числе и в связи с введением в УК РФ новых составов преступлений, в которых объективная сторона связывается с распространением заведомо ложной информации о дискредитации государственных институтов. В марте прошлого года в связи с внесением дополнений в УК РФ в виде статей 207.3, 284.2 возникла острая необходимость использования специальных лингвистических знаний при разрешении вопросов по уголовным делам, возбужденным по новым и измененным статьям. К тому же число преступлений экстремистской направленности, при расследовании которых часто назначается судебная лингвистическая экспертиза, выросло более чем на 31% за девять месяцев 2022 года по сравнению с аналогичным периодом предыдущего года (по данным состояния преступности за январь-сентябрь от МВД России). Летом 2022 года горячо обсуждались случаи вынесения приговоров по уголовным делам на основании лингвистических и психолого-лингвистических экспертиз, проведенных неквалифицированными негосударственными экспертами, что привело к отмене итоговых судебных решений по таким уголовным делам. В июне был утвержден ГОСТ Р 70003-2022 «Судебная лингвистическая экспертиза. Термины и определения». Как следствие перечисленных событий, к концу 2022 года Минюст внес на рассмотрение правительства Проект распоряжения Правительства РФ «О внесении изменений в распоряжение Правительства Российской Федерации от 16.11.2021 № 3214-р». Согласно данному проекту предлагается дополнить список экспертиз, которые могут проводиться исключительно государственными судебно-экспертными организациями, судебной лингвистической экспертизой и судебной психолого-лингвистической экспертизой (по уголовным делам, связанным с проявлением терроризма и экстремизма).

Основными причинами произошедших событий, по нашему мнению, являются, прежде всего, проблема использования экспертами-лингвистами разных методик проведения судебной лингвистической экспертизы, а также проблема объективной оценки судебной лингвистической экспертизы. Согласно содержанию ст. 17 УПК РФ «оценку доказательств осуществляет судья, прокурор, присяжные заседатели, следователь, дознаватель по своему внутреннему убеждению, основанному на совокупности имеющихся в уголовном деле доказательств, руководствуясь при этом законом и совестью». Из данной формулировки в целях выявления особенностей оценки заключения лингвистической экспертизы полагаем извлечь следующие положения. Во-первых, в указанной статье УПК перечислено несколько субъектов оценки доказательств, каждый субъект оценки доказательств по-особенному оценивает заключение эксперта. Во-вторых, в целях понимания процесса оценки доказательств следует уяснить природу понятия «внутреннее убеждение» и процесса его формирования. И, в-третьих, требуется определить, какое решение в итоге принимает субъект оценки судебной лингвистической экспертизы.

Наиболее простым способом оценки доказательства является формальный подход. Но проблема заключается в том, что формализовать процесс познания, как процесс внутренней мыслительной деятельности, и процесс оценки доказательств полностью невозможно, в связи с этим вводится внутреннее убеждение как основание оценки доказательства. Убежденность субъекта доказывания характеризуется двумя аспектами – познавательным и психологическим. По мнению А. В. Кудрявцевой, «внутреннее убеждение – это выражение влияния личностного фактора на оценку доказательств» [Кудрявцева 2001: 410]. На процесс формирования внутреннего убеждения влияют различные гносеологические, процессуальные, психологические факторы. Рассмотрим, как этапы формирования внутреннего убеждения проявляются в практической деятельности субъектов оценки доказательств, а именно в каких принятых ими решениях они выражаются.

В результате оценки заключения эксперта субъект оценки может принять одно из следующих решений. Первое, признать заключение достаточно ясным и полным, относимым, допустимым и достоверным. На формирование такого решения могут влиять следующие факторы: субъект оценки заключения эксперта многократно получал заключение от данного эксперта-лингвиста или экспертного учреждения, уверен в компетентности эксперта, в соблюдении всех норм при назначении и производстве экспертизы; как вариант, обладает базовыми знаниями методики проведения лингвистической экспертизы. Вследствие этого после первого ознакомления с заключением лингвистической экспертизы субъект оценки убежден в его относимости, допустимости и достоверности, признает его доказательством по делу. Бессмысленно отрицать тот факт, что чаще всего правоприменитель реализует наработанную собственную методику оценки заключения и принимает решение автоматически, не задумываясь над процессом принятия решения.

Второе, признать заключение эксперта лингвистической экспертизы недостаточно ясным или неполным. В этом случае после прочтения заключения эксперта у субъекта оценки внутреннее убеждение о признании заключения эксперта доказательством полностью не сформировалось. Тогда субъект оценки пытается выявить дополнительные сведения, способные прояснить спорные моменты. Для этого возможно либо допросить эксперта в порядке ст. 205 УПК РФ, либо назначить дополнительную экспертизу в порядке ст. 207 УПК РФ. Допрос эксперта представляется самым разумным решением, в процессе допроса эксперт прояснит значение отдельных лингвистических терминов, видов лингвистического анализа, логическую обоснованность своих действий, следование методике, насколько аргументированы ответы. По сути, допрос эксперта значительно способствует полной и объективной оценке его заключения, но в практической деятельности такой вариант довольно длительный и энергозатратный, как со стороны субъекта оценки, так и со стороны эксперта. В условиях колоссальной нагрузки на экспертов-лингвистов довольно затруднительно выделить время на участие в допросе. Тем не менее, после получения необходимой

информации и разъяснения всех спорных вопросов субъект оценки окончательно формирует внутреннее убеждение о признании заключения эксперта доказательством. Если же была назначена дополнительная экспертиза, то оценке необходимо подвергать оба заключения эксперта в совокупности.

Третье, признать, что возникли сомнения в обоснованности выводов эксперта или установлены факты нарушения прав участников судебного разбирательства при назначении и производстве экспертизы, и назначить повторную экспертизу другому эксперту в порядке ст. 207 УПК РФ. Наиболее частой причиной назначения повторной экспертизы является выявление нарушения права потерпевшего, обвиняемого ознакомиться с соответствующим постановлением своевременно, после вынесения постановления о назначении судебной экспертизы. Хотя практикующие судьи указывают на то, что иногда следует признать заключение эксперта допустимым доказательством, особенно в том случае, когда производство судебной экспертизы невозможно без некоторых изменений ее объекта. В случае с лингвистической экспертизой назначить повторную не составляет труда, так как исследуемый объект (устный или письменный текст) не подвергается изменениям во время проведения лингвистической экспертизы.

Что касается сомнений в обоснованности выводов, то согласно Постановлению Пленума Верховного Суда РФ от 21 декабря 2010 г. № 28 «О судебной экспертизе по уголовным делам»: «необоснованным следует считать такое заключение эксперта, в котором недостаточно аргументированы выводы, не применены или неверно применены необходимые методы и методики экспертного исследования». Процесс оценки методов и методик, использованных при проведении судебной лингвистической экспертизы, исследуем позднее, на этом этапе рассмотрим финальное решение – назначена повторная экспертиза. Выводы повторной экспертизы могут подтвердить выводы первоначальной экспертизы, тогда судья или следователь оценивает заключение повторной экспертизы и принимает решение принять ее как доказательство по делу. Выводы повторной экспертизы противоречат выводам первоначальной из-за применения при производстве экспертиз разных методик, что довольно характерно для судебной лингвистической экспертизы. Как быть в этом случае? Полагаться на внутреннее убеждение? Действительно, заключение повторной экспертизы может быть признано достаточно ясным и полным, относимым, допустимым и достоверным доказательством после первого прочтения, то есть является более убедительным, чем заключение первоначальной экспертизы. Тогда принимается решение принять его в качестве доказательства и считать недостоверным заключение первоначальной экспертизы.

Четвертое, в соответствии с частью первой ст. 88 УПК РФ оценить заключение эксперта как не имеющее отношение к уголовному делу или недостоверное, недопустимое доказательство, полученное в случаях, указанных в части второй ст. 75 УПК РФ, и исключить его из перечня доказательств, предъявляемых в судебном разбирательстве в порядке, установленном ст. 234 и 235 УПК РФ.

Рассмотрим особенности оценки заключения эксперта каждым субъектом в отдельности. Е. Р. Россинская и Е. И. Галяшина первыми шагами при оценке заключения экспертов ставят проверку соблюдения требований закона при назначении экспертизы и проверку подлинности и достаточности исследованных объектов. Следователь и дознаватель, оценивая заключение эксперта, пропускают эти этапы, так как они сами выносили постановление о назначении судебной экспертизы; выбирали эксперта или экспертное учреждение, которому поручили выполнение экспертизы; собирали объекты для исследования. Следовательно, они уверены в соблюдении всех требований закона на этом этапе. Присяжные заседатели, не знающие нормативно-правовые акты, регламентирующие процесс назначения экспертизы, вероятнее всего, не будут оценивать соблюдение требований закона при вынесении постановления о назначении экспертизы.

Для прокурора, судьи, защитника подозреваемого или обвиняемого проверка соблюдения требований закона при назначении судебной экспертизы является одним из основополагающих моментов. Следует отметить, что защитник подозреваемого, обвиняемого оценивают заключение эксперта и имеют право изложить свою позицию следователю, суду, и таким образом повлиять на оценку субъектами доказывания. Но при этом их оценка для принятия решения о доказательственном значении заключения эксперта решающего значения не имеет, не имеет правовых последствий, поскольку оценка осуществляется только властными участниками процесса. Выявление нарушений требований закона приводит к признанию заключения эксперта недопустимым доказательством, что важно для обеих сторон.

Всех перечисленных выше субъектов оценки заключения эксперта мы считаем необходимым разделить на 2 группы в зависимости от объема имеющихся у них знаний в области судебной лингвистической экспертизы. Причем в разные группы попадают субъекты независимо от их процессуального статуса. Участники уголовного судопроизводства могут интересоваться темой лингвистической экспертизы, изучать методики, знать общую теорию судебной экспертизы, понимать основные лингвистические термины, разбираться в особенностях анализа разных уровней языка. В эту группу субъектов могут попасть как опытные следователи и судьи, часто расследующие и рассматривающие уголовные дела по статьям об экстремизме, так и защитник, представитель подозреваемого, обвиняемого, которые специализируются на категориях уголовных дел, связанных с речевыми правонарушениями. У таких субъектов оценки судебной лингвистической экспертизы внутреннее убеждение формируется достаточно легко и быстро. Они с опытом вырабатывают собственные критерии оценки заключения эксперта и используют их на практике. Особенно показательны примеры, когда суд, убежденный в доказательной значимости заключения лингвистической экспертизы, отвергает все попытки оспаривания его со стороны защиты, указывая при этом, что «у суда нет оснований сомневаться в выводах эксперта».

В противопоставление этой группе в процессе участвуют субъекты оценки лингвистической экспертизы, которые не понимают, для чего она назначается и почему влияет на судебное решение. Зачастую обвиняемые недоумевают: «А что я такого сказал?»; не осознают, что речевое правонарушение является основанием для возбуждения уголовного дела. К таким же субъектам оценки лингвистической экспертизы стоит отнести следователя, прокурора, судью, не встречавших ранее в своей практике заключения судебной лингвистической экспертизы. У них возникают вопросы, как оценивать обоснованность примененной научной методики, полноту и всесторонность исследования.

Считаем справедливым рассмотреть процесс формирования внутреннего убеждения, разделив субъекты оценки доказательств именно по признаку объема имеющихся у них знаний в области судебной лингвистической экспертизы.

Для субъектов, сведущих в вопросах судебной лингвистической экспертизы, знания методики помогают оценить ход исследования, его полноту, научную обоснованность, в результате чего выносятся одно из решений, перечисленных выше. На практике это выглядит, как будто субъекты оценки пренебрегают своей обязанностью оценивать заключение эксперта. На самом деле, очевидно, что процесс формирования внутреннего убеждения как мыслительный процесс происходит у них без осуществления дополнительных внешних действий.

Для субъектов, не сведущих в вопросах судебной лингвистической экспертизы, требуется перечень оснований, критериев, признаков, параметров, по которым они будут оценивать заключение эксперта. Им требуется приложить гораздо больше усилий для того, чтобы сформировать свое внутреннее убеждение. В этом поможет и допрос эксперта, и допрос специалиста, и заключение специалиста – рецензия на заключение эксперта, и любые другие дополнительные действия, способные убедить субъекта оценки экспертизы в признании или не признании заключения эксперта доказательством.

Более подробно рассмотрим такой вариант, как привлечение специалиста для помощи в оценке заключения эксперта. В качестве специалиста может быть допрошен другой эксперт, он разъяснит субъекту оценки научную обоснованность методики проведения судебной лингвистической экспертизы. В качестве специалиста может быть допрошено любое сведущее лицо, привлеченное как стороной обвинения, так и стороной защиты. В пользу привлечения специалиста для помощи в оценке заключения эксперта высказываются многие ученые и практики, считая это предоставлением стороне защиты дополнительной процессуальной возможности оспаривания заключения официально назначенного эксперта. В своей диссертации Е. Ю. Самутичева даже предлагает «сторону защиты наделять правом ходатайствовать о назначении выбранного ею специалиста, который сможет присутствовать при производстве экспертизы в целях представления в письменной форме заключения, содержащего ответы на поставленные ему вопросы, в том числе по поводу правильности или качества проведенного исследования экспертом, надежности применяемых им методик», «заключение, составленное специалистом, следует рассматривать в качестве доказательства, предусмотренного ч. 3 ст. 80 УПК РФ» [Самутичева 2016: 11]. Естественно, указанное предложение совершенно не осуществимо при производстве судебной лингвистической экспертизы. Процесс исследования проходит исключительно в когнитивной форме и не подлежит внешнему наблюдению. Отметим справедливое замечание Е. Р. Россинской и Е. И. Галяшиной: «специалист, привлекаемый для дачи рецензии, не занимается оценкой заключения эксперта как доказательства по делу, что является прерогативой суда, но производит анализ заключения эксперта с точки зрения его научной и методической обоснованности, соответствия рекомендациям, выработанным общей теорией судебной экспертизы, соблюдения требований законодательства, регулирующего судебно-экспертную деятельность» [Россинская 2014: 150].

Но тогда возникают сложности с выбором такого специалиста, который способен оценить и соблюдение процессуальных норм, и научную обоснованность, полноту проведения исследования и достоверность выводов. Способен ли привлеченный стороной защиты филолог, даже имеющий ученую степень, оценить научную сторону методики, разработанную коллективом экспертов-лингвистов государственного экспертного учреждения, одобренную Методическим советом государственного органа. Сложно не согласиться с авторами Проекта распоряжения Правительства РФ «О внесении изменений в распоряжение Правительства Российской Федерации от 16.11.2021 № 3214-р»: «негосударственные эксперты, включая и известных ученых в сфере фундаментальной науки, не обладают должной профессиональной подготовкой в конкретной достаточно специфичной области знания», «в классических лингвистике и психологии практически все понятия имеют множественную интерпретацию, что фактически исключает возможность достижения единого методического подхода без введения серьезных ограничений на выбор определения понятий, используемых при производстве экспертизы, а также на правила принятия решений». Фактически, если в отношении многих судебных экспертиз говорилось о том, что привлечение защитником специалиста для оценки заключения эксперта является способом обеспечения состязательности уголовного процесса, то в отношении судебной лингвистической экспертизы это приводит к противостоянию двух разных методик, различие которых зачастую вызвано различием интерпретации лингвистических терминов. Такой проблемный момент преодолела в своем развитии судебная фоноскопическая экспертиза, когда различие в толковании термина «монтаж» приводило к тому, что в уголовном деле появлялись заключения экспертов с противоположными выводами.

Действительно, для судебной лингвистической экспертизы характерно, что довольно часто «сторона, не согласная с выводами экспертного заключения, предоставляет «альтернативное» заключение с противоположными результатами и нелицеприятной критикой заключения эксперта. Помочь правоприменителю разобраться с разными точками зрения филологов (лингвистов), зачастую представляющих разные научные школы, использующих разные методы и методики, выискивающих процессуальные, методические и гносеологические ошибки друг у друга, может

сведущее лицо, обладающее не столько лингвистическими, сколько юридическими специальными знаниями» [Галяшина 2022: 56]. Это новый формат оценки имеющихся в уголовном деле заключений эксперта и специалиста, объединяющий правовое и научно-практическое исследования и информационных продуктов (текстов, поступивших на экспертизу) и материалов дела. Е. И. Галяшина как автор данного подхода указывает, что «правоохранительные органы получают таким образом объективную критериологию, позволяющую выявлять, пресекать, предупреждать речевые правонарушения, оценивать проведенные по делу лингвистические экспертизы и исследования». Действительно, такой вариант содействия субъекту оценки заключения судебной лингвистической экспертизы со стороны лиц, обладающих специальными юридическими знаниями, является идеальным, но в то же время трудно осуществимым для большинства практикующих следователей и судей, работающих в регионах.

Обобщив вышесказанное, следует сделать вывод, что для субъекта оценки, не сведущего в вопросах судебной лингвистической экспертизы, предпочтительнее пользоваться формальными критериями оценки заключения эксперта. Полагаем, что при многократном использовании в практике формальных критериев оценки постепенно у субъекта оценки будут накапливаться знания в области судебной лингвистической экспертизы, и он в дальнейшем, основываясь на своем опыте, сможет проводить оценку заключения эксперта более эффективно.

В «Настольной книге судьи» Е. Р. Россинская и Е. И. Галяшина перечисляют 8 стадий оценки заключения эксперта. Обозначим в их числе и дополнительно особенности оценки судебной лингвистической экспертизы.

1. Одним из наиболее объективных формальных критериев оценки лингвистической экспертизы является компетентность эксперта-лингвиста. Согласно ст. 70 УПК РФ «эксперт не может принимать участие в производстве по уголовному делу, если обнаружится его некомпетентность». Следовательно, некомпетентность эксперта является формальным основанием признания экспертного заключения недопустимым доказательством. Компетентность эксперта складывается из знаний в области фундаментальной для каждого рода экспертиз науки, научных основ и процессуальной регламентации судебной экспертизы и знания экспертных методик. Формально при оценке компетентности эксперта-лингвиста необходимо проверить наличие следующих документов: для государственного эксперта – диплома о высшем профильном образовании¹ и свидетельства на право производства судебных лингвистических экспертиз; для негосударственного эксперта – диплома о высшем профильном образовании¹ и удостоверения о повышении квалификации и/или диплома о профессиональной переподготовке (по программам «Судебная лингвистическая экспертиза»). Внимательно следует отнестись к таким случаям, когда лингвист присваивает себе статус эксперта, являясь при этом специалистом по процессуальному статусу, и дает заключения эксперта вместо заключений специалиста. Такие грубые процессуальные ошибки сразу ставят под сомнение компетентность лингвиста, проводившего исследование. Не относятся к документам, подтверждающим получение дополнительного профессионального образования (равно и наличие соответствующей компетентности): удостоверения членства лингвиста в каких-либо ассоциациях экспертов; сертификаты соответствия эксперта, зарегистрированные в системе добровольной сертификации судебных экспертов и экспертных учреждений и т. п.

2. Серьезной процессуальной ошибкой является получение заключения судебной лингвистической экспертизы от неэкспертного учреждения (например, вуза, в котором экспертная деятельность не является основной), в этом случае экспертиза должна быть поручена конкретному эксперту. Если же выбран эксперт негосударственного судебно-экспертного учреждения, то следует обращать пристальное внимание на организационно-правовую форму организации. Нередко коммерческие организации (ООО, ЗАО) также представляют себя на рынке экспертных услуг в качестве негосударственных судебно-экспертных учреждений, хотя цели судебно-экспертной деятельности несовместимы с основной целью предпринимательской деятельности – извлечением прибыли [Галяшина 2022: 38].

3. Субъекту оценки заключения лингвистической экспертизы следует обратить пристальное внимание на предоставленный для исследования объект. Это запечатленный на любом носителе материализованный продукт речевой деятельности – речевое произведение (речевой след), который подвергается лингвистическому исследованию в целях разрешения вопросов, поставленных перед экспертом [Галяшина 2022: 141]. Объектом экспертного исследования при проведении судебной лингвистической экспертизы является текст. В свою очередь согласно ГОСТу Р 70003-2022 «Судебная лингвистическая экспертиза. Термины и определения»: «Текст – объект судебной лингвистической экспертизы, представляющий собой последовательность знаковых единиц, основными свойствами которой являются связность и цельность». Например, если на исследование представлены высказывания, вырванные из контекста, цитаты, а не полный текст, или текст частично недоступен для восприятия (копия плохого качества, оттиски печатей прикрывают часть текста), то встает вопрос о пригодности объекта исследования. Также следует обратить внимание на наличие анализа пригодности объекта исследования в тексте заключения. Особенно это касается коротких фраз и высказываний в сочетании с небуквенными знаками, картинками, мемами и т. д. Необходимо проверить, оценил ли эксперт цельность и связность предоставленного текста. Если такого анализа не имеется, то встает вопрос о полноте проведенного исследования и, как следствие, о достоверности заключения эксперта.

4. Как отмечалось выше, важным критерием понимания текста заключения и формирования внутреннего убеждения является доступность и ясность изложения. Для эксперта довольно сложная задача – описать ход лингвистического исследования доступным для восприятия любого человека языком. Наиболее часто эксперты наоборот перегружают свое заключение лингвистическими терминами, «представляется, что иллюзия невозможности оценки научной обоснованности заключения эксперта вызвана подчас злоупотреблением экспертами специальными терминами» [Кудрявцева 2001: 412]. Если обратиться к указанному выше ГОСТу, то мы увидим вполне доступные для понимания формулировки. Следовательно, цель изложения текста лингвистического

исследования доступным языком достижима. Полагаем, что соблюдение экспертом правила доступности изложения освободит субъекта оценки от вызова эксперта на допрос для разъяснения текста заключения.

5. Из предыдущего пункта логично отметить, что в тексте заключения лингвистической экспертизы следует проверить соответствие использованных терминов и определений ГОСТу Р 70003-2022 «Судебная лингвистическая экспертиза. Термины и определения». Во-первых, ГОСТ должен быть указан в списке литературы, использованных источников. Во-вторых, те термины и их определения, которые были использованы в ходе исследования, обычно указываются в тексте заключения эксперта. Соблюдение этих требований способствует определенности заключения эксперта, под которой понимается «правильность использования терминологии экспертом, однозначность употребляемых понятий, а также ясность изложения всех частей заключения эксперта» [Кудрявцева 2001: 430].

6. Обязательно наличие в тексте заключения эксперта ссылок на использованную при проведении лингвистического исследования научную литературу или оформленного в виде перечня библиографического списка. В этом списке непременно должна быть указана типовая методика или методические рекомендации проведения судебной лингвистической экспертизы. Наиболее распространены, апробированы и унифицированы типовые методики, разработанные экспертами МВД, Минюста. Ими пользуются как государственные, так и негосударственные эксперты-лингвисты. Вызывает подозрение или как минимум требует дополнительной проверки лингвистическое исследование, проведенное по методике, разработанной малоизвестными учеными или самим автором заключения эксперта. Кроме того, в списке литературы обязательно указание тех лексикографических источников (толковых и других видов словарей), из которых эксперт-лингвист выбирает толкование и/или стилистические пометы для того или иного слова.

7. В государственных экспертных учреждениях довольно часто лингвистическая экспертиза проводится в составе комплексной психолого-лингвистической экспертизы. Для нее разработаны специальные методические рекомендации, в которых разграничены сферы исследования для лингвиста и психолога. В негосударственных экспертных учреждениях встречается проведение комиссионных комплексных психолого-юридико-лингвистических экспертиз. Естественно, при этом роль конкретного эксперта нивелируется, подменяется коллективным творчеством. Согласимся с мнением А. Н. Петрухиной: «Как бы ни усложнялся и ни "коллективизировался" процесс экспертного исследования, роль каждого эксперта должна быть определена и четко отражена в заключении» [Петрухина 2013: 105]. Действующий изначально порядок дачи заключения одним экспертом соответствует принципу личной ответственности эксперта за данное заключение. Понятно желание следователя в одном заключении эксперта получить исследования разных аспектов одного объекта, а еще лучше квалификацию правонарушения. Но мы полагаем, что комплексные исследования текста следует проводить только в рамках существующих специальных методик.

Несмотря на широкое использование результатов судебной лингвистической экспертизы при расследовании и рассмотрении уголовных дел, вопрос особенностей ее оценки остается нерешенным. Субъекты оценки заключения лингвистической экспертизы принимают решение о признании заключения эксперта доказательством, основываясь на своем внутреннем убеждении, которое, в свою очередь, формируется в зависимости от базовых знаний судебной экспертологии в общем и методики проведения судебной лингвистической экспертизы в частности. С целью удовлетворить практическую потребность следователей и судей в создании простых и общедоступных рекомендаций оценки лингвистической экспертизы в дополнение к существующим рекомендациям мы предлагаем перечень формальных критериев оценки, а именно особенности оценки компетентности эксперта-лингвиста, объекта лингвистической экспертизы, списка использованной литературы и др.

¹Приказ Росстандарта от 08 декабря 2016 N 2007-ст «ОК 009-2016. Общероссийский классификатор специальностей по образованию». Список специальностей высшего профильного образования, при обучении на которых получают базовые лингвистические знания : Бакалавриат и Магистратура: 44.03.01 Педагогическое образование (направления «Русский язык», «Русский язык и литература»); 45.03.01 Филология (направления «Русский язык», «Русский язык и литература»); 45.03.02 Лингвистика; 45.03.03 Фундаментальная и прикладная лингвистика; Специалитет: 40.05.03 Судебная экспертиза (Специализация №5 Речеведческие экспертизы); 45.05.01 Перевод и переводоведение.

Литература

Галяшина Е. И. Проблемы использования юридических знаний как специальных в уголовном судопроизводстве / Теория и практика фундаментальных и прикладных исследований в сфере судебно-экспертной деятельности и ДНК-регистрации населения Российской Федерации: материалы Международной научно-практической конференции, Уфа, 13–14 октября 2022 года. – 2022. – С. 53-58.

Галяшина Е. И. Судебная лингвистическая экспертиза. М., 2022.

Кудрявцева А. В. Судебная экспертиза как институт уголовно-процессуального права: дис...д-ра юрид.наук: 12.00.09. Санкт-Петербург, 2001.

Кудрявцева А. В., Лившиц Ю. Д. Вопросы использования специальных познаний в уголовном процессе. Челябинск, 2001.

Кукушкина О. В., Сафонова Т. Н., Секераж Т. Н. Методика проведения судебной психолого-лингвистической экспертизы материалов по делам, связанным с противодействием экстремизму и терроризму. М., 2014.

-
- Моисеева Т. Ф. Компетентность судебного эксперта как определяющий фактор предупреждения экспертных ошибок / Вестник Московского университета МВД России. – 2015. – № 3. С. 48-54.
- Петрухина А. Н. Оценка заключения эксперта в уголовном судопроизводстве: монография. М., 2013.
- Россинская Е. Р., Галяшина Е. И. Настольная книга судьи: судебная экспертиза. М., 2014.
- Самутичева Е. Ю. Заключение эксперта и его оценка в уголовном процессе (сравнительно-правовое исследование): дис... канд. юрид. наук: 12.00.09, М., 2016.

References

- Galyashina, E. I. (2022). Problems of using legal knowledge as special in criminal proceedings. Theory and practice of fundamental and applied research in the field of forensic activities and DNA registration of the population of the Russian Federation: Proceedings of the International Scientific-Practical Conference, Ufa, October 13-14, 2022, 53-58 (in Russian).
- Galyashina, E. I. (2022). Forensic linguistic expertise. Moscow (in Russian).
- Kudryavtseva, A. V. (2001). Forensic expertise as an institute of criminal-procedural law: dissertation of Doctor in Law: 12.00.09. Saint Petersburg (in Russian).
- Kudryavtseva, A. V., Livshits, Y. D. (2001). Issues of using special cognition in criminal proceedings. Chelyabinsk (in Russian).
- Kukushkina, O. V., Safonova, T. N., Sekerazh, T. N. (2014). Methodology of forensic psychological and linguistic examination of materials in cases related to countering extremism and terrorism. Moscow (in Russian).
- Moiseeva, T. F. (2015). Competence of the forensic expert as a determining factor in preventing expert errors. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 3, 48-54 (in Russian).
- Petrukhina, A. N. (2013). Evaluation of the expert opinion in criminal proceedings: monograph. Moscow (in Russian).
- Rossinskaya, E. R., Galyashina, E. I. (2014). Handbook of the judge: forensic expertise. Moscow (in Russian).
- Samuticheva, E. Yu. (2016). The expert's conclusion and its assessment in criminal proceedings (comparative-legal study): dissertation for the degree of Candidate of Sciences in Law: 12.00.09, Moscow (in Russian).

Citation:

Папоян Н. П. Особенности оценки заключения судебной лингвистической экспертизы в уголовном судопроизводстве // Юрислингвистика. – 2023. – 27. – С. 111-117.

Papoyan N. P. (2023). Forensic Linguistic Expertise: Specifics of Evaluation in Criminal Proceedings. Legal Linguistics, 27, 111-117.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0. License

Актуализация конфронтации в политическом дискурсе

И. А. Зюбина

Южный федеральный университет

Большая Садовая, 105/42, 344006, Ростов-на-Дону, Россия. E-mail: iazyubina@sfedu.ru

Статья посвящена актуализации конфронтации в политическом дискурсе как проявления асоциального доминирования, обладающего конфликтогенным потенциалом, который зависит от субъективного восприятия адресата. Важную роль в таком восприятии слушающего играет ряд факторов, например, уровень образования, национальная принадлежность, партийная приверженность. Материалом проведенного исследования явились тексты выступлений парламентариев различных фракций Государственной Думы из стенограмм заседаний за 2022 год. Результаты исследования русскоязычного политического дискурса позволили выделить следующие коммуникативные стратегии и соответствующие им коммуникативные тактики, актуализирующие конфронтационное доминантное поведение: стратегия неодобрения оппонента (тактики: отрицательное оценивание интеллектуальных качеств оппонента, критика действий оппонента, несогласие с мнением оппонента, оскорбление, навешивание ярлыков), стратегия обвинения оппонента (тактики: обвинение в несправедливости, уличение в игнорировании моральных норм и ценностей, упрек в недосказанности и нечестности, обвинение в сложившейся негативной ситуации), стратегия запугивания оппонента (тактики: преувеличение последствий, формирование страха, предупреждение об угрозе, отсылка к прошлому), стратегия прессинга (тактики: выпячивание собственных заслуг, поучение адресата адресантом, призыв оппонента к противоположному поведению, статусное противопоставление себя другому лицу). Во всех перечисленных коммуникативных стратегиях и тактиках феномен доминирования актуализируется в аспекте конфронтационного коммуникативного поведения, не нацеленного на кооперацию, а подчеркивающего личные амбиции политика или соответствующей политической партии.

Ключевые слова: конфронтация, доминирование, политический дискурс, конфликтогенный потенциал, коммуникативная стратегия и тактика.

Actualization of Confrontation in Political Discourse

I. A. Zyubina

Southern Federal University

105/42 Bolshaya Sadovaya, 344006, Rostov-on-Don, Russia. E-mail: iazyubina@sfedu.ru

The article concentrates on the actualization of confrontation in political discourse as a manifestation of asocial dominance, which can potentially be conflict-instigating depending on the subjective perception of the addressee. An important role in this perception of the listener is played by a number of factors, for example, the level of education, nationality, party membership. The paper is a case study of the texts of parliamentary speeches of various parties of the State Duma from the transcripts of meetings of 2022. The results of the study of the Russian-language political discourse made it possible to identify the following communicative strategies and their corresponding communicative tactics that actualize confrontational dominant behavior: the disapproval strategy (tactics: negative assessment of the opponent's intellectual qualities, criticism of the opponent's actions, disagreement with the opponent's opinion, insult, labeling), the accusation strategy (tactics: accusation of injustice, accusation of ignoring moral norms and values, reproach for understatement and dishonesty, accusation of the current negative situation), the strategy of intimidating of the opponent (tactics: exaggeration of consequences, formation of fear, warning of a threat, reference to the past), the pressing strategy (tactics: showing off one's own merits, teaching the addressee by the addresser, calling the opponent to the opposite behavior, opposing oneself to another person by status). In all the communicative strategies and tactics above, the phenomenon of dominance is actualized in the aspect of confrontational communicative behavior, not aimed at cooperation, but emphasizing the personal ambitions of a politician or a corresponding political party.

Key words: confrontation, dominance, political discourse, conflict potential, communicative strategy and tactics.

Актуализация конфронтационных коммуникативных стратегий и тактик в русскоязычном политическом дискурсе обладает конфликтогенным потенциалом, поэтому ее стоит рассматривать в рамках юридической лингвистики. По словам О. Н. Матвеевой, «на сегодняшний день отсутствует единая методика анализа конфликтогенного текста, позволяющая делать достоверные выводы о том, что текст порочит честь, достоинство и деловую репутацию определенного лица либо, наоборот, не делает этого» [Матвеева 2004: 101].

Конфликтогенным потенциалом того или иного дискурса интересуется целый ряд ученых [Балясникова 2015; Голев 2002, 2007; Ким 2017; Макаренко 2016; Махина 2016; Burton 1990]. Конфликтогенный потенциал, в отличие от конфликта, не обязательно приводит к эскалации противостояния, так как большое значение имеет субъективное восприятие слушающего, которое зависит от ряда факторов, например, от уровня образования [de Sousa and Moriconi 2013], национальной принадлежности [Зюбина 2021] или партийной приверженности [Anduiza и др. 2013]. Влияет на восприятие и отношение к экономической ситуации в стране: избиратели более энергично наказывают коррумпированных политиков в периоды неблагоприятных экономических условий и сильнее ценят позитивные сообщения в более благоприятных экономических ситуациях [Krause, Méndez 2009]. Поэтому для исследования конфликтогенных текстов специалисты-эксперты изучают перлокутивный эффект сообщения [Голев 2003: 128].

Немаловажный фактор конфликтогенного потенциала – это тон сообщения, который указывает на то, является ли акцент, сделанный на информации о политической партии или действующем деятеле, положительным или отрицательным [Sigelman, Buell 2003]. Так, несмотря на рост числа исследований влияния позитивной/негативной политической рекламы, нет единого мнения относительно уровня убеждения электората [Нап и др. 2018]. Причем некоторые исследования свидетельствуют о том, что люди при формировании отношения придают большее значение негативной, чем позитивной информации [Xezonakis и др. 2016]. Более того, они с большей вероятностью придут к отрицательному, чем к положительному отношению к мотивации поведения [Arceneaux, Nickerson 2010]. Исследование данных о функционировании мозга показывает, что более политически искушенные граждане испытывают более сильную активацию в областях мозга, связанных с отвращением, разочарованием и негативной обработкой при просмотре сообщений о политической коррупции. Однако их зона удовлетворения не активировалась сильнее при восприятии позитивных политических действий. Интересно, что граждане с лучшим восприятием экономической ситуации обнаруживают более сильную активацию во время воздействия позитивных политических сообщений в областях мозга, связанных с самооценкой и вознаграждением [Casado-Aranda и др. 2022].

Объектом данного исследования является отрицательный тон сообщения, обладающий конфликтогенным потенциалом и ведущий к конфронтации политических сил и возникновению неодобрения среди электората.

Результаты исследования русскоязычного политического дискурса позволили выделить следующие коммуникативные стратегии, актуализирующие конфронтацию: неодобрение оппонента, обвинение оппонента, запугивание оппонента, прессинг. В настоящем исследовании рассмотрим первые две из перечисленных конфронтационных коммуникативных стратегий – стратегию неодобрения оппонента и стратегию обвинения оппонента.

Коммуникативная стратегия неодобрения оппонента в речи российских парламентариев реализуется в тактиках отрицательного оценивания интеллектуальных качеств оппонента, критики действий оппонента, несогласия с мнением оппонента, оскорбления и навешивания ярлыков. Приведем по одному примеру тактик стратегии неодобрения оппонента.

Тактика отрицательного оценивания интеллектуальных качеств оппонента.

Ну вот посмотрите: Байден – ну, понятно, я не буду говорить, он уже жену собственную не узнаёт; Блинкен — всегда такой побитый, забитый и помятый; опухший от виски Борис Джонсон; вечно под наркотой, в футболке и в свитере Зеленский. И хотя мы говорим, что вот Джонсон-то – клоун, но посмотрите, как он всю Европу подталкивает к войне. Он Европу толкает в пучину войны! (Макаров В. С., фракция «Единая Россия», 21.06.22 – здесь и далее сведения об адресанте-политике и дата стенограммы выступления на сайте Государственной Думы РФ).

В. С. Макаров приводит оценку личностных индивидуальных качеств ведущих современных политиков. В данном фрагменте эта тактика реализуется в формате разговорного стиля при помощи частицы «ну», выражающей в данном контексте побуждение и иронию (*Ну вот посмотрите; ну, понятно*). Политик вовлекает адресата в совместное оценивание президента Байдена, поскольку уверен, что слушающие разделяют его точку зрения и так «*понятно*», поэтому он даже озвучивает свою интенцию «*я не буду говорить*» и с помощью наречия «*уже*» и инверсии «*он уже жену собственную не узнаёт*» указывает на крайнюю степень деградации интеллектуальных качеств президента США. В. С. Макаров формирует отрицательное отношение адресата и к 71-му государственному секретарю США Энтони Джону Блинкену, намекая на его несамостоятельность и поэтому на невысокие интеллектуальные качества при помощи тройки эмоциональных эпитетов «*побитый, забитый и помятый*». Хотя и известна сдержанность данного американского политика, который явно не относится к «ястребам», а является представителем так называемой «мягкой силы», но он является выпускником Гарварда и имеет степень доктора права на юридическом факультете в Колумбийском университете. В отрицательном свете представлены Борис Джонсон и Владимир Зеленский, парламентарий акцентирует внимание адресата на проблемах данных политиков с алкоголизмом и наркоманией и на их деградации: «*опухший от виски Борис Джонсон; вечно под наркотой, в футболке и в свитере Зеленский*». Далее В. С. Макаров вовлекает слушающих в совместное оценивание интеллектуальных качеств Б. Джонсона с помощью

инклюзивного «мы»: «И хотя мы говорим, что вот Джонсон-то – клоун, но посмотрите, как он всю Европу подталкивает к войне. Он Европу толкает в пучину войны!». В данном фрагменте для характеристики умственных способностей Б. Джонсона используется метафора «клоун», обладающая инвективным потенциалом и противопоставленная повтору-предостережению об опасности, исходящей от него: «посмотрите, как он всю Европу подталкивает к войне. Он Европу толкает в пучину войны!».

Тактика критики действий оппонента.

Извините, я не люблю в политику вдаваться, но, когда я слышу, что фракция все время работает, все время работает, – коллеги, получается, что лучше бы не работали, потому что положение учителя явно ухудшается (Смолин О. Н., фракция КПРФ, 21.06.22).

В приведенном фрагменте О. Н. Смолин применяет тактику критики действий оппонента, в данном случае – правящей партии «Единая Россия». Для этой цели представитель фракции КПРФ использует повтор «фракция все время работает, все время работает» и противопоставляет его пожеланию «лучше бы не работали», поскольку такая работа, по мнению парламентария, приводит к противоположному результату: «положение учителя явно ухудшается». Такая критика обладает конфликтогенным потенциалом и может привести к конфронтации двух фракций.

Тактика несогласия с мнением оппонента.

Мы в ЛДПР всегда критиковали, когда в одних руках сосредоточивают и организационные функции, и надзорные функции, это приводит к злоупотреблениям и беспределу.

Посмотрите, какое количество конфликтов, скандалов, видеосъемок, да вспомните того же «паркмена», который устроил забастовку и всячески привлекал внимание к тому, что здесь, в Государственной Думе, мы приняли абсолютно неправильные поправки. ЛДПР против (Нилов Я. Е., фракция ЛДПР, 21.06.22).

Тактика несогласия с мнением оппонента в данном фрагменте актуализируется при помощи озвучивания позиции оппонента, когда «в одних руках сосредоточивают и организационные функции, и надзорные функции», и возможных последствий, приводящих к «злоупотреблениям и беспределу». Разговорная лексема «беспредел» усиливает воздействующую силу сказанного. Я. Е. Нилов выражает открытое несогласие с принятыми поправками: «ЛДПР против», не снимая ответственности и с себя: «мы приняли абсолютно неправильные поправки».

Тактика оскорбления.

Мы вас просили: разве можно тащить гадюшник «Ельцин-центра» в Москву? Вот вздумайте! Соловьёв его разделал под орех, Михалков – под три ореха, я десять раз выступал и говорил: сходите и гляньте – там нет русской истории, нет советской истории. Там есть пьяный Ельцин, который совершил это все в мире и в нашей стране. Зачем его сюда тащить? Вчера двести человек вышли с протестом – вы Москву вздыбите после этого! Почему не слышат? (Зюганов Г. А., фракция КПРФ, 6.07.22).

Обращаясь к коллегам-депутатам, Г. А. Зюганов противопоставляет свою фракцию остальным («Мы вас просили») и реализует открытое проявление агрессии, называя «Ельцин-центр» «гадюшником». Данная лексема обладает конфликтогенным потенциалом, согласно Толковому словарю Ефремовой переносные значения лексемы «гадюшник» являются просторечными, это «2. Коллектив, в котором преобладают отношения взаимной неприязни, вражды, ненависти. 3. Второразрядная закусовая, столовая и т. п.» (<https://gufo.me/dict/efremova/%D0%B3%D0%B0%D0%B4%D1%8E%D1%88%D0%BD%D0%B8%D0%BA>).

Политик призывает: «Вот вздумайте!» и приводит доказательства своей правоты, обращаясь к авторитетным источникам и используя повтор метафоры и градацию: «Соловьёв его разделал под орех, Михалков – под три ореха». Эпитет «пьяный Ельцин» вкупе с метафорой «тащить» применительно к фигуре Б. Н. Ельцина являются оскорбительными для определенного ряда людей.

Тактика навешивания ярлыков.

Вячеслав Викторович, вы многое делаете для восстановления диалога, но принято почти три десятка законов аракчеевского характера: заткнуть рот, унижить и прижать к стенке тех, кто не согласен с этой политикой (Зюганов Г. А., фракция КПРФ, 6.07.22).

Следующей тактикой коммуникативной стратегии неодобрения оппонента является тактика навешивания ярлыков, то есть согласно Фразеологическому словарю русского литературного языка это «необоснованное приписывание кому-либо каких-либо свойств, качеств и т. п. (обычно негативного характера)» (https://phraseology.academic.ru/6824/%D0%9D%D0%B0%D0%B2%D0%B5%D1%88%D0%B8%D0%B2%D0%B0%D0%BD%D0%B8%D0%B5_%D1%8F%D1%80%D0%BB%D1%8B%D0%BA%D0%BE%D0%B2). Несмотря на вроде бы положительную оценку действий председателя Государственной Думы РФ В. В. Володина, Г. А. Зюганов тут же выступает с критикой действий самого Парламента, используя навешивание ярлыков: «законов аракчеевского характера: заткнуть рот, унижить и прижать к стенке тех, кто не согласен с этой политикой». Лидер фракции КПРФ отсылает слушателя к сравнению с деятельностью прецедентной исторической личности – государственного и военного деятеля Алексея Андреевича Аракчеева, который и поныне считается непревзойденным в России мастером муштры.

Следующая коммуникативная стратегия, ведущая к конфронтации, это **стратегия обвинения оппонента**, реализуемая в тактиках обвинения в несправедливости, уличения в игнорировании моральных норм и ценностей, упрека в недосказанности и нечестности, обвинения в сложившейся негативной ситуации. Рассмотрим примеры выделенных тактик.

Тактика обвинения в несправедливости.

Когда правительство вносит законопроект на одном листе, а потом поправки на ста листах вносятся – глаза

закрыли, ничего не видим, всё. Правительству можно всё, понимаете? Мало того, на ста листах поправки знаете какие? Когда несколько триллионов рублей нужно потратить на самых наших важных граждан – на наших олигархов. ... На банковскую систему потратили 5 триллионов рублей, на консолидацию банковского сектора, на оздоровление финансовое и так далее. Слушайте, ну, сколько можно?! Сколько можно? 18 миллионов человек у нас живет за чертой бедности – это официальная статистика, на самом деле больше (Гартунг В. К., фракция Справедливая Россия – патриоты – за правду, 21.06.22).

Парламентарий В. К. Гартунг актуализирует обвинение в ненадлежащем качестве законопроектов, вносимых правительством, с помощью противопоставлений: «законопроект на одном листе» – «поправки на ста листах». Такое некорректное поведение правительства и попустительство парламентариев («глаза закрыли, ничего не видим, всё») приводит к несправедливости: «Правительству можно всё». Ирония по отношению к олигархам, выраженная повтором инклюзивного притяжательного местоимения «на наших» и оценочным эпитетом в превосходной степени «самых (наших) важных», обличает парламентариев в расстановке несправедливых приоритетов: «Когда несколько триллионов рублей нужно потратить на самых наших важных граждан – на наших олигархов». Усилению воздействующей силы коммуникативной стратегии обвинения в несправедливости способствует постановка риторических вопросов: «понимаете?», «Мало того, на ста листах поправки знаете какие?», «Слушайте, ну, сколько можно?! Сколько можно?». Повтор риторического вопроса относится к экспликации проблемы, заключающейся в несправедливом распределении денежных средств: «На банковскую систему потратили 5 триллионов рублей, на консолидацию банковского сектора, на оздоровление финансовое и так далее», тогда как, по мнению представителя фракции Справедливая Россия – патриоты – за правду, более справедливой была бы помощь нуждающимся людям: «18 миллионов человек у нас живет за чертой бедности – это официальная статистика, на самом деле больше». С помощью всех этих приемов В. К. Гартунг актуализирует тактику обвинения в несправедливости.

Тактика уличения в игнорировании моральных норм и ценностей.

Уважаемый Александр Николаевич, ну, вы в конце своего выступления затронули главную проблему – здесь же проблема в неправильной градостроительной политике. То есть власть сама породила проблему из-за неправильной планировки застройки, а теперь хочет еще за счет своих аффилированных эвакуаторщиков людей обдирать (Коломейцев Н. В., фракция КПРФ, 21.06.22).

В данном фрагменте выступления в Государственной Думе Н. В. Коломейцев реализует коммуникативную тактику уличения в игнорировании моральных норм и ценностей. Парламентарий разоблачает истинные планы правительства Москвы по обогащению за счет жителей города. Несмотря на неудачную, с точки зрения представителя фракции КПРФ, планировку застройки столицы, местные власти планируют не просто применять штрафы, а еще и эвакуировать автомобили за неправильную парковку и таким образом обогащаться, то есть «за счет своих аффилированных эвакуаторщиков людей обдирать». Разговорная лексема «эвакуаторщиков», обозначающая работников, занимающихся эвакуацией автомобильного транспорта, вкупе с эпитетом «аффилированных» декодирует неуважительное к ним отношение данного политика. Метафора «обдирать» (перен. разг. Обирать, разорять, брать с кого-л. непомерно высокую цену – Ефремова Т. Ф. Толковый словарь русского языка. <https://tolslovar.ru/o302.html>) и вовсе является прямым указанием на игнорирование моральных норм и ценностей, принятых в обществе.

Тактика упрека в недосказанности, нечестности.

Вот, допустим, я читаю определение, которое здесь есть: насвай – вид некурительного табачного изделия, предназначенный для сосания и изготовленный из табака, извести и других ингредиентов. Насколько я понимаю, именно насвай используют в том числе и в качестве какого-то вещества наркотического или подобного, в общем-то, свойства. Ну, описать в законе – это одно дело, но если его не запрещать, то что тогда получается, легализация, да? (Нилов О. А., фракция Справедливая Россия – За Правду, 21.06.22).

В приведенном фрагменте О. А. Нилов применяет тактику упрека в недосказанности, указывая на недальновидность или намеренное умалчивание информации разработчиков законопроекта, которые дают определение одному из видов табачных изделий, не указывая на его наркотические свойства. Разделительный вопрос, требующий подтверждения информации, выражает мнение политика, который считает, что отсутствие запрета на употребление насвая равносильно его легализации: «Ну, описать в законе – это одно дело, но если его не запрещать, то что тогда получается, легализация, да?». Обращаясь к своим коллегам-депутатам, О. А. Нилов указывает на тот факт, что подобная недосказанность ведет в итоге к нечестности по отношению к гражданам, ради которых этот закон принимается.

Тактика обвинения в сложившейся негативной ситуации.

Но затем последовал бюджет, за который вы голосовали, где не пахло ни прорывом новых технологий, ни тем более борьбой с вымиранием и бедностью. За прошлый год мы потеряли почти миллион человек, родилось меньше чем в 44-м военном году (Зюганов Г. А., фракция КПРФ, 21.06.22).

Лидер фракции КПРФ актуализирует коммуникативную тактику обвинения в сложившейся негативной ситуации. Политик обращается к парламентариям, представителям других партий, обвиняя их в принятии провального бюджета, не нацеленного на развитие науки и в целом благосостояния российского общества: «Но затем последовал бюджет, за который вы голосовали, где не пахло ни прорывом новых технологий, ни тем более борьбой с вымиранием и бедностью». Усилению обличительной силы служит метафора «не пахло» и лексический повтор «ни ... / ни ...», указывающий на неосуществленные парламентом цели. Обвинение в сложившейся негативной ситуации подкрепляется отсылкой к прошлому: «За прошлый год мы потеряли почти миллион человек, родилось меньше чем в 44-м военном году», Г. А. Зюганов приводит сравнение с военным периодом, который был даже более удачным с точки

зрения деторождения, обвиняя в этом своих коллег и противопоставляя свою партию остальным, что может привести к конфронтации.

Таким образом, подводя итоги исследования, можно сделать вывод, что современные политики не боятся высказывать свою точку зрения, что при определенных обстоятельствах зачастую может приводить к актуализации конфронтации в политическом дискурсе. Вместе с тем следует подчеркнуть, что коммуникативная палитра стратегий, тактик и приемов выражения конфронтации разнообразна и зависит от индивидуальности политика.

Литература

- Anduiza E., Gallego A., Muñoz J. Turning a blind eye: Experimental evidence of partisan bias in attitudes toward corruption / *Comparative Political Studies*. 2013. № 46(12). - Pp. 1664-1692.
- Arceneaux K., Nickerson D. W. Comparing negative and positive campaign messages: Evidence from two field experiments / *American Politics Research*. 2010. № 38(1). - Pp. 54-83.
- Burton J. W. *Conflict: Resolution and Prevention*. New York, 1990.
- Casado-Aranda L. A., Sánchez-Fernández J., Luque-Martínez T. Modulating the Neural Bases of Political Communications: Political Involvement and Perception of the Economic Situation / *Polit Behav*. 2022. № 44. - Pp. 1247-1270.
- de Sousa L., Moriconi M. Why voters do not throw the rascals out? A conceptual framework for analysing electoral punishment of corruption / *Crime, Law and Social Change*. 2013. № 60(5). - Pp. 471-502.
- Han E., Park C., Khang H. Exploring linkage of message frames with personality traits for political advertising effectiveness / *Asian Journal of Communication*. 2018. № 28(3). - Pp. 247-263.
- Krause S., Méndez F. Corruption and elections: An empirical study for a cross-section of countries / *Economics & Politics*. 2009. № 21(2). - Pp. 179-200.
- Sigelman L., Buell E. H. You take the high road and I'll take the low road? The interplay of attack strategies and tactics in presidential campaigns / *Journal of Politics*. 2003. № 65(2). - Pp. 518-531.
- Xezonakis G., Kosmidis S., Dahlberg S. Can electors combat corruption? Institutional arrangements and citizen behavior / *European Journal of Political Research*. 2016. № 55(1). - Pp. 160-176.
- Балаясникова О. В. Опыт психолингвистического исследования значения одного из ключевых слов конфликтного текста / *Вестник Новосибирского гос. ун-та. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация*. - 2015. № 13(4). - С. 22-27.
- Голев Н. Д. Взаимодействие естественного и юридического языка как базовая проблема юрислингвистики / *Право і лінгвістика. Сімферополь*, 2003. С. 33-41.
- Голев Н. Д. Правовое регулирование речевых конфликтов и юрислингвистическая экспертиза конфликтных текстов / *Правовая реформа в Российской Федерации: общетеоретические и исторические аспекты*. Барнаул, 2002. - С. 125-134.
- Голев Н. Д. Юрислингвистика и лингвоконфликтология (к типологии языковых конфликтов) / *Современная филология: актуальные проблемы, теория и практика*. Красноярск, 2007. - С. 20-30.
- Зюбина И. А. Национальная специфика доминирования в речевом поведении политиков / *Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики*. - 2021. № 4. - С. 51-61.
- Ким Г. В. Признаки отдельных видов конфликтного текста (на примере материалов региональной судебной практики) / *Современные проблемы лингвистики и методики преподавания русского языка в вузе и школе*. - 2017. № 27. - С. 100-103.
- Макаренко Г. С. Эксплицитные и имплицитные маркеры конфликтности публицистического текста / *Вестник Башкирского университета*. - 2016. № 1(21). - С. 192-195.
- Матвеева О. Н. Функционирование конфликтных текстов в правовой сфере и особенности его лингвистического изучения (на материале текстов, вовлечённых в юридическую практику). Барнаул, 2004.
- Махина Л. А. Высказывания с негативной оценочностью как элементы структуры и смысла конфликтных текстов / *Litera*. - 2016. - № 4. - С. 1-10.

References

- Anduiza, E., Gallego, A., Muñoz, J. (2013). Turning a blind eye: Experimental evidence of partisan bias in attitudes toward corruption. *Comparative Political Studies*, 46(12), 1664-1692.
- Arceneaux, K., Nickerson, D. W. (2010). Comparing negative and positive campaign messages: Evidence from two field experiments. *American Politics Research*, 38(1), 54-83.
- Balyasnikova, O. V. (2015). The experience of psycholinguistic research of the meaning of one of the key words of the conflict text. *Bulletin of the Novosibirsk state university. Series: Linguistics and intercultural communication*, 13(4), 22-27 (in Russian).
- Burton, J. W. (1990). *Conflict: Resolution and Prevention*. New York.
- Casado-Aranda, L. A., Sánchez-Fernández, J., Luque-Martínez, T. (2022). Modulating the Neural Bases of Political Communications: Political Involvement and Perception of the Economic Situation. *Polit Behav*, 44, 1247-1270.
- de Sousa, L., Moriconi, M. (2013). Why voters do not throw the rascals out? A conceptual framework for analysing

- electoral punishment of corruption. *Crime, Law and Social Change*, 60(5), 471-502.
- Golev, N. D. (2002). Legal regulation of speech conflicts and jurislinguistic expertise of conflict texts. *Legal reform in the Russian Federation: general theoretical and historical aspects*. Barnaul, 125-134 (in Russian).
- Golev, N. D. (2003). Interaction of natural and legal language as a basic problem of jurislinguistics. *Law and linguistics*. Simferopol, 33-41 (in Russian).
- Golev, N. D. (2007). Jurislinguistics and linguoconflictology (to the typology of language conflicts). *Modern Philology: Actual Problems, Theory and Practice*. Krasnoyarsk, 20-30 (in Russian).
- Han, E., Park, C., Khang H. (2018). Exploring linkage of message frames with personality traits for political advertising effectiveness. *Asian Journal of Communication*, 28(3), 247-263.
- Kim, G. V. (2017). Signs of certain types of conflict text (on the example of materials of regional judicial practice). *Modern problems of linguistics and methods of teaching the Russian language at the university and school*, 27, 100-103 (in Russian).
- Krause, S., Méndez, F. (2009). Corruption and elections: An empirical study for a cross-section of countries. *Economics & Politics*, 21(2), 179-200.
- Makarenko, G. S. (2016). Explicit and implicit markers of the conflict potential of a journalistic text. *Bulletin of the Bashkir University*, 1(21), 192-195 (in Russian).
- Makhina, L. A. (2016). Statements with negative appraisal as elements of the structure and meaning of conflict texts. *Litera*, 4, 1-10 (in Russian).
- Matveeva, O. N. (2004). The functioning of conflict texts in the legal sphere and the features of its linguistic study (on the basis of texts involved in legal practice). Barnaul (in Russian).
- Sigelman, L., Buell, E. H. (2003). You take the high road and I'll take the low road? The interplay of attack strategies and tactics in presidential campaign. *Journal of Politics*, 65(2), 518-531.
- Xezonakis, G., Kosmidis, S., Dahlberg, S. (2016). Can electors combat corruption? Institutional arrangements and citizen behavior. *European Journal of Political Research*, 55(1), 160-176.
- Zyubina, I. A. (2021). National Specificity of Dominance in Politicians' Speech Behavior. *Current Issues in Philology and Pedagogical Linguistics*, 4, 51-61 (in Russian).

Citation:

Зюбина И. А. Актуализация конфронтации в политическом дискурсе // Юрислингвистика. – 2023. – 27. – С. 118-123.

Zyubina I. A. (2023). Actualization of Confrontation in Political Discourse. *Legal Linguistics*, 27, 118-123.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0. License

Речевые деликты в контексте современных реалий

Е. В. Алымова

*Астраханский филиал ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия»
Кр. Набережная, 7, 414000, Астрахань, Россия. E-mail: lingexpert@mail.ru*

В представленной статье рассматривается ряд проблем, связанных с толкованием и применением определенных видов речевых деликтов. В частности, приводится мнение автора о толковании понятия «иная, противоречащая нормам морали и нравственности форма», о разграничении мнения и утверждения в рамках публикаций в интернет-блогах. Автор высказывает мнение о необходимости учета контекста размещения публикации при определении интенции автора спорного текста, приводит примеры из собственной практики, а также подчеркивает необходимость объединения лингвистических знаний для устранения имеющихся расхождений в толковании используемых понятий. В публикации приводятся примеры из личного опыта работы автора в качестве судебного эксперта-лингвиста.

Ключевые слова: речевые деликты, речевые преступления, оскорбление, клевета, фейки.

Speech Torts in the Context of Modern Realities

E. V. Alymova

*Saratov State Law Academy (Astrakhan branch)
7 Krasnaya Naberezhnaya, 414000, Astrakhan, Russia. E-mail: lingexpert@mail.ru*

The article discusses a number of problems related to the interpretation and application of certain types of speech torts. In particular, the author's opinion is given on the interpretation of the concept of "another form that contradicts the norms of morality and ethics", on the differentiation between opinions and statements as parts of publications in Internet blogs. The author expresses the opinion on the necessity of taking into account the context of publication placement when determining the intention of the author of a controversial text, gives examples from personal work experience, and also emphasizes the need of unifying linguistic knowledge to eliminate existing discrepancies in the interpretation of the concepts used. The paper provides examples from the author's personal experience as a forensic linguist.

Key words: speech torts, speech crimes, insult, slander, fakes.

Понятие речевого деликта не ново, но именно в современных реалиях оно значительно увеличилось в объеме, впитав в себя огромный пласт продуктов речевой деятельности, направленных на причинение вреда личности, обществу или государству вербальными средствами, за которыми следует определенное наказание, предусмотренное действующим законодательством.

К основным речевым деликтам относятся:

- оскорбление (личности, представителей власти, чувств верующих, государства и государственного символа и т. д.);
- клевета (унижение чести и достоинства физических лиц, а также умаление деловой репутации юридических лиц);
- угроза жизни и здоровью;
- публичные призывы к экстремистской деятельности;
- разжигание ненависти и вражды по признаку расы, нации, религии, пола;
- фейки.

Вместе с тем к речевым преступлениям можно отнести и другие диспозиции норм УК РФ, указывающие на вербальный характер совершения преступления:

- доведение лица до самоубийства или до покушения на самоубийство путем угроз <...> или систематического унижения человеческого достоинства потерпевшего;
- незаконное собиране или распространение сведений о частной жизни лица, составляющих его личную или семейную тайну, без его согласия либо распространение этих сведений в публичном выступлении;

- незаконное распространение в публичном выступлении, публично демонстрирующемся произведении, средствах массовой информации или информационно-телекоммуникационных сетях информации, указывающей на личность несовершеннолетнего потерпевшего, не достигшего шестнадцатилетнего возраста, по уголовному делу, либо информации, содержащей описание полученных им в связи с преступлением физических или нравственных страданий;

- вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления путем обещаний, обмана, угроз;

- вымогательство, то есть требование передачи чужого имущества или права на имущество или совершения других действий имущественного характера под угрозой применения насилия либо уничтожения или повреждения чужого имущества, а равно под угрозой распространения сведений, позорящих потерпевшего или его близких, либо иных сведений, которые могут причинить существенный вред правам или законным интересам потерпевшего или его близких;

- заведомо ложное показание, заключение эксперта, специалиста или неправильный перевод;

- заведомо ложный донос о совершении преступления.

Текущие реалии (социальной жизни, политики, в том числе в контексте мировых событий) всегда влияли на распространение одних речевых деликтов и «ослабевание» других. На сегодняшний день мы можем уверенно говорить о том, что понятие «фейк-ньюз» стало доминирующим, отодвинув на второй план оскорбления и клевету. Слово «фейк» сейчас знакомо всем, даже людям, далеким от юриспруденции и углубленных лингвистических знаний. Вместе с тем зачастую понятие «фейк» подменяется понятием «клевета», а понятие «оскорбление» используется применительно к ситуациям, когда речь идет об обиде.

И если вопросы фейкинга для лингвистов «закрываются» благодаря Е. И. Галяшиной и ее научно-практическому пособию «Фейковизация как средство информационной войны в интернет-медиа» [Галяшина 2023], то ряд вопросов, связанных с категориями «оскорбление» и «клевета», остаются открытыми.

Как разграничить обиду и оскорбление? Что относится к категории «неприличная форма», а что подразумевается под формулировкой «и иной, противоречащей нормам морали и нравственности форме»? Где граница между мнением и скрытым утверждением о факте? Все это вызывает споры и отсутствие у правоприменителей единого решения по одному и тому же вопросу.

Вместе с тем важно отметить, что несправедливое, по мнению гражданина, причинение ему огорчения путем использования неким лицом неприятных и незаслуженных слов и фраз, не имеющих при этом неприличной формы выражения, будет являться обидой. Оскорбление же есть унижение чести и достоинства другого лица, выраженное в «неприличной или иной противоречащей общепринятым нормам морали и нравственности форме» (статья 5.61 КоАП РФ).

На наш взгляд, в данном случае законодатель путем внесения изменений в ст. 5.61 КоАП разграничил вербальное и невербальное оскорбление:

вербальное – с помощью слов, выраженных в неприличной форме;

невербальное – посредством иных несловесных форм, которые противоречат общепринятым нормам морали и нравственности – при помощи жестов, символов, рисунков/картинки, действия (например, плевок, обнажение частей тела) и т. д.

Важно так же обратить внимание, что в настоящее время многие ошибочно, на наш взгляд, относят к появившейся добавочной формулировке («иной противоречащей общепринятым нормам морали и нравственности форме») весь пласт лексики, которая, не являясь неприличной, является, по их мнению, непринятой в обществе. Такая позиция ошибочна, поскольку существует разница между формой выражения и содержанием слова. Слово представляет собой структурно-семантическую, двустороннюю единицу языка, обладающую формой (планом выражения) и значением (планом содержания). План выражения именуют также означающим, а план содержания – означаемым. Форма слова имеет фонетическое (графическое) и морфологическое выражение. В устной речи она представлена комплексом звуков, в письменной речи – буквами.

Если оскорбительное по содержанию выражение имеет литературную или разговорную форму выражения, эта форма не может быть признана неприличной, она остается в разряде нормативной лексики. В этом случае истца может оскорблять содержание, но не форма. Использование нормативной лексики в негативных высказываниях не подлежит правовому регулированию, так как не входит в пласт неприличной формы.

Еще исторически сложилось, что людей приучали отвечать за свои слова. Так, например, ряд статей об оскорблении содержится в церковном Уставе князя Ярослава. Здесь впервые упоминается оскорбление словом. В Уставе Ярослава за оскорбление женщины позорным словом предусматривалось наказание в виде штрафа. Размер штрафа зависел от социального положения потерпевшей и варьировался от пяти гривен золотом за оскорбление боярской жены до одной гривны серебром за оскорбление жены сельского жителя [Чистякова 1984: 169]. Кроме уплаты потерпевшей такая же сумма причиталась епископу.

Новгородская судная грамота «ссылается на другие, нам неизвестные грамоты, из коих явствует... что истец и ответчик подвергались тяжкому взысканию, если беззаконно обносили друг друга или судей...» [Карамзин 1993: 156]. Таким образом, можно говорить, что впервые оскорбление судьи и участников процесса было упомянуто в Новгородской судной грамоте.

Положение об оскорблении словом, именуемое «лаем», содержится в Двинской уставной грамоте. Так, в ст. 2 говорится: «...а кто излает боярина, или до крови ударит, или на нем синевы будут, и наместницы судят ему по его отчеству бесчестие; тако ж и слuze» [Горский 1985: 181]. Данная норма защищает честь бояр и их слуг.

Соборное уложение 1649 г. содержит ряд статей, предусматривающих ответственность за клевету и оскорбление.

В гл. II Уложения нет специальной статьи об оскорблении чести царя, но сама глава называется «О государственной чести». В статьях 99, 105 гл. X Уложения говорится об оскорблении «непригожим словом», но что это значит – не сказано. Под «непригожим словом» понималось вообще словесное оскорбление, направленное против чести любого человека, вплоть до государя.

В народной традиции и литературе древних времен запрет на матерную брань связывался с представлением о том, что матерщина оскорбляет мать сыру землю, Богородицу и родную мать человека.

«Кроме того, русская матерщина использовалась часто в качестве оберега (то есть заклинания от злых духов), спасающего человека от болезней и бед. В языческие времена (да и позднее) на Руси с помощью непристойных слов и выражений изгоняли из дома разную нечисть, спасали скот от бесплодия, а поля и пашни – от засухи. Слова эти назывались «черными», и в этом названии сближались понятия «черноты» и черта (в старом значении «проклятый»). Буквально «черные слова» – это выражения с упоминанием черта (слово черт здесь заменяется – из суеверного страха – созвучным прилагательным черный). Попусту такими «черными словами» не разбрасывались: боялись накликать беду и на себя, и на близких – ведь слово-то имело свойство «воплощаться»! Поэтому, избегая слова черт, говорили, например: шут с тобой, ну тебя к шутам, пошел бы ты подальше и т. п.» [Рогозина 2008: 14].

Ритуальная брань сопровождала свадебный русский обряд. Дело дошло до того, что в 1648 году появился царский указ, предписывающий, чтобы «на браках песней бесовских не пели и никаких срамных слов не говорили».

Но еще долго на Руси звучала ритуальная брань на таких народных праздниках, как Масленица, Троица или день Ивана Купала, – как отголосок древних языческих нравов и поверий.

В своей экспертной практике автору статьи довелось столкнуться с лексемой «подлец», которая вызвала полемику при рассмотрении дела по существу. Так, находясь в репетиционном зале филармонии, гражданин Н. употребил в адрес артиста балета И. слово «подлец», которое, по мнению районной прокуратуры, является «неприличным, противоречащим сложившимся в обществе представлениям о моральных стандартах межличностного общения (этикета) и иной характеристики потерпевшего, носящий неодобрительный характер». При формировании своих выводов прокуратура использовала толковые словари С. И. Ожегова и В. И. Даля, которые, как указано в обвинительном заключении: «указывают, что слово "подлец" употребляется как ругательство, обозначающее следующее: "Подлец" – низкий в нравственном отношении, бесчестный». По мнению прокуратуры, «гражданин Н. унижил честь и достоинство потерпевшего И. в неприличной форме, то есть откровенно циничной, поскольку употребление данного слова нельзя считать принятой в обществе манере общения между людьми».

В этой ситуации нужно отметить, что слово «подлец» по словарным определениям изначально вообще не несло в себе негативного оттенка значения, так как означало тех, кто находился «подле», то есть рядом, возле кого-то. Так называли крестьян, которые живут подле своих господ, не имеют воли, являются дворовыми людьми: «из черни, темного, низкого рода-племени, из рабов, холопов, крепостного сословья» [Даль 1863-1866].

Д. Н. Ушаков (составитель словаря) уточняет, что раньше слово употреблялось как термин, без бранного оттенка, в значении «принадлежащий к крестьянскому, податному сословию». Слово «подлый» лишь подчеркивало несвободный, низкий статус людей, находящихся в зависимости. Уже в XVIII веке «подлец» обретает ярко выраженную негативную окраску и второе значение.

Позднее словари начали определять слово «подлец» как имеющее негативные коннотации, и некоторые из них содержали помету «бранное», что, тем не менее, не является неприличной формой выражения.

ПОДЛЕЦ, а́, м. (разг. бран.). Низкий, подлый человек. Пафнутьев, подлец, подгадил. Тургенев. Я тебе, подлецу, сейчас оплеуху дам. Чехов (Словарь Ушакова Д. Н.).

При этом авторы-составители Словаря Ушакова Д. Н. уточнили: «Согласно намеченной задаче словаря, в него, как правило, не входят некоторые категории слов. Так, за некоторыми исключениями не входят большинство неприличных слов» (см. т. 1, с. 22). Для них в словаре существует помета (вульг.) («т.е. вульгарное, означает: по своей бесцеремонности и грубости неудобно для литературного употребления»), которая сопровождает в Словаре Ушакова Д.Н. более полутысячи лексических единиц, в число которых не входит лексема «подлец».

ПОДЛЕЦ, -а, муж. Подлый человек, негодяй. Подлецу руки не подам (Толковый словарь Ожегова С. И.).

Более того «Словарь русского языка» С. И. Ожегова во вступительной статье предупреждает читателей о том, что «в соответствии с задачами словаря в него, как правило, не помещаются слова с явно выраженным грубым оттенком». В том же словаре С. И. Ожегова лексема «подлец» не имеет каких-либо помет, хотя в него и включены 29 единиц, имеющих помету «бран.», например такие слова, как «балда», «на кой черт», «голова садовая», «дубина стоеросовая». Следовательно, сама по себе помета «бран.» не характеризует циничную или неприличную форму слова.

ПОДЛЕЦ – см. подлый. ПОДЛЫЙ, низкий, исподний, последнего качества, плохого разбора; | о человеке, сослови: из черни, темного, низкого рода-племени, из рабов, холопов, крепостного сословья (Словарь Даля В.И.).

Словарь В. И. Даля вообще не сопровождает лексему «подлец» какими-либо пометами. Поскольку Словарь предусматривает пометы «унизит.», «презрит.», «пошлов.», которые относятся к словам, употребленным в неприличной (циничной) форме, то очевидно, что лексема «подлец» не соотносится автором словаря с данной категорией слов.

Для слов, относящихся к категории употребленных в неприличной, циничной форме, характеризующей непринятую в обществе манеру общения, в словарях предусмотрены специальные пометы: «неценз.», «обсц.»,

«неприл.», «вульг.», «вульг.- прост.». Подобных помет ни один из словарей в отношении слова «подлец» не содержит.

А уже в современных словарях, которые на данном этапе наиболее показательны отражают значение слов в современных реалиях, прослеживается узуальное изменение значения слова от бранного к разговорно-сниженному и даже применяемому в положительном контексте.

Так, по Толковому словарю Т. Ф. Ефремовой:

ПОДЛЕЦ м. разг.-сниж. Подлый человек; негодяй.

Лексема имеет помету «разговорно-сниженная» лексика, то есть лексика, употребление которой допускается в ситуации разговорно-бытового общения.

Толковый словарь С. А. Кузнецова в своей словарной дефиниции содержит помету «фамильярно» и приводит еще один оттенок значения:

ПОДЛЕЦ – О любом (обычно близком, дорогом) человеке, о животном. Ишь ты – нос у подльца отцовский!

Но в лингвистической экспертиологии известно, что «...словари неизбежно отстают от узуса, поэтому эксперт не может ограничиваться словарным толкованием. Он обязательно должен учитывать и проверять современное употребление исследуемой единицы» [Кукушкина 2011: 114].

Для лингво-юридического аспекта исследования дефиниции «подлец» важен следующий аспект анализа: понятия «приличие/неприличие» лежат в морально-этической плоскости общественного сознания, а не в лингвистической. Поэтому классификация лексики и фразеологии на приличную и неприличную носит именно морально-этический характер. Морально-этический анализ словоупотребления должен основываться на объективном лексико-семантическом, то есть собственно лингвистическом анализе. Известно, что в лингвистике лексика и фразеология делятся на нормативную (допустимую как в устной, так и в письменной речи, в публичном общении, СМИ) и ненормативную (находящуюся за пределами норм литературного языка, которая рассматривается обществом как недопустимая в публичном употреблении, в средствах массовой информации). Следовательно, основное различие нормативной и ненормативной лексики – в допустимости ее публичного использования: нормативная допустима, ненормативная недопустима в публичном употреблении.

Говоря о том, относится ли на современном этапе становления речевой культуры то или иное слово к категории неприличных или к категории слов, употребление которых осуждается в обществе по моральным и нравственным причинам, лексикографы и лингвисты обращаются, в том числе, и к речам руководителей страны. В своих выступлениях первые лица страны всегда используют слова и выражения, допустимые с точки зрения закона и норм этики.

Так, например, слово «подлец», как показал проведенный анализ, встречается в речах ведущих политических деятелей страны:

- Вячеслав Володин, Председатель Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации восьмого созыва: «Навальный – бесстыдник и подлец. Владимир Путин спас его жизнь. Если то, что с ним случилось, было срежиссировано спецслужбами западных государств – тогда его заявление укладывается в эту логику».

- Геннадий Зюганов, Председатель ЦК КПРФ, руководитель фракции КПРФ в Госдуме ФС РФ, в интервью журналистам назвал работников Первого канала «подлецами» и «некультурными людьми» по причине того, что они не осветили мероприятие с участием коммунистов в Казани к 100-летию СССР: «Подлецы и некультурные люди! ... Мы вас приглашали ... вы не уважаете народные традиции. Я поражен. Потрясающее невежество!»

Таким образом, на современном этапе становления русского языка слово «подлец» относится к нормативной, то есть допустимой в публичном употреблении лексике, а следовательно не имеет неприличной формы выражения, и, будучи выраженным вербально (то есть словом), не употреблено в иной противоречащей общепринятым нормам морали и нравственности форме (то есть не передано графически или с помощью иллюстрирующих жестов, употребление которых осуждается в обществе, так как такая форма не соответствует нормам морали и нравственности). И такая позиция убедила суд, выносивший решение по вышеупомянутому делу гражданина Н., больше, чем позиция районного прокурора.

Говоря о проблеме разграничения мнения и утверждения в рамках разговора о таком речевом деликте, как клевета, важно, на наш взгляд, обратиться к тезисам представителей Гильдии экспертов-лингвистов по информационным и документационным спорам: «Маркеры мнения, используемые при оформлении оценочных суждений и выводов, являющихся голословными (при отсутствии сведений о фактических обстоятельствах, на которые эти оценки и выводы опираются), такие как «существует устойчивое мнение», «существует мнение», «считается», «ходят слухи» и т. п., на самом деле должны прочитываться как авторское «считаю доказанным», «мне достоверно известно». Соответствующие положения нашли свое отражение в практике Европейского суда по правам человека (ЕСПЧ), который считает, что от издателей можно требовать демонстрации наличия у них достаточных фактических оснований в поддержку высказанного мнения. Так, в деле «Джерусалем против Австрии» для защиты оценочного суждения от обвинений в диффамации ЕСПЧ потребовал наличия минимальной фактической основы: «Суд напоминает далее, что даже в случае, когда утверждение сводится к оценочному суждению, пропорциональность вмешательства может зависеть от того, существует ли достаточное фактическое основание для опровергаемого утверждения, поскольку даже оценочное суждение, не имеющее под собой никакой фактической основы, может быть чрезмерным». Эта позиция была изложена ЕСПЧ и в более ранних постановлениях, таких как «Де Хаас и Гийселс против Бельгии»: «Если взглянуть на вещи в контексте данного дела, то обвинения, о которых идет речь, представляют собой не более чем мнения, истинность которых нельзя доказать по определению. Такие мнения

могут быть преувеличенными и чрезмерными, в особенности при отсутствии какой-либо фактической основы...» [Горбаневский 2002].

В современных реалиях, когда речевые деликты совершаются в виртуальном пространстве, важно, на наш взгляд, учитывать и сопутствующий контекст (в частности, ту площадку, на которой те или иные сведения публикуются).

Приведем пример из практики: гражданин Т. приобрел в одном из автосалонов раритетный автомобиль, который, согласно договору купли-продажи, был восстановлен дилером. Позднее в автосервисе гражданин Т. совместно со специалистами обнаружил, что восстановления по факту произведено не было, а все дефекты были скрыты под большим слоем мастики. Гражданин Т. описал эту ситуацию (естественно, не преминув указать на то, что продавец (ООО «М.») обманул его и посему является мошенником) в своем блоге на портале автолюбителей, где предусмотрена форма обратной связи и каждый из читателей блога может высказать свое мнение. Имел ли право гражданин Т. высказывать свое негативное мнение о продавце в своем блоге, сопровождая свои высказывания фотоматериалами, подтверждающими факт введения его в заблуждение? Суд постановил, что не имел, и привлек гражданина Т. к ответственности за распространение сведений, не соответствующих действительности и порочащих деловую репутацию ООО «М.».

В свою очередь, отметим, что на сегодняшний день, наверное, самой распространенной интернет-площадкой, которая порождает дела по речевым деликтам, является личный блог. Особенность дискурса блогов в целом такова, что автор публикует свое мнение о явлении, событии, людях и т. д. Это обстоятельство предопределяет общую модальность текстов, порождаемых в рассматриваемой речевой среде. И здесь встает вопрос – можно ли, при дифференциации негативной информации (в рамках дел о клевете), все написанное в блоге рассматривать как выражение мнения – субъективной, личной точки зрения (мнения) и отношения к сложившейся ситуации? И этот спорный момент до сих пор остается дискуссионным.

При этом важно отметить, что жанр блога предполагает вербализацию сообщаемой информации таким способом, чтобы оказать эмоциональное воздействие на читателей, что уже заложено особенностями дискурса. Поэтому многие речевые конструкции сами по себе будут являться выражением речевой эмоции, которая может оказаться обидной, но при этом не являться оскорблением в истинном значении данного слова. Цель сообщения в блоге – донесение собственного мнения и оценки события (хоть и в формате утвердительных предложений) до читателей с последующей дискуссией по проблеме в форме комментариев, где каждый имеет возможность либо разделить позицию автора, либо высказать свое отличающееся мнение.

Если мы говорим о размещении той или иной спорной публикации на интернет-ресурсе (новостном портале, тематической группе, интернет-портале и т. д.), обязательному исследованию, на наш взгляд, подлежит и графическое оформление текста, определение расположения его частей в пространстве интернет-ресурса, изучение хештегов и заголовков разделов, в которых размещена публикация, сопутствующие креолизованные тексты. При этом по наличию комментариев и их содержанию можно сделать вывод о том, достигла ли интенция автора (в случае возможности ее установления) своей конечной цели.

В качестве примера из практики приведем случай, когда ответчик утверждал, что не имел интенции дискредитировать организацию, заметку о которой он разместил на тематическом портале, и не сообщал никакой негативной информации о ней, а всего лишь сообщил, что продукцию организации проверяли сотрудники контролирующего ведомства. Однако изучение макроконтекста показало, что свою публикацию автор сопроводил хештегом #недобросовестные производители и рисунком, изображающим последствия потребления некачественной продукции, что позволило сделать вывод о передаче читателям негативной информации об организации.

В заключение следует отметить, что события последних лет серьезным образом отразились на языке и коммуникации людей, активизировавшихся в сети интернет. Граждане стали более активно общаться в комментариях под всевозможными постами и заметками, высказывать свое негодование сложившимися обстоятельствами, порождая всевозможные речевые деликты. А поскольку органы, формирующие обвинение, и суды, выносящие решения, не имеют специальных лингвистических знаний, будучи вынужденными при этом трактовать те или иные языковые явления, перед экспертами-лингвистами стоит важная задача – обсудить и свести к минимуму возможность неправильного толкования тех или иных языковых проявлений и формулировок, внося свой вклад в объективное разбирательство по делам о речевых деликтах.

Литература

<http://duma.gov.ru/news/49632/>.

Галяшина Е. И. Фейковизация как средство информационной войны в интернет-медиа : научно-практическое пособие / Е. И. Галяшина, В. Д. Никишин, К. М. Богатырев, Е. Г. Пфейфер. М., 2023.

Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. СПб., 1863-1866.

Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. М., 2000.

Карамзин Н. М. История государства Российского. Т. 5-8. Калуга, 1993.

Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 N 195-ФЗ (ред. от 29.12.2022) (с изм. и доп., вступ. в силу с 11.01.2023).

Кукушкина О. В. Теоретические и методические основы судебной психолого-лингвистической экспертизы текстов по делам, связанным с противодействием экстремизму : методическое издание / О. В. Кукушкина, Ю. А. Сафонова,

Т. Н. Секераж. М., 2011.

Методические рекомендации по вопросам лингвистической экспертизы спорных текстов СМИ/ Сост. Ю. А. Бельчиков, М. В. Горбаневский, И. В. Жарков. М., 2010.

Рогозина, Е. К. О сквернословии / Сервис в России и за рубежом. – 2008. – № 4(9). – С. 14.

Российское законодательство X-XX веков : в 9-ти томах / под общей редакцией доктора юридических наук, профессора О. И. Чистякова. М., 1984. Т. 1: Законодательство Древней Руси.

Российское законодательство X-XX веков : в 9-ти томах / под общей редакцией доктора юридических наук, профессора О. И. Чистякова. М., 1984. Т. 2: Законодательство периода образования и укрепления русского централизованного государства. 1985.

Современный толковый словарь русского языка / под ред. С. А. Кузнецова. СПб., 2003.

Толковый словарь Ожегова. / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. М., 1949-1992.

Толковый словарь русского языка / под редакцией Д. Н. Ушакова. М., 1935-1940.

Цена слова : из практики лингвистических экспертиз текстов СМИ в судебных процессах по защите чести, достоинства и деловой репутации / [авт.-сост. А. Н. Баранов и др.]. 3-е изд., испр. и доп. М, 2002.

References

Dal', V. I. (1863-1866). Explanatory dictionary of the living Great Russian language: In 4 volumes. St. Petersburg (in Russian).

Efremova, T. F. (2000). New dictionary of the Russian language. Explanatory derivational. Moscow (in Russian).

Explanatory dictionary of Ozhegov (1949-1992). Ed. S. I. Ozhegov, N. Yu. Shvedova. Moscow (in Russian).

Explanatory dictionary of the Russian language (1935-1940). Edited by D. N. Ushakov (in Russian).

Galyashina, E. I. (2023). Faking as a means of information warfare in Internet media: a scientific and practical guide / E. I.

Galyashina, V. D. Nikishin, K. M. Bogatyrev, E. G. Pfeifer. Moscow (in Russian).

<http://duma.gov.ru/news/49632/> (in Russian).

Karamzin, N. M. (1993). History of the Russian State. Vol. 5-8. Kaluga (in Russian).

Kukushkina, O. V. (2011). Theoretical and methodological foundations of forensic psychological and linguistic expertise of texts on cases related to countering extremism : methodical edition / O. V. Kukushkina, Yu. A. Safonova, T. N. Sekerazh. Moscow (in Russian).

Methodological recommendations on the issues of linguistic expertise of controversial media texts (2010). Comp.

Yu. A. Belchikov, M. V. Gorbanevsky, I. V. Zharkov. Moscow (in Russian).

Modern explanatory dictionary of the Russian language (2003). Edited by S. A. Kuznetsov. St. Petersburg (in Russian).

Rogozina, E. K. (2008). On profanity. Service in Russia and abroad, 4(9), 14 (in Russian).

Russian legislation of the X-XX centuries: in 9 volumes / under the general editorship of Doctor of Law, Professor O. I. Chistyakov. (1984). Vol. 1: Legislation of Ancient Russia. Moscow (in Russian).

Russian legislation of the X-XX centuries: in 9 volumes / under the general editorship of Doctor of Law, Professor O. I. Chistyakov. (1985). Vol. 2: Legislation of the period of formation and strengthening of the Russian centralized state. Moscow (in Russian).

The Code of the Russian Federation on Administrative Offenses of 30.12.2001 N 195-FZ (as amended on 29.12.2022) (with amendments and additions, intro. effective from 11.01.2023) (in Russian).

The price of a word : from the practice of linguistic expertise of media texts in lawsuits to protect honor, dignity and business reputation (2002). Auth.- comp. A. N. Baranov et al. 3rd ed., corr. and add. Moscow (in Russian).

Citation:

Алымова Е. В. Речевые деликты в контексте современных реалий // Юрислингвистика. – 2023. – 27. – С. 124-129.

Alymova E. V. (2023). Speech Torts in the Context of Modern Realities. Legal Linguistics, 27, 124–129.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0. License

Стратегия речевой дискредитации: репертуар тактик и приемов (из опыта экспертной работы)

В. П. Засыпкин¹, Т. А. Сироткина², С. С. Захарченко³

Сургутский государственный педагогический университет

50 лет ВЛКСМ, 10/2, 628400, Сургут, Россия. E-mail: ¹zasipkin06@mail.ru, ²sirotkina71@mail.ru, ³svetlana_driga@mail.ru

Статья посвящена исследованию репертуара прямых и косвенных тактик, позволяющих реализовать речевую стратегию дискредитации использования Вооруженных Сил Российской Федерации в целях защиты интересов Российской Федерации и ее граждан, поддержания международного мира и безопасности; дискредитации исполнения государственными органами Российской Федерации своих полномочий в целях защиты интересов Российской Федерации и ее граждан. Материал исследования – видеофайлы, фотоизображения, скриншоты социальных сетей, содержащие признаки дискредитации. В работе использованы методы дискурс-анализа, семантического анализа, мотивационно-целевого анализа. Анализ позволил выявить типичный набор тактик для реализации стратегии, позволяющий лингвисту-эксперту квалифицировать высказывания как дискредитирующие.

Ключевые слова: стратегия речевой дискредитации, репертуар тактик, прямые/косвенные тактики.

Speech Strategies of Defamation (Based upon Experience of Forensic Linguists)

V. P. Zasyupkin¹, T. A. Sirotkina², S. S. Zakharchenko³

Surgut State Pedagogical University

10/2, 50 Let VLKSM St. 628400, Surgut, Russia. E-mail: ¹zasipkin06@mail.ru, ²sirotkina71@mail.ru, ³svetlana_driga@mail.ru

The article considers the repertoire of direct and indirect speech tactics applied to implement strategy of defamation of the Armed Forces of the Russian Federation employed to defend Russian Federation's interests and its citizens' interests, support international peace and safety; defamation of Russian government authorities executing defense of Russian Federation's interests and its citizens' interests. The material of research – video files, pictures, screenshots of the social nets, containing the signs of defamation. The method of discourse analysis, semantic analysis, motivation and target analysis are used in the research. The typical set of speech tactics of defamation strategy was revealed. The set is a certain basis for a linguist to qualify utterances as defamatory.

Key words: defamation strategy, repertoire of speech tactics, direct and indirect speech tactics.

Речевая стратегия дискредитации в силу конкретных политических событий, происходящих в стране и мире последние полгода, становится предметом лингвистических исследований и экспертиз во многих российских регионах, и Ханты-Мансийский автономный округ – Югра не является исключением. Коллектив лингвистов-исследователей нашего вуза, осуществляя системную работу по подготовке заключений по результатам проводимых лингвистических исследований/экспертиз, отмечает, что доля материалов по вопросам дискредитации Вооруженных Сил Российской Федерации, в целом Российского государства, президента РФ, поступающих на исследование последние 7 месяцев, составляет примерно треть.

В настоящей статье обозначены основные тактики и приемы, на наш взгляд, являющиеся типичными для реализации обозначенной в качестве предмета публикации стратегии, независимо от типа дискурса, к которому может быть отнесен исследуемый материал.

Понятие «стратегия» было заимствовано лингвистикой из военной науки для анализа современной политической коммуникации [Хабекирова 2011]. Материалы исследований, которые легли в основу статьи, к политическому дискурсу относятся имеют лишь косвенное, политика становится предметом, темой анализируемых нами продуктов речевой деятельности. Как правило, мы имеем дело с дискурсом бытовым.

По мнению О. С. Иссерс, «социальные отношения, политическая ситуация, групповые и общественные интересы находят отражение в языке, в частности в конструировании модели мира, желательной говорящему» [Иссерс 1997]. Язык обладает такими интерпретационными возможностями, которые позволяют планировать речевое воздействие. Сущность речевого воздействия заключается в таком использовании языка, при котором в модель мира реципиента (слушателя, читателя) «вводятся новые знания и модифицируются уже имеющиеся» [Баранов 1989: 12]. Язык является инструментом социальной власти [Блакар 1987]. Осуществление «социальной власти» предполагает, что за языковым выражением всегда стоят какие-либо интересы, цели, чья-то точка зрения. Эти интересы определяют коммуникативные цели дискурса. Вслед за М. А. Сиворакша мы убеждены, что стратегия речевой дискредитации может реализовываться «не только в области политической риторики», но и «в условиях повседневного диалогического общения» [Сиворакша 2007].

Если в рамках дискурса политического основной коммуникативной установкой адресанта при реализации стратегии речевой дискредитации является «понижение авторитета противников» [Карякин 2009], то в рамках дискурса бытового, с учетом стратегии речевой дискредитации, коммуникативной интенцией адресанта, как правило, становится:

1. **Создание отрицательного образа президента РФ – В. В. Путина**, его действий по использованию Вооруженных сил РФ на территории Украины, подрыв его авторитета; порождение сомнений в правильности его действий – манипуляция сознанием граждан (например, горожан, если речь идет о плакатах, надписях на фасадах зданий города; пользователей сети, если они являются подписчиками адресанта).
2. **Подрыв авторитета России / российских солдат**, участвующих в военных действиях на территории Украины; **порождение сомнений в правильности их действий – манипуляция сознанием «российских патриотов»;**
3. **Создание в сознании «российских патриотов» образа «Правой Украины / украинских граждан / украинской армии».**

Под «дискредитацией» мы понимаем действия, направленные на подрыв авторитета, имиджа и доверия к кому-либо, умаление его достоинства и авторитета. Сама по себе дискредитация, разумеется, включает не только речевые действия: подрывать доверие может обнародование каких-либо негативных фактов или мнения, действия против кого-либо, сигнализирующие о недоверии (прямо или косвенно), и т. д. Нас же интересуют речевые действия, цель которых – подорвать доверие, вызвать сомнение в положительных качествах кого-либо.

В методическом письме «Об особенностях комплексных психолого-лингвистических судебных экспертиз информационных материалов, связанных с публичной дискредитацией использования Вооруженных Сил Российской Федерации» с опорой на тексты соответствующих законов определены следующие типы экстремистских значений, которые необходимо выявить в данном случае:

- 1) дискредитация использования Вооруженных Сил Российской Федерации в целях защиты интересов Российской Федерации и ее граждан, поддержания международного мира и безопасности;
- 2) дискредитация исполнения государственными органами Российской Федерации своих полномочий в целях защиты интересов Российской Федерации и ее граждан, поддержания международного мира и безопасности;
- 3) побуждение (в том числе в форме призыва) к воспрепятствованию использования Вооруженных сил Российской Федерации в целях защиты интересов Российской Федерации и ее граждан, поддержания международного мира и безопасности или исполнения государственными органами Российской Федерации своих полномочий в указанных целях.

Н. Б. Руженцева, понимая под тактикой достаточно крупную коммуникативную единицу (конкретную методику, схему действия), считает, что дискредитирующие тактики можно классифицировать, основываясь на типе информации, содержащейся в них, как прямые и косвенные [Руженцева 2004].

Взяв за основу этот принцип, рассмотрим, с помощью каких тактик может быть реализована стратегия речевой дискредитации. Основываясь на массиве данных, имеющихся у нас в рамках подготовки данного доклада, заметим, что преобладающими становятся прямые тактики, в основе которых содержится открытая вербальная (словесная) форма информации (когда сведения даны в виде отдельного высказывания или цепочки взаимосвязанных высказываний), носящая как фактологический, обобщающий, так и оценочный характер.

Примерами открытой дискредитирующей информации могут служить высказывания респондентов о событиях специальной военной операции на территории Украины, зафиксированные в ряде исследованных нами видеофайлов, фотоизображений (скриншоты из социальных сетей).

Одной из ключевых становится 1) тактика обвинения, в частности президента РФ в создании неблагоприятной для России ситуации, создание отрицательного образа не только самого президента, но и последствий происходящего:

«Правительство Р**и хочет ухудшить своим действием жизнь простых граждан. На нас уже наложены санкции, от нас уже отказываются множество стран, с которыми мы сотрудничаем. Мы могли бы дальше сотрудничать и продолжать жить, но, к сожалению, этого не получается сделать из-за того, как наш президент и верхушка ведут себя в чужой стране»; «Я, не смотря не то, что официальная позиция говорит о том, что это спецоперация, расцениваю это как **военное вторжение**. По сути – **война**, потому что никто не ждал и не ожидал этого. Мы понимали, что они могут войти в ДНР и ЛНР, занять позиции, создать линию разграничения, чтобы просто больше там не было обстрелов. Если **там Р***ая армия, то как бы чревато**. Но то, что случилось, оно повергло в шок меня, всех кого я знаю, **это наступление, со всех сторон**, которые возможно, в том числе и со стороны Белоруссии».

В высказываниях «Пу*** нас убивает везде»; «Все президенты что сейчас правят мрази бездушные, фашисты и враги народа!»; «Всегда верил что нашей страной управляет антихрист» создается отрицательный образ власти в целом, президента РФ в частности.

Примером обвиняющей тактики могут стать высказывания – репрезентации речевого акта призыва, например. Так, призыв «*Будьте сильными, объединяйтесь против узурпатора в кремле, против диктата и произвола действующей власти*» содержит номинацию «узурпатор», приписываемую президенту РФ, в основе которой – глаголы с отрицательной, деструктивной семантикой: «захватывать», «хватать», сочетающиеся с наречием «незаконно». Ярко выраженная негативная окраска номинации «узурпатор» составляет основной смысл ее употребления – адресант «обвиняет» президента РФ в «незаконном захвате власти».

Обнаруживается большое количество высказываний, реализующих коммуникативную установку адресанта посредством 2) тактики нагнетания отрицательного, отрицательные факты «нанизываются» авторами высказываний один на другой: «*Зачем он положил уже 500 человек своих? Зачем? Не знаем...да ну его на хрен*»; «*Я считаю, это очень плохо. Конечно, нельзя мирных граждан убивать, стрелять...Это катастрофа*»; «*Что сделал наш народ с теми, кто нес нам НЕМЕЦКИЙ МИР? Ты хочешь, чтобы с нашими сыновьями так поступили, которых послали туда нести РУССКИЙ МИР?*».

Примером реализации стратегии дискредитации посредством тактики нагнетания – создания отрицательного образа происходящего в Украине конфликта может служить высказывание пользователя «А.К.» социальной сети «*Правильно, нам тоже пропагандируют такую правду!!! А иначе, зачем у наших солдат забрали средства связи? Родные не знают, что с ними. Представьте состояние родителей?!!!*». Образ ситуации, «пропагандируемый» на территории РФ, по мнению автора, пользователя «А.К.», не соответствует действительности. Эффект нагнетания усиливается использованием знаков препинания – восклицательного, вопросительного, подчеркивающих эмоциональность автора.

Тактика нагнетания обнаруживается и в высказывании, в котором образ «будущего» очерчен с использованием конструкций будущего времени, форм будущего времени глагола «быть», часто в сочетании с отрицательной частицей «НЕ»: «*ЛЮДИ ОЧНИТЕСЬ! ЧТО ВЫ ДЕЛАЕТЕ!!! Когда погибнут десятки тысяч ЛЮДЕЙ, будет уже поздно! Тогда их будет уже не вернуть!!!!!!.....*».

В приведенном ниже высказывании автор использует тактику нагнетания отрицательного, например отрицательных фактов: «*Вас заставляют друг друга убивать те, кто планировал эту войну более девяти лет!!! После они стреляли в обе стороны, чтобы получился конфликт! А далее 8-мь лет промывали мозги!!! А люди стреляли в друг друга, думая, что стреляют в нацистов! И В планы тех, кто спланировать эту войну, не входили жизни людей!!! Ими руководила жажда наживы!!!*». Информация по своему типу – фактологическая, представлена набором утвердительных предложений, безапелляционных суждений автора о конкретной ситуации, конкретных действиях, выраженных глаголами с отрицательной, деструктивной семантикой, например «заставляют убивать», «стреляли», «промывали мозги». В характеристике совершенных, по мнению автора, высказываний, действий использованы номинации «война», «жажда наживы» – слова с ярко выраженной негативной окраской, обозначающие антиобщественную деятельность. Субъект действий вербально в представленных высказываниях не обозначен. Однако предикативные конструкции, выраженные глаголами множественного числа прошедшего, настоящего времени («заставляют убивать», «стреляли», «промывали мозги», «заставляют») приписывают обозначенные действия группе лиц, имеющей власть.

Представленный на исследование материал содержит атрибуты с отрицательной семантикой, приписываемые народу – гражданам Российской Федерации. По мнению адресанта, пользователя «Р.М.», причина, которая находит прямое вербальное выражение в высказывании – власть: «*Наш народ втоптали в грязь, уничтожили его душу, сделали его трусливым и молчаливым быдлом забывшим свои корни*». Адресант использует атрибуты с отрицательной семантикой («трусливое, молчаливое быдло» (о народе)), глаголы с прямой негативной оценкой, слова, означающие негативные действия, приписываемые власти: «*Наш народ втоптали в грязь, уничтожили его душу*». Часто эффект нагнетания усиливается графически, посредством использования знаков препинания, подчеркивающих эмоциональность автора.

Пользователями социальных сетей активно используется в рамках рассматриваемой нами речевой стратегии 3) тактика «умаляющего» сравнения. Так, например, в основе видеоряда или высказываний в анализируемых нами материалах фиксируется идея сопоставления действий президента РФ, его политики с действиями, идеологией нацистской Германии времен 1939–1945 гг.

В ряде креолизованных текстов в исследуемых материалах символ «Z» (ставший военным после ввода российских войск на территорию Украины) трансформируется в фашистскую свастику, что ставит их в один синонимический ряд. Усиливает идею сопоставления и звуковое сопровождение видеоряда – песня на немецком языке «*Марш*

окупантов». Аналогичная идея сопоставления обнаруживается в эпизоде, связанном с демонстрацией фотоизображений: фотографии разрушенных зданий, сопровождающиеся надписями «Харьков 1943», «Харьков 2022»; «Киев 1943», «Киев 2022».

Конструированию отрицательного образа президента РФ способствует использование в исследуемых материалах графических изображений. Примером может служить такой выделительный креолизованный текст: вербальный (словесный ряд) – «Putin=Hitler», где равнозначность имен, категорий маркирована знаком «равно». «Подчеркнуто» «равенство» рядом визуальным: фотомонтаж – коллаж – изображение Путина с «нанесенными» на фото узнаваемыми чертами лица Гитлера.

Зачастую в материалах, реализующих стратегию речевой дискредитации, нами обнаруживается использование адресантом 4) тактики «навешивания» ярлыков. Примером реализации тактики «навешивания» ярлыков становится высказывание «у наших солдат забрали средства связи», где «ярлык» – безапелляционное суждение, выраженное в форме утверждения о факте.

Тактика «навешивания» ярлыков реализована в следующих высказываниях: «Вот это издеваются только наши, уничтожая типо огневые точки противника и стратегические объекты...»; «ЭКОНОМИКЕ ПИ***Ц ЗАТО ПУ*** МОЛОДЕЦ»; «ПУ*** ЛЮБИТ ВОЕВАТЬ НА НАРОД ЕМУ НАСРАТЬ»; «ВО** СКУЧНО ВОРОВАТЬ СТАЛ НАШ ВО** ВОЕВАТЬ»; «ПУ*** ГАД НАС ТАЩИТ В АД»; «ВО** НАЧАЛ ВДРУГ ВОЙНУ ПОЛОЖИВ ХЕР НА СТРАНУ». Высказывания содержат «ярлыки» – безапелляционные суждения, выраженные в форме утверждений о фактах. Ярлык мы понимаем как некий символ, образ, приписываемый объекту.

Фигурирующие в высказываниях-примерах глаголы, обозначающие действия российской армии, действия президента РФ, имеют деструктивную семантику, транслируют оценочное авторское суждение «В. В. Путин ведет страну в «никуда»; идею о том, что В. В. Путин равнодушен к судьбе страны и т. д. В основе высказываний женская рифма (ударение на предпоследней гласной рифмованных слов). Использование адресантом рифмы как ключевого приема построения высказываний способствует их быстрому запоминанию и точному воспроизведению адресатом – ретрансляции.

Н. Б. Руженцева отмечает, что тактика «навешивания ярлыков» в большинстве случаев «реализуется посредством использования инвективной или близкой к инвективной лексики, то есть таких слов и выражений, которые содержат в своей семантике экспликацию намерения унижить, оскорбить, опозорить другого человека» [Руженцева 2004]. Эта тенденция ярко просматривается в приведенных нами примерах, демонстрирующих эту тактику.

В качестве маркера реализации речевой дискредитации можно обозначить и 5) использование метафор (фразеологизмов) с негативной оценочностью. Например, в высказывании пользователя социальной сети «*Похоже здесь уместна поговорка: – Кровь за кровь, смерть, за смерть!!! Ну как бы вы не считали себя праведными – нацизм, нацизмом не искоренить... Люди одумайтесь!!! Вас заставляют друг друга убивать те, кто планировал эту войну более девяти лет!!! После они стреляли в обе стороны, чтобы получился конфликт! А далее 8-мь лет промывали мозги!!!*» приписываемое субъекту автором высказываний действие «промывали мозги» содержит глагол с осуждающей семантикой, имеющий прямую негативную оценку; использованное жаргонное словосочетание синонимично литературному «обманывать, вводить в заблуждение».

Среди выделенных нами косвенных тактик, типичных для реализации стратегии речевой дискредитации, мы обозначили намек и тактику маскировки.

Основу косвенных тактик составляют а) пресуппозитивная (затекстовая) форма информации и б) подтекстовая форма – когда информация не содержится в самом тексте, но легко «извлекается» из него читателем или слушателем.

Начнем с тактики 1) намек. Примером дискредитирующей информации может служить высказывание одного из пользователей социальной сети «ВКонтакте»: «*Ро***ие солдаты не занимаются мародерством, а стиральные машины, ковры и унитазы с собачьими будками – просто привезли с собой, чтобы отправить домой белорусской почтой*». В высказывании фиксируется намек на «противоречие здравому смыслу» (совокупности общепринятых, часто неосознанных способов объяснения и оценки наблюдаемых явлений внешнего и внутреннего мира), затекстовая форма информации во второй части предложения содержит намек на абсурдность ситуации, НЕ позволяет адресату воспринять смысловое содержание первой части как истинное, напротив, содержит идею, смысл, который адресант пытается донести до пользователей: «Само по себе высказывание» – просто абсурд, ведь очевидно, что «*стиральные машины, ковры и унитазы с собачьими будками*» они явно не привезли с собой, это следствие устроенного ими мародерства.

Скрытый смысл, неявный смысл, открывающийся реципиенту текста не сразу, содержится и в следующем примере: «*Люди, которые были убиты – сами себя связывали и стреляли в затылок, у украинцев это в крови – убивать себя и своих*». Пользователь сети намекает адресату (транслирует имплицитно): «*это невозможно*», «*этому нельзя верить*» и т. п.

Поскольку представленные высказывания принадлежат одному автору, принимая во внимание его коммуникативную установку, намек как ключевую тактику, высказывание в примере «*Ро***я не врет, поэтому ввела уголовное наказание за распространение любой информации о войне, закрыла все оппозиционные каналы и СМИ, соцсети*» следует трактовать не иначе как «Россия врет, иначе зачем бы она (Россия – метонимия к «власть») вводила уголовное наказание, закрывала оппозиционные каналы и СМИ». Субъектом действия в данном высказывании выступает «Россия». Используемая номинация – метонимия к номинации «власть», предикат, действие, приписываемое имплицитно адресантом субъекту – «врет» – глагол, означающий социально осуждаемую

деятельность, свидетельствуют о неуважении автора высказывания к субъекту высказывания – органам, осуществляющим государственную власть в Российской Федерации.

Бесспорно, ключевой интенцией пользователя, его коммуникативным намерением становится подрыв авторитета России / российских солдат; порождение сомнений в правильности их действий – манипуляция сознанием «российских патриотов»; создание в их («российских патриотов») сознании образа «Правой Украины».

В ряде случаев используется также 2) тактика маскировки содержательных элементов текста. При использовании тактики маскировки в тексте присутствует так называемая «криптолалическая коммуникативная установка» [Дорониная 2015]. Именно она наблюдается в случае написания выражения, представленного в качестве следующего примера: «Н*Т В***Е».

Таким образом, для реализации стратегии речевой дискредитации используется определенный репертуар (набор) речевых тактик, в основе классификации которых – тип содержащейся в них информации. Среди ключевых прямых тактик – тактики обвинения, создание отрицательного образа последствий – нагнетание отрицательного, например отрицательных фактов. Типичным является применение тактик не прямых оскорблений, навешивание ярлыков, использование умаляющих сравнений. Достижению цели способствует использование метафор с негативной оценочностью. В числе выделенных нами косвенных тактик, способствующих реализации стратегии речевой дискредитации, – намеки и тактика маскировки.

Безусловно, описание дискредитирующих тактик, представленное в рамках настоящей статьи, не является исчерпывающим, наши наблюдения основаны на исследовании конкретных материалов за достаточно небольшой период времени. Тем не менее знания о типичном наборе тактик для реализации стратегии речевой дискредитации позволяют анализировать проблемные материалы, квалифицировать высказывания как дискредитирующие.

Литература

- Баранов А. Н. Лингвистическая теория аргументации (когнитивный подход). М., 1989.
- Баранов А. Н. Лингвистическая экспертиза текста: теоретические основания и практика: учеб. пособие. М., 2013.
- Блакар Р. М. Язык как инструмент социальной власти / Язык и моделирование социального взаимодействия. – 1987. – С. 88-125.
- Дорониная С. В. «Командир! Может, договоримся?»: приемы дискурсивного анализа в лингвистической экспертизе текстов по антикоррупционным делам / Политическая лингвистика. – 2015. – № 3 (53). – С. 245-249.
- Иссерс О. С. Паша-«Мерседес», или речевая стратегия дискредитации / Вестник Омского университета. – 1997. – №2. – URL: <https://omsu.ru:8443/vestnik/articles/y1997-i2/a051/article.html>
- Карякин А. В. Стратегия дискредитации как способ реализации речевой агрессии / Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2. Языкознание. – 2009. – №2. – С. 163-167.
- Методическое письмо «Об особенностях комплексных психолого-лингвистических судебных экспертиз информационных материалов, связанных с публичной дискредитацией использования Вооруженных Сил Российской Федерации». М., 2022.
- Руженцева Н. Б. Дискредитирующие тактики и приемы в российском политическом дискурсе: Монография. – Екатеринбург, 2004.
- Сиворакша М. А. Дискредитация как разновидность конфликтного общения / Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. – 2007. – № 44. – С. 452-457.
- Хабекирова З. С. Стратегия дискредитации и приемы ее реализации в политическом дискурсе демократической оппозиции / Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение. – 2011. – №2. – С. 138-144.

References

- Baranov, A. N. (1989). Linguistic theory of argumentation (cognitive approach). Moscow (in Russian).
- Baranov, A. N. (2013). Forensic linguistics of the text: theoretical basis and practice. Moscow (in Russian).
- Blakar, R. M. (1987). Language as an instrument of social power. Language and modelling of social interaction, 88–125 (in Russian).
- Doronina, S. V. (2015). «Let's agree commander!»: the methods of discourse analysis in the linguistic examination of corruption speech crimes. Political Linguistics, 3 (53), 245-249 (in Russian).
- Issers, O. S. (1997). Pasha-«Mercedes», or discredit speech strategy. Bulletin of Omsk University. Available from: <https://omsu.ru:8443/vestnik/articles/y1997-i2/a051/article.html> (in Russian).
- Karyakin, A. K. (2009). Discredit strategy as a way of speech aggression's realization. Bulletin of Volgograd University, 2, 163-167 (in Russian).
- Khabekirova, Z. S. (2011). Discredit strategy and ways of its realization in a political discourse of democratic opposition. The Bulletin of Adyge State University, the series "Philology and the Arts", 2, 138-144 (in Russian).
- Methodical letter "Of the features of complex psychological and linguistic expertise of the informative materials connected with public discredit of the Armed Forces of the Russian Federation" (2022). Moscow (in Russian).
- Ruzhentseva, N. B. (2004). Discredit tactics in Russian political discourse: a monograph. Yekaterinburg (in Russian).

Sivoracksha, M. A. (2007). Discreditation as a way of conflict interaction. *Izvestia: Herzen University Journal of Humanities and Sciences*, 44, 452-457 (in Russian).

Citation:

Засыпкин В. П., Сироткина Т. А., Захарченко С. С. Стратегия речевой дискредитации: репертуар тактик и приемов (из опыта экспертной работы) // Юрислингвистика. – 2023. – 27. – С. 130-135.

Zasyrkin V. P., Sirotkina T. A., Zakharchenko S. S. (2023). Speech Strategies of Defamation (Based upon Experience of Forensic Linguists). *Legal Linguistics*, 27, 130-135.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0. License

Идея «биополитики» Мишеля Фуко в контексте современной методологии теоретико-правовых исследований

Л. М. Волокитина

Санкт-Петербургский государственный университет

Университетская наб., 7, 199034, Санкт-Петербург, Россия. E-mail:

lidavolokitina97@gmail.com

Статья посвящена исследованию концепции «биополитики», разработанной французским философом второй половины XX века Мишелем Фуко. В своем научном наследии Мишель Фуко привнес много новых идей, актуальных для социально-гуманитарных наук, в том числе – и для юриспруденции. Исходя из логики Мишеля Фуко, «биополитика» является проявлением «власти» вообще и «дисциплинарной власти» – в частности. Основная цель «биополитики» – обеспечить полный контроль не только за социальной, но и за биологической жизнью каждого индивида. Ввиду тесной соотнесенности с социальной реальностью «биополитика» оказывается созвучна актуальным вопросам теоретико-правовых исследований. Современная теория права ищет новые подходы к пониманию права. Но современные методологии трудно представить себе без плотной вовлеченности познающего субъекта в познавательный процесс. Не быть не вовлеченным в «биополитику» невозможно. В этом моменте и проявляется необходимая связь между «биополитикой» и актуальными теоретико-правовыми исследованиями. Сквозь призму «биополитики» в статье делается попытка переосмыслить понятие «пределов правового регулирования» в условиях цифровой эпохи. Таким образом, в статье предпринимается попытка актуализировать идею «биополитики» Мишеля Фуко с точки зрения теории права. В статье делается вывод о том, что идея «биополитики» Мишеля Фуко имеет значительный исследовательский потенциал для теоретико-правовых исследований, поскольку рассмотрение пределов правового регулирования через биополитику показало их подвижность как явления правовой реальности. Таким образом, становится очевидно, что философские идеи Мишеля Фуко заметно обогащают контекст современной методологии теоретико-правовых исследований.

Ключевые слова: биополитика, дисциплинарная власть, Мишель Фуко, пределы правового регулирования, цифровая эпоха.

Michel Foucault's Idea of "Biopolitics" in the Context of Contemporary Legal Theory Methodology

L. M. Volokitina

Saint Petersburg State University

Universitetskaya emb., 7, 199034, St. Petersburg, Russia. E-mail: lidavolokitina97@gmail.com

This article explores the concept of "biopolitics" developed by French philosopher Michel Foucault in the second half of the 20th century. In his scientific legacy Michel Foucault brought many new ideas that are relevant to the social sciences and humanities, including jurisprudence. According to Michel Foucault's logic, "biopolitics" is a manifestation of "power" in general and "disciplinary power" - in particular. The main goal of "biopolitics" is to ensure complete control not only over the social but also over the biological life of each individual. Due to its close correlation with social reality, "biopolitics" is in tune with the current issues of theoretical legal research. Modern legal theory is looking for new approaches to the understanding of law. But modern methodologies are difficult to imagine without the dense involvement of the cognitive subject in the cognitive process. It is impossible not to be involved in "biopolitics". This is where the necessary connection between "biopolitics" and contemporary theoretical and legal research comes into play. Through the prism of "biopolitics", the article attempts to rethink the concept of "the limits of legal regulation" in the "digital age". Thus, the article attempts to update Michel Foucault's idea of "biopolitics" from the perspective of legal theory. The article concludes that Michel Foucault's idea of "biopolitics" has

considerable research potential for theoretical and legal research, since the consideration of "the limits of legal regulation" through "biopolitics" has shown their mobility as a phenomenon of legal reality. It is thus evident that Michel Foucault's philosophical ideas are markedly enriching the context of contemporary legal-theoretical research methodology.

Key words: biopolitics, disciplinary power, Michel Foucault, limits of legal regulation, digital age.

Мишель Фуко (1926 – 1984) французский философ, теоретик культуры и историк.

Мишель Фуко родился в 1926 году. После окончания лицея Генриха IV и получения степени бакалавра, М. Фуко поступает в Эколь Нормаль (в 1946 году), затем получает степень лиценциата философии в Сорбонне (в 1948 году). В период 1950х годов Мишель Фуко читает лекции в Эколь Нормаль (1951-1955 гг.); параллельно углубленно занимается вопросами психопатологии (диплом в 1952 году); также осуществляет преподавательскую деятельность во Французском институте города Упсала, Швеция, в университете Варшавы и в университете Гамбурга (1955-1960). После возвращения во Францию Мишель Фуко получает место заведующего отделением философии в университете Клермон-Феррана. Это очень плодотворный и насыщенный на события эпизод биографии М. Фуко, который завершается избранием Мишеля Фуко профессором кафедры «Истории систем мысли» в Коллеж де Франс (1970 год). Следующее десятилетие в биографии М. Фуко будет не менее ярким, чем предыдущее. Умер Мишель Фуко в 1984 году [Эрибон 2008: 370,371].

Первым крупным трудом М. Фуко является работа «История безумия в классическую эпоху» (1960), основанная на его исследованиях в области истории медицины [Falzon 2013: 84-101]. Другие работы, принесшие М. Фуко широкую известность – это методологические трактаты «Слова и Вещи: археология гуманитарных наук» (1966) и «Археология знания» (1969). После методологических работ, М. Фуко публикует своё новое исследование «Надзирать и наказывать: Рождение тюрьмы» (1975), основанное на его поисках в области истории пенитенциарной системы, показывающее европейскую хронику развития этого института [Falzon 2013: 84-101]. Последней крупной монографической работой М. Фуко является четырехтомный труд «История сексуальности» (первый том, «Воля к знанию», 1976; второй том, «Использование удовольствий», и третий том, «Забота о себе», 1984; четвертый том, «Признания плоти», 2018, посмертное издание) [Downing 2008: 86-103].

Современные исследователи так характеризуют научное наследие Мишеля Фуко: «...одно из самых ярких имен среди современных французских мыслителей. Однако четко определить область его творчества нелегко <...>. [Для Фуко характерны] скрещения дисциплин и подходов, причем это не привычная нам теперь невнятная междисциплинарность, а сочетание нескольких профессиональных компетенций» [Автономова 2009: 274].

Таким образом, можно сделать вывод о том, что философское наследие Мишеля Фуко, полное оригинальных идей, актуальных в современных социально-гуманитарных науках, может иметь весьма значительный потенциал и в новейших исследованиях в области теории права, заметно обогатить современную методологию теоретико-правовой науки. Тем более, что «...Фуко пользовался многими различными методами, и все его книги в определенном смысле являются методологическими, вот только метод не предшествует его исследованиям, но обретается в них. Нет ничего более чуждого Фуко, чем универсализм, претендующий на выработку общей методологии <...>» [Дьяков 2015: 449].

Так, одной из подробно разработанных проблематик в философском творчестве Мишеля Фуко является идея «власти» [May 2006: 96-125]. Анализируя примеры форм «власти» из истории, М. Фуко приходит к определению и пониманию современной «дисциплинарной власти» [Taylor 2014: 13,14; Бокарева 2019: 173]. Одним из самых любопытных видов проявления дисциплинарной власти является «биополитика» [Аласания 2018: 70-77; Антипов 2019: 174-186; Погоняйло 2020: 657-674].

Впервые Мишель Фуко упоминает «биополитику» в курсе лекций «Нужно защищать общество» (1975-1976): «Мне кажется, что одним из основных феноменов XIX века было и остается то, что можно бы назвать контролем жизни со стороны власти: это, если хотите, обретение власти над человеком как живым существом, своего рода этатизация биологического или, по меньшей мере, некоторая склонность к такой этатизации» [Фуко 2005: 253, 254]. Далее, М. Фуко углубляет понимание этой концепции в курсе лекций «Безопасность, территория, население» (1977-1978): «В этом году я хотел бы начать исследование предмета, ранее, в какой-то мере в предварительном порядке, обозначенного мною как биовласть и представленного, на мой взгляд, достаточно важной группой феноменов, а именно совокупностью механизмов, посредством которых то, что определяет основные биологические признаки человеческого вида, может проникать внутрь политики, внутрь политической стратегии, внутрь генеральной стратегии власти» [Фуко 2011: 13]. И в лекционном курсе «Рождение биополитики» (1978-1979) М. Фуко подводит первые итоги этого своего исследовательского проекта: «Я хотел изучить искусство управлять, то есть способ мыслить наилучшее управление, а также и в то же время рефлексию о наилучшем из возможных способов управлять. <...>...центральным ядром всех этих проблем оказывается то, что называется населением. А значит, исходя из этого и формируется биополитика» [Фуко 2010: 14, 38].

Исходя из этого, получается, что идею «биополитики» Мишеля Фуко можно представить так: она направлена на продолжительность жизни, заболеваемость [Кобылин 2011: 173]; главной целью её является «население» [Кобылин 2011: 173], она фокусируется на «массовых общественных явлениях» [Кобылин 2011: 173], её предназначение - «не изменение отдельных феноменов, а «оптимизация» жизни на глобальном уровне» [Кобылин 2011: 173].

Таким образом, трудно не согласиться с характеристикой о том, что «М. Фуко отходит от привычного нам восприятия: власть для него – вечно пылающий огонь социального тела. Она перестает быть лишь символом

государственного аппарата. М. Фуко воспринимает власть как совокупность социальных отношений» [Кравченко 2019: 44]. Именно из-за глубоко анализа явлений социальной реальности концепции Мишеля Фуко вообще (и идея «биополитики» - в частности) оказываются созвучными современным поискам теоретико-правовых наук.

В целом же, искания теоретико-правовых наук на современном этапе можно описывать следующим образом: «современная теоретическая юриспруденция переживает не лучшие времена, <...>. Сегодня в России ощущается дефицит правовой теории, ..., имеется явный недостаток исследований на стыке различных научных направлений гуманитарного знания. Поиск новых методологических средств, позволяющих расширять и совершенствовать знания о праве, имеет в настоящий период устойчивую тенденцию. <...> Правоведы пытаются расширить горизонты познания, предлагая новые подходы к праву, его пониманию, современные концепции и теории, объясняющие различные явления правовой действительности» [Шапка, Бобров 2015: 196]. Все эти тенденции представляются верно отмеченными в свете того, что «утратив прежний теоретический дом, предпринимаются попытки даже не построить новый, а вселиться в уже отстроенные теоретические здания. Отсюда интерес к феноменологии, юридической герменевтике, синергетике, методам социологии, психологии и т.п.» [Самородов 2014: 760].

В качестве примера подобной теоретико-правовой концепции, которая предлагает взглянуть на классические юридические вопросы под не-классическим углом зрения, можно назвать коммуникативную теорию права А.В. Полякова [Поляков 2004]. В коммуникативной теории права право исследуется как «социальное явление во всей его многогранности (правовая реальность), включая господствующие представления о праве, их знаковое воплощение в законодательстве и реализацию в юридически значимых практиках. При этом право рассматривается как феномен культуры, который не может существовать вне и без человека, социализированного в соответствующей правовой среде» [Шапка, Бобров 2015: 198, 199].

Таким образом, основными актуальными тенденциями современной методологии теоретико-правовых наук, как уже было показано выше, являются: представление об активной вовлеченности субъекта познания в научный процесс; взаимосвязь науки и социально-культурного ландшафта; необходимость междисциплинарных исследований и поиск новых подходов к пониманию права; интерес к философии XX века; отход от классических типов правопонимания (например, коммуникативная теория права А.В. Полякова).

Мишель Фуко же, в своих работах, как отмечают исследователи, использовал метод «интерпретирующей аналитики»: «французский философ пытался избежать недостатков как теоретического объяснения, характерного для позитивизма и структурализма, так и эмпирического понимания intersubъективных значений, присущего герменевтике и феноменологии. Поэтому Фуко занялся аналитикой, исследуя (вслед за Кантом и Хайдеггером) условия возможности феноменов, предстающих в качестве реальности (а не саму «реальность»); в то же время, он занимался интерпретацией, поскольку его аналитика укоренена в смыслах и значениях культуры и не нуждается во внешнем её описании» [Дьяков 2015: 454, 455].

Отсюда можно попробовать провести необходимую связь между идеей «биополитики» и современными теоретико-правовыми исследованиями. Так, например, представляется, что фукодианская «биополитика» может помочь расширить взгляд ученых на вопрос о «пределах правового регулирования».

В современной отечественной научной литературе «пределами правового регулирования» обозначают «обусловленную наличием объективных и субъективных факторов меру допустимого, необходимого и достаточного воздействия права на общественные отношения, осуществляемого с помощью специальных юридических средств» [Березина 2020: 45]. В то же время, исследователи акцентируют своё внимание на том, что «пределы правового регулирования» можно понимать «не только как пределы правового регулирования, осуществляемого с помощью норм позитивного права, но и как пределы осуществления субъективных прав и пределы исполнения юридических обязанностей» [Березина 2020: 45]. Вместе с тем, в дискуссии о «пределах правового регулирования» также уделяется внимание «границам воздействия права на сознание и поведение человека» [Березина 2020: 45] и «пределам правового регулирования, зависящих от государства, его властного воздействия на общественные отношения» [Березина 2020: 45]. Исходя из этого, основная идея «пределов правового регулирования» кроется в том, «что они отграничивают сферу правового от неправового; позволяют упорядочить процесс правового регулирования, определить его границы; определяют меру воздействия права на общественные отношения; позволяют наиболее рационально использовать средства, методы и способы правового регулирования» [Березина 2020: 45].

Рассуждая о соотношении и взаимосвязи «биополитики» и «пределах правового регулирования» видится необходимым отметить тот факт, что наше общество сейчас живет в «цифровую эпоху», поскольку от этого зависят направления и пути рассуждений. В «цифровую эпоху» очень остро стоит вопрос о «неприкосновенности частной жизни» [Дмитрик 2020: 54], что неизбежно сопрягается с проблемами «пределов правового регулирования». Как пишут исследователи: «В пользу наличия данного предела можно выдвинуть две группы аргументов: одни относятся к тому, что право не должно вторгаться в частную жизнь, другие – что право фактически не может регулировать частную жизнь» [Дмитрик 2020: 54].

Как уже удалось показать выше, идея «биополитики» заключается в одинаковом проникновении и в частную, и в публичную жизнь – и каждого индивида по отдельности, и всего общества сразу. В условиях «цифровой эпохи» получается так, что «новые формы медиакommunikации формируют реальность более мягко и надежно, чем старые формы тоталитарной власти, использующие прямые техники устрашения» [Сомин 2022: 129]. Таким образом, получается, что в условиях и ситуации реализации «биополитики» понимание «пределов правового регулирования» претерпевает значительные изменения, поскольку частное и публичное сливаются в единое целое, а «биополитические» акты направлены на сохранение и стабилизацию жизни каждого индивида по отдельности и

всего общества вообще, не отвлекаясь на «эгоистические» интересы.

Как следствие, становится очевидным, что идея «биополитики» Мишеля Фуко имеет значительный исследовательский потенциал, в том числе – и для вопросов теории права. Было рассмотрено соотношение идеи «биополитики» и «пределов правового регулирования», в результате чего получилось прийти к выводу о том, что в ходе осуществления «биополитики» «пределы правового регулирования» значительно изменяются.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что философские идеи Мишеля Фуко заметно обогащают контекст современной методологии теоретико-правовых исследований.

Литература

- Автономова Н.С. Мишель Фуко / *Философы двадцатого века. Книга третья. М., 2009. С. 274.*
- Аласания К.Ю. Философская концепция биовласти: истоки и перспективы / *Вестник Московского университета. – Серия 7: Философия. – 2018. – №4. – С. 70-77.*
- Антипов А.В. Биополитика, биокапитализм и биосоциальность: становление и развитие понятий / *Человек. – 2019. – Т. 30, №6. – С. 174-186.*
- Березина Е. А. Пределы правового регулирования общественных отношений: проблемы понимания, классификация и значение в механизме правового регулирования / *Актуальные проблемы российского права. – 2020. – Т. 15. – № 4(113). – С. 45.*
- Бокарева О.Б. Концепция власти и понятие «власть-знание» в философии Мишеля Фуко / *Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2019. – №3. – С. 173.*
- Дмитрик Н. А. Пределы правового регулирования в цифровую эпоху / *Информационное общество. – 2020. – №3. – С. 54.*
- Дьяков А.В. Мишель Фуко и его время. СПб., 2015.
- Кобылин И.И. Исток и сингулярность: Дж. Агамбен и М. Фуко о рождении биовласти / *Философия и общество. – 2011. – №3 (63). – С. 173.*
- Кравченко К.А. Философия власти Мишеля Фуко / *Державинский Форум. 2019. №11. С. 44.*
- Погоняйло А.Г. Биополитика: контекст и текст философии / *Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология. – 2020. – Т. 36. – Вып. 4. – С. 657-674.*
- Поляков А.В. Общая теория права: Проблемы интерпретации в контексте коммуникативного подхода: Курс лекций: Учеб. для студентов, обучающихся по направлению (специальности) «Юриспруденция». СПб., 2004.
- Самородов В.Н. Методологические основания современной юридической науки: постановка проблемы / *Вестник МГТУ. – №4. – 2014. – С. 760.*
- Сомин И. Д. Биополитика в сети: от реального к цифровому / *Личность. Культура. Общество. – 2022. – Т. 24. – № 2(114). – С. 129.*
- Фуко М. Нужно защищать общество: Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1975-1976 учебном году. СПб., 2005.
- Фуко М. Безопасность, территория, население: Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1977-1978 учебном году. СПб., 2011.
- Фуко М. Рождение биополитики: Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1978-1979 учебном году. СПб., 2010.
- Шапка В.В., Бобров Ф.А. Методология современной юриспруденции – возможен ли прорыв? / *Вестник ЮГУ. – 2015. – №2. – С. 196.*
- Эрибон Д. Мишель Фуко. М., 2008.
- A Companion to Foucault, edited by Christopher Falzon, et al., John Wiley & Sons, 2013.*
- Downing L. The Cambridge Introduction to Michel Foucault. Cambridge University Press, 2008.*
- May T. The Philosophy of Foucault. London, 2006.*
- Michel Foucault - Key Concepts, edited by Dianna Taylor. London, 2014.*

References

- Avtonomova, N.S. (2009). Michel Foucault. Philosophers of the twentieth century. Book Three. Moscow (in Russian).
- Alasania, K.Y. (2018). Philosophical Conception of Biopower: Origins and Perspectives. Herald of the Moscow University, 4, 70-77 (in Russian).
- Antipov, A.V. (2019). Biopolitics, Biocapitalism and Biosociality: Formation and Development of Concepts. Man, 6, 174-186 (in Russian).
- Berezina, E. A. (2020). Limits of legal regulation of social relations: problems of understanding, classification and value in the mechanism of legal regulation. Actual problems of Russian law, 4, 45 (in Russian).
- Bokareva, O.B. (2019). The concept of power and the notion of "power-knowledge" in Michel Foucault's philosophy. International Journal of Humanities and Natural Sciences, 3, 173 (in Russian).
- Dmitrik, N. A. (2020). Limits of legal regulation in the digital age. Information society, 3, 54 (in Russian).
- Dyakov, A.V. (2015). Michel Foucault and his time. Saint-Petersburg (in Russian).

- Kobylin, I.I. (2011). Origins and Singularity: J. Agamben and M. Foucault on the Birth of Biopower. *Philosophy and Society*, 3, 173 (in Russian).
- Kravchenko, K.A. (2019). Philosophy of Power by Michel Foucault. *Derzhavin Forum*, 11, 44 (in Russian).
- Pogonyaylo, A.G. (2020). Biopolitics: Context and Text of Philosophy. *Herald of Saint Petersburg University. Philosophy and Conflictology*, 4, 657-674 (in Russian).
- Polyakov, A. V. (2004). General Theory of Law: Problems of Interpretation in the Context of the Communicative Approach: Course of Lectures: Textbook for students studying at the direction (speciality) "Jurisprudence". Saint-Petersburg (in Russian).
- Samorodov, V. N. (2014). Methodological bases of modern jurisprudence: statement of the problem. *MSTU Vestnik*, 4, 760 (in Russian).
- Somin, I. D. (2022). Biopolitics in the network: from the real to the digital. *Personality. Culture. Society*, 2, 129 (in Russian).
- Foucault, M. (2005). We have to defend society: Course of lectures delivered at the Collège de France in 1975-1976. Saint-Petersburg (in Russian).
- Foucault, M. (2011). Security, Territory, Population: Course of lectures delivered at the Collège de France in 1977-1978 academic year. Saint-Petersburg (in Russian).
- Foucault, M. (2010). The Birth of Biopolitics: Course of lectures at the Collège de France in 1978-1979 academic year. Saint-Petersburg (in Russian).
- Shapka, V. V., Bobrov, F. A. (2015). Methodology of modern jurisprudence - is a breakthrough possible? *Vestnik YUU*, 2, 196 (in Russian).
- Eribon, D. (2008). Michel Foucault. Moscow (in Russian).
- A Companion to Foucault, edited by Christopher Falzon, et al., John Wiley & Sons, 2013.
- Downing L. The Cambridge Introduction to Michel Foucault. Cambridge University Press, 2008.
- May T. The Philosophy of Foucault. London, 2006.
- Michel Foucault - Key Concepts, edited by Dianna Taylor. London, 2014.

Citation:

Волокитина Л. М. Идея «биополитики» Мишеля Фуко в контексте современной методологии теоретико-правовых исследований // Юрислингвистика. – 2023. – 27. – С. 136-140.

Volokitina L. M. (2023). Michel Foucault's idea of "biopolitics" in the context of contemporary legal theory methodology. *Legal Linguistics*, 27, 136-140.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0. License

Подписано в печать 27.03.2023 г.

Дата публикации издания 01.04.2023 г.

Адрес издательства: 656049, Алтайский край, г. Барнаул,
пр. Ленина, 61.

© Алтайский государственный университет, 2023